

63 4/2(Чеч.)
А 87

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Б/М

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364051 г. Грозный, пр. Победы 22

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ г. ГРОЗНОГО

364051 ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
г. ГРОЗНЫЙ, пр. Победы 22
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Печатается по постановлению Ученого совета Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР (Темплан 1990 г.).

Редакционная коллегия:

В. Б. Виноградов (ответственный редактор), Х. М. Мамаев, З. И. Хасбулатова, Д. Ю. Чахкиев.

Рецензент: доцент кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого М. Х. Багаев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сектор археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР, недавно преодолев четверть века своей деятельности, постоянно и разными способами реализует традицию ознакомления научной и широкой общественности с результатами исследования различных проблем древней и средневековой истории, археологии и этнографии Чечено-Ингушетии путем регулярной публикационной работы. Даже оставив в стороне многочисленные труды, издаваемые сотрудниками сектора во всесоюзных, региональных и местных (внеинститутских) сборниках, следует отметить, что первый период истории сектора оказался отмечен не только выпуском в свет серии «Археолого-этнографических сборников» (1966, 1968, 1969, 1976), но и изданием ряда монографических исследований, не потерявших своего научного значения до сего дня (см.: Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный. 1963; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Материалы к археологической карте; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. VII—IV вв. до н. э. Вопросы политической истории, этногенеза и формирования культур. Грозный. 1972; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII—XVII вв.). Грозный. 1977).

В последующие годы (1979—1989) заинтересованный читатель получил от сектора 15 тематических сборников научных работ, перечень которых содержится в предисловии к новейшему из таких (Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный. 1989), причем необходимо подчеркнуть, что статьи по археологии, как правило, должным образом иллюстрированные, составляют большую часть этих изданий, во многом определяя их высокую общественную популярность.

На этом фоне предлагаемый ныне читателям сборник выделяется своей неординарностью. Впервые он представляет собой со-

держательную подборку статей-публикаций, вводящих в научный оборот богатые и разнообразные материалы новостроечных археологических исследований на территории нашего края. Оригинальный опыт такого рода, базирующийся не только на использовании новейших данных, но и на внимательном учете предшествующей практики, стал во многом возможен в результате нарастающих взаимодейственных контактов между сектором археологии и этнографии института и археологической лабораторией при межвузовской кафедре истории народов Северного Кавказа Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого. Тесное содружество такого рода приносит свои весомые плоды.

Сборник открывается публикацией С. Л. Дударева и Б. М. Хашегульгова, посвященной некоторым результатам раскопок разновременных курганов у станицы Калиновской Наурского района, попавших в 1988 г. в зону землеустроительных, мелиоративных работ. Ценность этих новых материалов возрастает хотя бы оттого, что степное терское левобережье не подвергалось специальному археологическому изучению со времен конца 50-х годов нашего столетия (раскопки Е. И. Крупнова и Н. Я. Мерперта). Теперь авторы вводят в научный оборот численно небольшую, но весьма информативную группу древних захоронений, совершенных в различные отрезки так называемого бронзового века. На фоне типичных и порой хорошо стратифицированных комплексов с чертами ямной и катакомбной историко-культурных общностей второй половины III — середины II тысячелетия до н. э. особенно выделяется погребение завершающего этапа эпохи бронзы (VIII в. до н. э.), в котором авторы справедливо (хотя и с понятной осторожностью) усматривают черты материальной и духовной культуры легендарных степняков-киммерийцев.

Новое, перспективное направление в пополнении археологических знаний о далеком прошлом нашего края обозначил своей статьей Х. М. Мамаев. Он обратился к хранящимся в фондах Чечено-Ингушского объединенного краеведческого музея полевым производственным записям, сделанным научным сотрудником А. В. Уэльсом в начале 1929 г., когда в Заводском районе г. Грозного подвергся сносу богатый и большой курган, оказавшийся в зоне промышленного строительства. «Акты по раскопкам...», уцелевшие с тех пор, трудно, разумеется, назвать полноценным археолого-историческим источником. Однако скрупулезный их анализ, предпринятый Х. М. Мамаевым, позволил с достаточной степенью убедительности (а иной раз и бесспорно) выявить небезынтересные, часто и типичные погребальные материалы эпохи бронзы, скифо-сарматского времени и, возможно, средневековья, связанные с доброй полусотней комплексов. Весьма различная степень документированности последних не снижает актуальности ярко вырисовывающейся задачи своевременного привлечения и ос-

мысления результатов давних, порой и слабо профессиональных «спасательных» археологических исследований.

Следующие три статьи прямо связаны с активизацией соответствующих изысканий археологов в горной Ингушетии в связи с начальным этапом строительства Кавказской перевальной железной дороги (ныне прекращенного).

Р. А. Даутова задалась целью не только ввести в научный оборот новые разнохарактерные выявленные или изученные ею самой археолого-архитектурные объекты (позднесредневековые склепы у села Тарш, Нижне-Леймийский и Эгикальский мавзолей), но и впервые опубликовать детальное текстовое (отчетное) описание Шуанских каменных ящиков, исследованных в 1937 г. Л. П. Семеновым и ранее известных лишь по отрывочным, суммарным и противоречивым данным. Таковые представлены в комплексе с несколькими погребениями, расчищенными Р. А. Даутовой на том же могильном поле в 1982 г. В данной статье привлекает внимание и само описание незаурядных добытых материалов и (пусть беглые, но весьма квалифицированные) замечания по хронологии публикуемых памятников и их отдельных разновидностей.

Крупную и важную по смыслу публикацию ценнейших материалов XIII—XV вв., связанных со стационарным изучением в 1987 г. полуподземных склепов Келийского могильника, представляет собой статья Е. И. Нарожного, Х. М. Мамаева, Д. Ю. Чахкиева, Р. А. Даутовой. В тот год были изучены богатые архитектурные и археологические материалы 9-ти коллективных усыпальниц. Они позволили объективнее взглянуть на проблему развития культуры предков ингушей в золотоордынскую эпоху с учетом традиционных процессов и инноваций, более всего связанных с южным (грузино-закавказским) и северным (кочевническим, древнерусским) фоном. Своеобразие различных склепов, их место в контексте общей историко-культурной панорамы памятника и конкретного микрорайона горной Ингушетии ставят перед исследователями, осознающими это, трудноразрешимые, но заманчивые задачи, стимулирующие дальнейшие научные поиски.

Завершает подборку статей работа Д. Ю. Чахкиева. В ней автор обнародовал подробные сведения о полдюжине поздне-средневековых погребальных и культовых памятников и их скоплениях, открытых им в последние годы в зоне строительства Кавказской перевальной железной дороги. Каждый из них по-своему обогащает хранилище известных науке фактов. Но наиболее интересен комплекс наблюдений, связанный с замечательным храмом-святилищем на труднодоступной вершине одного из отрогов хребта Цей-Лам. Он был открыт и обследован благодаря энтузиазму и краеведческой преданности молодого альпиниста А. А. Курочкина, вскоре безвременно погибшего. Публикация Д. Ю. Чахкиева

дает возможность еще раз предоставить нам историко-культурное богатство горной Ингушетии и высокую эффективность последовательного, фронтального изучения местных древностей.

Как и обычно, новый сборник добротнo иллюстрирован. Он наверняка привлечет (и удовлетворит, хотя бы отчасти) интерес специалистов, краеведов, учащейся молодежи, наших земляков и гостей республики, пожелавших познакомиться с тем многообразием археологических данных, которые открыли новостроечные работы в Чечено-Ингушской АССР.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают признание рецензенту — доценту кафедры всеобщей истории Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л. Н. Толстого М. Х. Багаеву взявшему на себя труд апробировать данный сборник перед его сдачей в печать.

Редакционная коллегия

С. Л. ДУДАРЕВ, Б. М. ХАШЕГУЛЬГОВ

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КАЛИНОВСКИХ КУРГАНОВ (ЧИАССР)

В 1988 г. Предгорно-плоскостная археологическая экспедиция археологической лаборатории Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого (руководитель профессор Виноградов В. Б.) вела хозяйственные исследования на землях колхоза им. В. И. Ленина неподалеку от ст. Калиновской Наурского района ЧИАССР, в процессе которых были выявлены новые материалы эпохи бронзы. Данная статья посвящена публикации некоторых из этих материалов.

Древнейшие материалы эпохи бронзы из Калиновского курганного могильника представлены захоронениями ямной культурно-исторической общности второй половины III тысячелетия до н. э. Погребение № 6 из кургана I группы 2 /рис. 1/ было совершено в яме неправильно-овальной формы, вытянутой по оси ЗЗЮ — СВВ. Ее размеры 1,62 м на 1,18 м. Дно погребальной ямы находилось на глубине — 2,64 м от центрального репера. В погребении был расчищен костяк взрослого человека средней сохранности. Погребенный лежал в скорченной позе на спине и был ориентирован черепом на ЮВ. Левая рука костяка была вытянута, правая согнута в локтевом суставе. Ноги, согнутые в коленях, завалились в левую сторону. Стопы ног костяка были покрыты охрой, а под туловищем и вдоль правой локтевой кости расчищен слой органического тлена коричневого цвета.

В том же кургане расчищено еще одно древнеямное погребение № 9 в яме с заплечиками. Оно было обнаружено на глубине — 2,60 м /рис. 2/. В ходе расчистки была выявлена яма неправильно-прямоугольной формы с закругленными углами и выгнутой южной стенкой. Длинными стенками яма была ориентирована по оси СЗЗ — ЮВВ. Размеры ямы: 1,70×2,23 м. На глубине — 2,95 м. была расчищена яма овальной формы, ориентированная по той же оси, что и первая, ее размеры: 1,33×1,71 м. Дно ямы находилось на глубине — 3,58 м. В яме был расчищен костяк взрослого чело-

ППАЭ/АЛ/-1988
Калиновский м-к
гр.2, кург.1, погр.6

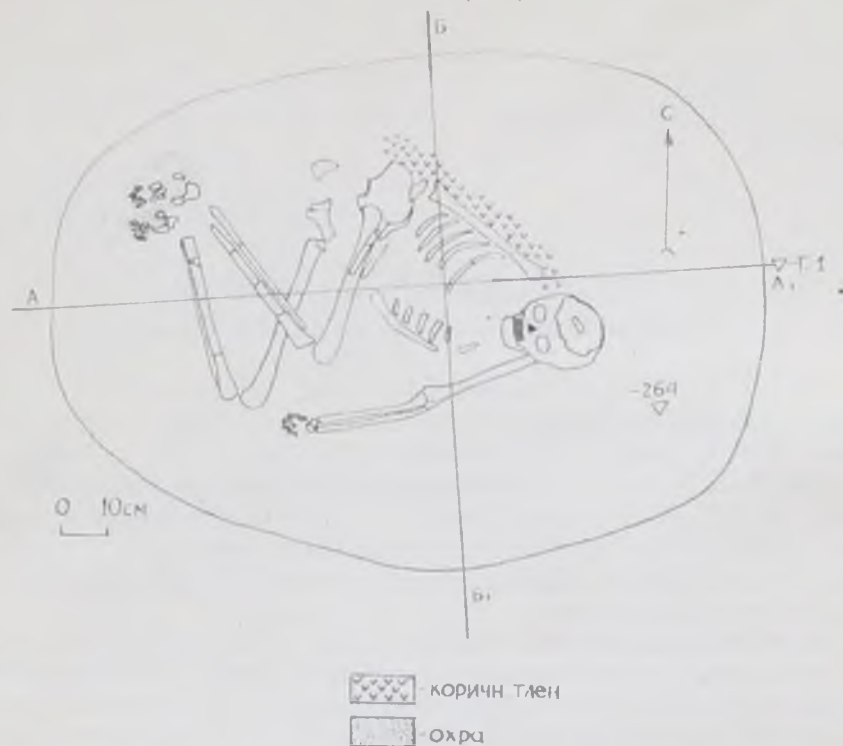

Рис. 1. Калиновский могильник. Группа 2, курган 1, погребение 6.

века средней сохранности. Погребенный располагался на спине и был ориентирован черепом на В. Костяк был частично разрушен: лучевые кости левой руки, кости нижней части позвоночника были разбросаны по дну ямы с левой стороны от костяка. Отсутствовали кости левой ноги, но кости стопы левой ноги сохранились. По-видимому, ноги погребенного были согнуты в коленях и подняты вверх.

Стратиграфические данные и особенности труположения документируют принадлежность данных погребений к ямной культурно-исторической общности. Характерной чертой погребений этой общности является и слабая насыщенность погребений инвентарем, что подтверждается новыми материалами из соседних районов степного Предкавказья /1, с. 35/. Аналогичные погребения представлены по всей степной полосе Предкавказья, в частности в Верхнем Прикубанье /2/, на Ставропольской возвышенности /1/, в Чечено-Ингушетии /3/ и на Восточном Маныче /4/. В эпоху ранней

ППАЭ/АЛ/-1988 Калиновский м-к гр.2, кург.1, погр.9

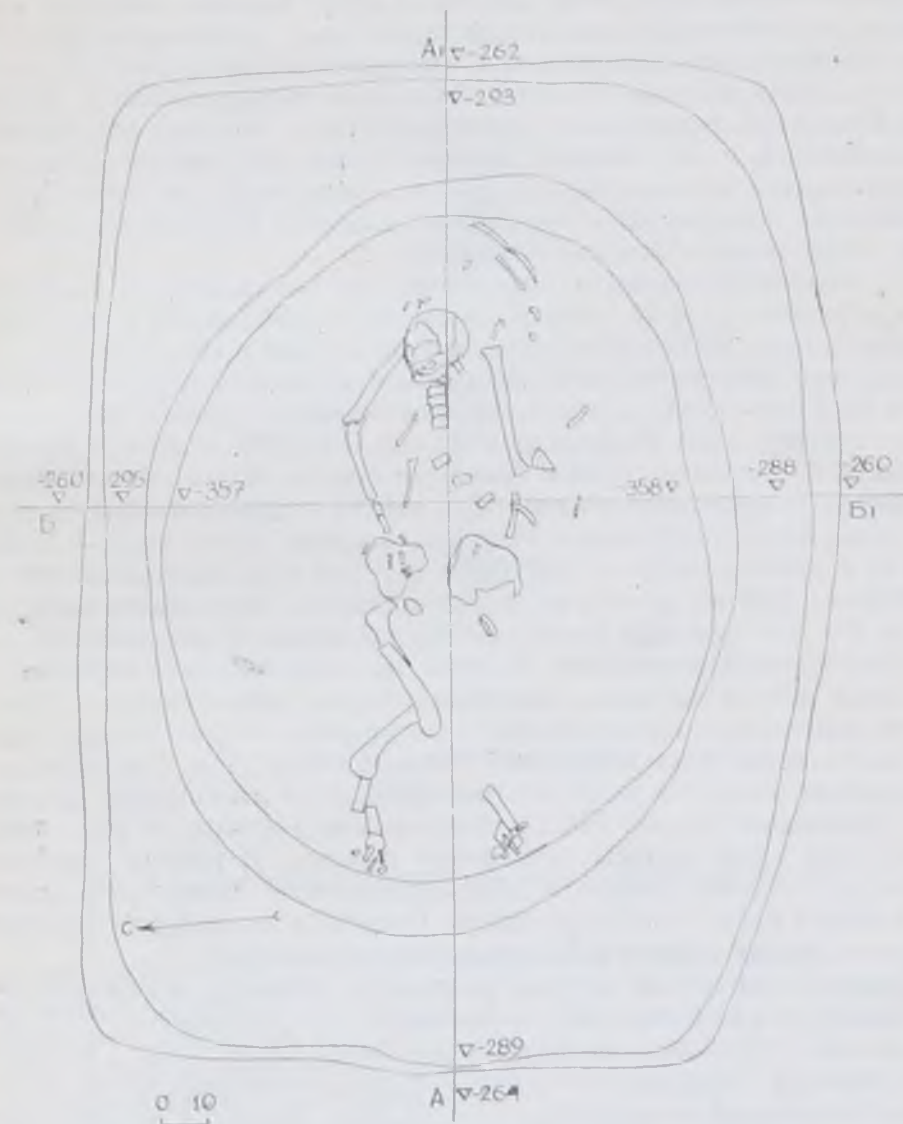

Рис. 2. Калиновский могильник. Группа 2, курган 1, погребение 9.

бронзы племени ямной культурно-исторической общности занимали практически всю территорию степной и частично лесостепной зон Восточной Европы от Приуралья на востоке до Подунавья на западе. По мнению авторитетных исследователей, ямная культурно-историческая общность представляла собой первое крупное объединение племен Восточной Европы в эпоху ранней бронзы, связанное целостностью заселяемой территории, доминированием общих генетических компонентов в сложении материальной и духовной культуры, единым уровнем социально-экономического развития, близостью религиозных представлений и системы социальных отношений /5, с. 5/. Особый интерес ямные погребения степного Предкавказья представляют в русле исследования их контактов с племенами, заселявшими предгорья Северного Кавказа /6, с. 332—345/, в том числе и Чечено-Ингушетии.

Из «среднебронзовых» погребений, исследованных в Калиновских курганах, особый интерес вызывает погребение № 1 кургана 1 группы 1 /рис. 3/, которое располагалось в яме с заплешиками. Основная яма трапецевидной формы была выявлена по пятну в группе на глубине — 2,00 м, она была ориентирована длинными стенками по осп ЮЗ—СВ. Размер ямы по оси СЗ—ЮВ—1,88 м, СВ—ЮЗ—2,98 м. На глубине—2,30 м была расчищена вторая яма меньших размеров, сужавшаяся ко дну. Яма имела подпрямоугольную форму, углы были закруглены. Размеры верхней части ямы — 2,20×1,35 м, у донной части — 2,00×0,96 м. Дно ямы располагалось на глубине — 3,20 м, причем ее северо-восточная часть была выше на 10 см. На дне ямы был расчищен костяк хорошей сохранности, лежавший на спине вытянуто. Костяк был ориентирован черепом на СВ, руки вытянуты вдоль туловища, череп слегка завален набок. Кости ребер были потревожены и раскиданы, отсутствовали лучевые кости левой руки и фаланги пальцев обеих стоп. Под черепом, ключицами и под локтевой костью левой руки расчищены истлевшие деревянные плахи. Между бедренными костями и под ними расчищены узкие полосы истлевшего дерева. В районе грудных костей расчищены остатки войлока (шерстяная ткань — ?), стопы ног костяка были окрашены охрой. Подобные погребения исследованы и в других курганах Калиновского могильника.

Стратиграфические данные позволяют относить описанное погребение и аналогичные ему из Калиновского могильника к так называемому «горизонту вытянутых костяков» Северного Кавказа эпохи бронзы. Впервые этот горизонт, как самостоятельное культурное явление, был выделен в 1985 г. /7, с. 35—37/, а в 1986 г. были охарактеризованы его основной ареал на Северном Кавказе и приблизительные хронологические границы /8, с. 45—57/. Новые исследования во многом подтверждают выделение «горизонта вытянутых костяков». Исследованиями Северо-Кавказской археологической экспедиции в степном Закубанье установлено, что архан-

ППЭЗ/АЛ/-1988
Калиновский м-к
гр 1, кург 1, погр. 1

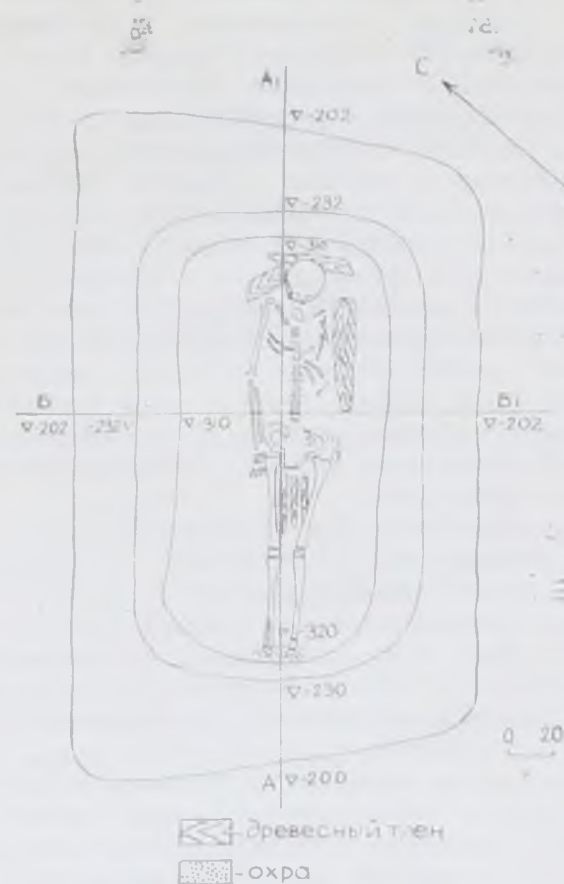

Рис. 3. Калиновский могильник. Группа 1, курган 1, погребение 1.

ческая группа подкурганных захоронений в этом районе, сопоставляемая с ямными памятниками и ранним этапом новотитаровской культуры, сменяется ранними северокавказскими погребениями, совершенными в обширных прямоугольных ямах и ямах с уступами, содержащими вытянутые на спине погребения с восточной ориентировкой /9, с. 40/. В районе Кавминвод исследователи также выделяют захоронения с вытянутыми костяками в особую группу и датируют ее в пределах конца III — середины II тысячелетия до н. э. /1, с. 54; 10, с. 329/. Племена с обрядом вытянутого труположения, к которым относятся и погребения Калиновского могиль-

ника, на определенном этапе проникли в предгорную зону края, в том числе и Чечено-Ингушетии /11, с. 65—66/, где приняли активное участие в этногенезе «среднебронзового» населения.

В материалах Калиновских курганов представлены погребения предкавказской культуры катакомбной культурно-исторической общности. Погребение № 6 кургана 2 группы 1 /рис. 4/ представляет из себя катакомбу с дромосом. На глубине — 2,10 м была расчищена ее нижняя часть с примыкавшим к северо-восточному углу дромосом. Размеры камеры катакомбы — $2,10 \times 1,40$ м, дно катакомбы находилось на глубине — 2,21 м. На дне камеры был расчищен костяк взрослого человека плохой сохранности, лежавшего скорченно на боку, костяк был ориентирован черепом на ЮЗЗ. Ноги костяка подогнуты, руки согнуты в локтевых суставах, торс костяка завалился на живот. Кисти рук костяка были покрыты охрой. Лицевые кости черепа были покрыты охрой, верхняя часть черепа — тонким слоем обмазки из белого вещества /мел —?/. Глазницы черепа были забиты светло-желтой глиной. В распавшейся кости эпифиза колена правой ноги был обнаружен засевший в нем кремневый наконечник стрелы, облик которого характерен для катакомбных древностей.

Катакомбные погребения Калиновских курганов уже подверглись частичной публикации /12, с. 9—10/. Представленное в настоящей статье погребение № 6 кургана 2 группы 1 характерно для катакомбных древностей эпохи средней бронзы Предкавказья /13, с. 106—134, и др./. В то же время его отличительной особенностью является то, что здесь впервые среди подобных памятников представлены элементы помертвой моделировки маски: покрытие лицевой части достаточно плотным слоем красной охры, обмазка верхней части черепа слоем мела толщиной в 1,5—2 мм, заполнение глазных впадин светло-желтой глиной. Аналоги этому обряду представлены в днепро-азовской культуре катакомбной культурно-исторической общности /могильник Жовтневое/ /14, с. 413/. Катакомбные погребения Калиновского могильника датируются в пределах второй четверти — середины II тысячелетия до н. э.

В число погребений эпохи поздней бронзы входит погребение № 1 кургана 1 группы 2. Оно является практически первым в археологии Чечено-Ингушетии подкурганном захоронением предскифского периода с документированным обрядом. Погребение было впущено в насыпь почти в самом центре кургана /зафиксировано в непосредственной близости от нулевого репера/. Обнаруженный здесь костяк лежал в неглубокой, но довольно просторной яме прямоугольной формы размерами $1,68 \times 1,32 \times 0,15$ м, в слабо-скорченной позе на левом боку, головой на восток /рис. 5, 1/. Положение правой руки неизвестно, левая вытянута вперед, соприкасаясь с остатками костей животного /ребра мелкого рогатого скота/, относящихся, по-видимому, к заупокойной пище.

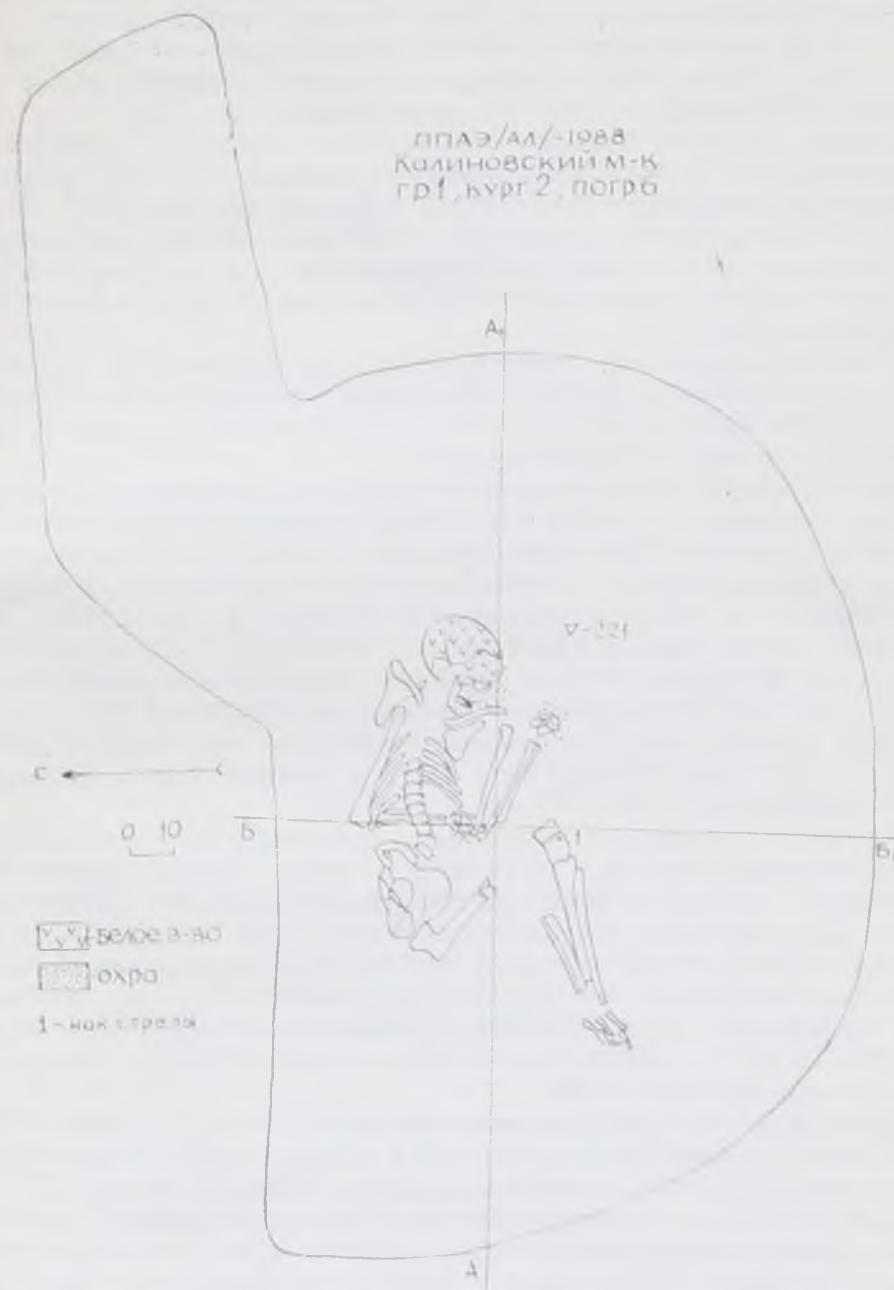

Рис. 4. Калиновский могильник. Группа 1, курган 2, погребение 6.

Перед лицом покойного расчищена небольшая глиняная кружка с отогнутым венчиком, ручкой плоско-выпуклого сечения, ребристым туловом и маленьким дном. Размеры сосуда: диаметр горла — 8 см, диаметр тулова — 10 см, диаметр дна — 4,3 см, высота — 9,6 см. Поверхность хорошо заглажена, залощена, обжиг неровный, пятнистый, охристо-сери-коричневый (рис. 5, 2).

Перед тазовыми костями обнаружено несколько предметов: бронзовый нож-бритва длиной 10,3 см, подтреугольного сечения, с выгнутым концом лезвия, которое было хорошо заточено, отлитый в односторчатой форме /рис. 5, 3/; восьмерковидная накладная бляшка, поврежденная еще в древности и в таком виде положенная в могилу, размерами 2,7×0,9 см /рис. 5, 5/; небольшой отщеп кремня /рис. 5, 4/.

Касаясь вопроса об этнокультурной характеристике анализируемого захоронения, следует обратиться к погребальному обряду. Все основные его черты находят параллели в черноморовских памятниках Северного Причерноморья.

Прежде всего, это восточная ориентировка погребенного и скорченное положение на левом боку. В тех погребениях предскифского времени Северного Причерноморья, которые А. И. Тереножкин относил к новочеркасской эпохе, господствует вытянутое положение погребенных на спине и западная ориентировка /15, с. 101/. Не стремясь культурно-хронологически обособить новочеркасскую группу, А. И. Мелюкова, тем не менее, также констатирует наличие в Северном Причерноморье вытянутых погребений /22/, среди которых преобладают захоронения с западной ориентировкой /14/ и отсутствует хотя бы один случай с восточной /ср. с данными А. И. Тереножкина /15, с. 96—98; 7, 10—13/.

Такие детали ритуала и предметы инвентаря как заупокойная пища /главным образом, кости овцы/, ножи, отщепы кремня характерны в целом для культуры обитателей Северного Причерноморья предскифского периода независимо от их принадлежности к той или иной группе местного населения — черноморовской или новочеркасской /15, с. 99; 16, с. 13/. Они также сближают калиновское погребение с киммерийскими древностями степей Восточной Европы. Правда, с вытянутыми костяками встречаются уже только железные ножи /15, с. 99/.

Бронзовый нож-бритва из погребения № 1 по оформлению конца лезвия и рельефу спинки тяготеет к образцам предсавроматского времени из Волго-Донского междуречья типа Ясырев 1 /17, с. 367, таб. 62, 16/, а по конструкции черенка и примыкающей к нему части лезвия напоминает не только находки ножей названного типа, но и отдельные экземпляры с территории Северного Кавказа /18, с. 149, таб. 1, 3/.

Глиняная кружка по пропорциям, технологии, отделке поверхности весьма близко стоит к кружкам II типа 1 варианта из вос-

ПЛАЭ/АЛ/-1988 Калиновский м-к гр 2, кург. 1, погр 1

Рис. 5. Калиновский могильник. Группа 2, курган 1, погребение 1.

точно-кобанских памятников Чечено-Ингушетии, датируемых, главным образом X — VII вв. до н. э. /18, с. 80/. Но точных аналогий кружке из Калиновской ни в кобанском материале, ни в коллекциях предскифского времени из Восточной Европы нам пока обнаружить не удалось.

Восьмерковидные бляшки из штампованной листовой бронзы, подобные нашей, многочисленны в предскифских памятниках Поднепровья (комплексы второго этапа чернолесской культуры), Верхнем Поднестровье (культура Гава-Голиграды), поселениях типа Сахарна-Солончены /Молдавия/, Волго-Камье /Старший Ахмыловский могильник/ и др. /15, с. 94, рис. 57, 1—10; с. 99, рис. 62, 8—9; 20, с. 72—76, табл. 1, 16; 20, с. 99, рис. 1, 6; 22, с. 235, табл. 98, 2в и др./.

Подведем итоги сделанному анализу. Погребение № 1 кургана 1 группы 2 у ст. Калиновской, по нашему мнению, принадлежит представителю степных племен (киммерийцев?). На это указывают черты погребальной обрядности. Немногочисленный и скромный инвентарь не противоречит такому определению, указывая на традиционные направления связей кочевого населения степей юга Восточной Европы. Датировка погребения ориентировочно устанавливается в пределах VIII в. до н. э.

Исследование Калиновского курганного могильника имеет особое значение для археологии Чечено-Ингушетии, поскольку территория степного Затеречья, насыщенного курганными памятниками, остается практически неизученной /23, с. 108—109, 122—126/, а материалы эпохи бронзы представлены только в давних раскопках Е. И. Крупнова и Н. Я. Мерперта /3/ и в сборах случайных находок /24, с. 16—30/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кореневский С. Н., Петренко В. Г., Романовская М. А. Работы Ставропольской экспедиции //КСИА. 1986. Вып. 188.
2. Нечитайло А. Л. Суворовский могильник. Киев, 1979.
3. Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станции Мекенской //ДЧИ. М., 1963.
4. Синицын И. В., Эрднеев У. Э. Древности Восточного Маныча. Элиста, 1987.
5. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант) //САИ. 1986. Вып. 93, 1—3.
6. Нечитайло А. Л. Элементы степных культур в памятниках ранней бронзы Северного Кавказа //МИСК — Вып. 15—16. — Ставрополь, 1988.
7. Хашегульгов Б. М. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе (конец III — первая половина II тысячелетия до н. э.) //Археология и краеведение — вузу и школе (вторая региональная научно-практическая конференция). Грозный, 1985.
8. Хашегульгов Б. М. К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе в эпоху бронзы //Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1986.

9. Гей А. Н., Каменский И. С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг. //КСИА. 1986. Вып. 188.

10. Березин Я. Б., Хашегульгов Б. М. Курганы эпохи бронзы в районе Кисловодска. //МИСК. Ставрополь, 1988. Вып. 15—16, (данная работа была сдана в печать в 1981 году).

11. Хашегульгов Б. М. К вопросу о культурной принадлежности погребений эпохи бронзы на Луговом могильнике (ЧИАССР) //Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

12. Хашегульгов Б. М., Черненко А. Катакомбное погребение с имитацией повозки из Калиновского могильника. //Студенческие археологические открытия 1987—1988 годов. Тезисы докладов и сообщений зональной выставки студенческих и аспирантских работ. Грозный, 1989.

13. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

14. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

15. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

16. Глава 1. Предскифский (киммерийский) период в степи и лесостепи Восточной Европы. //Степи Европейской части СССР в скифо-сарматский период. М., 1989.

17. Глава четвертая. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье. //Степи Европейской части СССР в скифо-сарматский период. М., 1989.

18. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. //САИ, 1982. Вып. В2—5.

19. Ромашко В. А. Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье. //Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.

20. Берестнев С. И. О погребениях предскифского периода в левобережной лесостепи Украины. //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

21. Буйнов Ю. В., Грубинк-Буйнова Л. П. Бронзовые изделия предскифского периода из днепропетровского левобережья. //Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.

22. Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьицы. М., 1982.

23. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966.

24. Виноградов В. Б., Хашегульгов Б. М. Некоторые находки IV — II тысячелетий до н. э. на Северо-Восточном Кавказе. //Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364051 г. Грозный, пр. Победы 22

Х. М. МАМАЕВ

РАСКОПКИ КУРГАНА В г. ГРОЗНОМ В 1929 ГОДУ

(к истории новостроечных археологических исследований в Чечено-Ингушетии)

Вторая половина 80-х годов в археологии Чечено-Ингушетии отмечена широким развертыванием археологических новостроечных исследований на объектах народного хозяйства республики, принесших богатые и многочисленные материалы, в ряде случаев принципиально важные для решения кардинальных вопросов древней и средневековой истории края. Уже накоплен определенный

опыт в организации работ, не имевших аналогов по размаху и сложности /1; 2; 3/. Однако проведение археологических наблюдений и исследований на новостройках, в частности, при строительстве промышленных предприятий в г. Грозном, имело место и ранее. Одному из таких забытых фактов, возможно, первому подобного рода, посвящена предлагаемая статья.

Раскопки кургана в уже далеком 1929 году в г. Грозном представляют сегодня интерес не только как неизвестный факт из истории становления археологии в Чечено-Ингушетии, но и как научный материал, до сих пор не используемый в той мере, которой возможно, специалистами. Последнее обстоятельство, видимо, объясняется тем, что от проведенных работ практически не осталось никаких, обычных в таких случаях, следов /полевого отчета с графическими материалами, систематизированной коллекции находок, описей/ за исключением своеобразного документа, озаглавленного «Акты /копии/ по раскопкам могильника в Заводском районе, составленные научным сотрудником музея А. В. Уэльсом за время с 10. I по 26. III 29 г.»¹.

Судя по акту № 1 /всего их 47/, проведение раскопок, точнее, археологических наблюдений, было вызвано необходимостью сноса кургана, оказавшегося в зоне промышленного строительства Заводского района г. Грозного /ныне территория одного из административных районов города, носящих такое название/. Руководил работами ученый-краевед, приват-доцент Горского пединститута, выполнявший тогда обязанности зам. директора Чеченского областного музея А. В. Уэльс. Не являясь профессиональным археологом /таковых в Грозном в это время не было вообще/, он вносил заметный вклад в изучение древностей Чечни и в рассматриваемом случае полностью выполнил свой долг в неблагоприятных условиях. О последних определенное представление дает акт № 34. «Составлен сей акт Уэльсом Александром при участии прораба Заводстроя Ивана Ивановича Лексупова, подрядчика Хасиева Ахмата и Лазуренко Сергея в том, что снос кургана в Заврайоне проходит при следующих условиях:

1. На работе ежедневно занято от 15 до 30 рабочих, часть которых вывозят землю, а другие специально заняты копкой;

2. Указанные рабочие, работая сдельно от куба вывезенной земли, совершенно не заинтересованы в аккуратном извлечении археологических находок и проявляют тенденцию к их уничтожению, дабы избежать задержки в работе, а иногда даже разбивают целые сосуды, надеясь найти в них золото;

3. Временами, обычно после интересных находок, любопытные осаждают курган, мешая работать /см. акты №№ 14, 15, 18, 19, 24/;

4. Ввиду спешности сноса, работы не приостанавливаются даже

в метель, если мороз не выше 10 градусов, почему большую часть погребений приходится раскапывать в мерзлой земле;

5. Наблюдение за работой осуществляется тов. Уэльсом с помощью одного неквалифицированного рабочего, при этом тов. Уэльс от своей основной работы по музею не освобожден и поэтому всецело посвятить себя кургану не может /с 10 по 24 января Уэльс наблюдал за работами единолично/».

Поэтому, оценивая результаты работы А. В. Уэльса, нужно учитывать и приведенные выше обстоятельства.

К началу раскопок курган был частично разрушен. Повреждения были связаны не только с установкой опорного столба для популярных тогда «гигантских шагов» /видимо принятого исследователем за нулевую точку/, но и с сооружением окопов в южной части кургана во время гражданской войны /акты №№ 1, 2/.

Снос насыпи происходил одновременно с вывздом грунта подводами по всей площади кургана, поэтому нумерация актов отражает последовательность выявления погребений, которые каждый раз активировались с указанием координат относительно нулевой точки, описанием обряда и перечислением находок. А. В. Уэльс не указал размеры насыпи, однако, судя по разбросу крайних погребений, диаметр ее составлял не менее 45 м, а высота — более 4 м /за точку отсчета, видимо, бралось основание контрольного столба/.

Погребение 1/3¹. Обнаружено на глубине 1,6 м на расстоянии 8,7 м к юго-западу от контрольного столба. Костяк лежал на спине головой к западу. Около него найдены три «кусочка железа», обломок «медной» серьги и деревянная /?/ бусинка.

Погребение 2/4. Обнаружено на глубине 2,3 м на расстоянии 9,1 м к юго-западу /190°/ от контрольного столба. Выявлен красноватый слой грунта длиной с востока на запад до 3 м, шириной с юга на север до 0,5 м и толщиной около 0,5 м. В слое зафиксированы беспорядочно лежащие кости погребенных, среди которых обнаружены «50 черных пластинок, похожих на пуговицы, но с одним отверстием», 33 фрагмента таких пластинок, 2 черных бусины и 16 «кусочков железа».

Погребение 3/3 /2/2. На глубине 2,1 м в 5 м южнее контрольного столба в грунте, перекопанном при установке «гигантских шагов», обнаружен фрагмент патинированного «медного» сосуда, очевидно, того самого, по словам А. К. Уэльса, в котором при установке «гигантских шагов» были найдены серебряные бляхи»³.

Погребение 4/5. Обнаружено на глубине 2,5 м в 6,7 м юго-западнее контрольного столба /215°/. Костяк лежал на спине головой к востоку. Слева от погребенного на уровне бедра зафиксирован

¹ Цифра после косой линии соответствует номеру акта.

² Так в оригинале.

³ К сожалению, выяснить что-либо об этой интересной находке не удалось.

раздавленный плоскодонный сосуд. Справа на уровне плеча обнаружено еще 2 глиняных сосуда: двуручный кувшинчик, в котором находилось 5 камешков для пращи, и половинка небольшого кувшина. Оба сосуда лежали на боку, донцами на север, на 15—20 см ниже уровня залегания первого сосуда.

Погребение 5/6. Обнаружено на глубине 3 м и в 6,5 м юго-западнее /250°/ контрольного столба. Костяк лежал на спине головой к западу. На руках, сложенных на животе, стоял вверх дном красный кувшинчик без ручек. Справа от костяка на расстоянии 0,5 м от колена находилась длинная чашка с ручкой, поставленная ребром и обращенная дном к северу.

Погребение 6/7. Обнаружено на глубине 2,5 м на расстоянии 6,5 м к северо-западу /290°/ от контрольного столба. Погребенный лежал на левом боку лицом к югу, бедренные кости согнуты под прямым углом. В 0,1—0,15 м от костей грудной клетки зафиксирован распавшийся сосуд из плохо обожженной глины.

Погребение 7/8. На глубине 2,5—3 м в северной части кургана на расстоянии 2—3 м от контрольного столба были найдены «целая малая миска, разбитая миска средней величины» и фрагменты черноглиняного кувшина. По словам рабочих, раскопавших эти предметы в отсутствие А. В. Уэльса, никаких следов костяка не было.

Погребение 8/9. Обнаружено на глубине 2,7 м в 4,7 м юго-западнее контрольного столба. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на север, с руками, протянутыми вдоль туловища. В 0,1 м от головы стоял большой черноглиняный кувшин, несколько дальше — такой же кувшин меньших размеров. Под большим кувшином лежал на боку, горлом к северу маленький глиняный кувшинчик, в котором находилось «нечто вроде комочков заржавевшей дроби». На том же уровне, но ближе к контрольному столбу на 0,4—1 м зафиксирован перекоп грунта, из которого извлечены несколько кирпичей, кусочки газетной бумаги, кусочек копирки, очевидно, попавших сюда при установке «гигантских шагов».

Погребение 9/10. Обнаружено на глубине 3 м на расстоянии 4,8 м от контрольного столба и на расстоянии 2,3 м от головы костяка в предыдущем погребении. Костяк лежал на спине, головой к северо-востоку /70°/ с протянутыми вдоль руками, кости ног были слегка отклонены к югу, оказавшись на 0,2 м ниже уровня туловища. На правой руке обнаружен браслет, составленный из золотых трезубцев, обращенных зубцами к кисти руки. Около последних найдены также 15 «перышек», вероятно, также от браслета. На груди с левой стороны лежала золотая бляха круглой формы диаметром 4 см. Слева в 0,06 м от головы, обнаружен кинжал, при извлечении распавшийся на пять частей. Рукояткой он был обращен к западу. На левой ноге выше стопы лежал кабаньей клык.

Погребение 10/11. Обнаружено на глубине 3,7 м в 8,2 м юго-за-

паднее /240°/ контрольного столба. Погребенный лежал на спине, головой к юго-западу. Правая рука была вытянута вдоль тела. Кисть ее загнута на крестец, левая рука, согнутая в локте под прямым углом, лежала на груди. Дно погребения в ногах было на 0,15 м ниже уровня головы. Слева от последней на расстоянии 0,03 м стоял вверх дном сосуд, под сосудом лежал маленький кувшинчик, обращенный горлышком к северо-востоку. За кувшином лежала кость от какого-то крупного животного. В грунте под взрослым костяком обнаружены остатки детского скелета.

Погребение 11/12. Обнаружено на глубине 3,1 м и расстоянии 15 м к югу от контрольного столба. Зафиксирована грудка позвонков и ребер, под которыми обнаружен череп. Кости рук и ног отсутствуют. А. В. Уэльс предположил, что это остатки туловища, захороненного вертикально. Находок нет.

Погребение 12/13. Обнаружено на глубине 3 м и расстоянии 2 м к северо-западу от контрольного столба /315°/. Погребенный лежал на спине, головой на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища. Кисть загнута на таз, правая сильно согнута в локте и почти касается шеи. Находок нет.

Погребение 13/17¹. Обнаружено на глубине 3,06 м на расстоянии 14,1 м к югу от контрольного столба. По мнению А. В. Уэльса, это детское «сидячее» захоронение, «лицом к юго-востоку»/ то есть головой на СЗ/, так как хорошо сохранились кости ног, а верхняя половина туловища перемешана /толщина слоя до 0,20 м/. На обеих ногах зафиксированы браслеты, составленные из серых и черных бусин /соответственно 17 и 48 экземпляров/. С левой стороны на расстоянии 0,15 м от колена зафиксирована разбитая черноглиняная миска с «резко выраженным горлышком». В миске лежала кость от ноги животного, обугленная сверху. Слева, в 0,2 м от черепа, лежал второй черноглиняный сосуд. Среди костей верхней части туловища, а также вокруг них были найдены 31 бусина из желтого полупрозрачного материала, 31 черная маленькая бусина, 3 круглых серых бусины, 3 грушевидных серых бусины, 1 черная продолговатая, 2 бусинки «золотных», продолговатых, 2 бусинки «золотных» круглых, 3 бусинки «медных истлевших». У черепа обнаружена золотая серьга. В 0,25 м от костей стоп зафиксирована половинка перевернутого вверх дном каменного блюда, повернутого отбитой стороной к северу.

Погребение 14/19. Обнаружено на расстоянии 13,6 м юго-западнее контрольного столба на глубине 3,16 м. Погребенный лежал на спине головой на северо-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть ее уложена на таз. Костей правой руки нет, видимо, были разрушены рабочими. С правой стороны шеи обнаружен серый

¹ Акты № 14, 16, 18, 20 содержат сведения о вмешательстве посторонних в ход работ.

просверленный камешек, очевидно, амулет. С левой стороны около ноги стоял рассыпавшийся при взятии черноглиняный сосуд.

Погребение 15/21. На расстоянии 10 м от контрольного столба к юго-востоку /120°/ на глубине 3,45 м был обнаружен провал купола диаметром около 1 м, глубиной 0,6 м. Судя по акту № 24, ночью грабители извлекли оттуда какие-то вещи. По мнению Уэльса, с этим погребением связана находка в 0,7 м севернее черепа костяка расколотой черной миски с костями животного и обломков стеклянного сосуда /акт № 25/. Фиксация этих предметов на 1 м ниже уровня погребенного, по А. В. Уэльсу, объясняется оседанием грунта, поскольку миска обнаружена «как раз под провалом», отмеченным в этом месте актом № 21. Очевидно, речь может идти, как минимум, об одной просевшей катакомбе, перекрытой другим погребением.

Погребение 16/22. Обнаружено на глубине 3,06 м на расстоянии 3,6 м юго-восточнее контрольного столба. Костяк лежал на спине головой к северу в слое белесоватого грунта. Находок нет.

Погребение 17/23. Обнаружено на расстоянии 7 м к югу от контрольного столба на глубине 3 м. Погребенный лежал на спине головой к северо-западу. Справа от костяка обнаружены остатки кинжала, распавшегося при взятии. Рукояткой кинжал лежал к северо-западу.

Погребение 18/26. На глубине 3,5 м на расстоянии 3 м к югу от контрольного столба обнаружен куполообразный провал диаметром 1,5 м, глубиной 2 м. Сведений о каких-либо находках в актах нет.

Погребение 19/27. Обнаружено на глубине 3,45 м в 5,8 м северо-западнее контрольного столба /280°/. Погребенный лежал на спине со сложенными на голове руками, ориентированный на юго-восток. С левой стороны на расстоянии 0,02 м от бедра стояла плоская черноглиняная миска с остатками костей и «кусочком железа». Рядом с миской ближе к ступням — черноглиняный кувшин.

Погребение 20/28. Обнаружено на глубине 4,1 м в 4,7 м северо-западнее контрольного столба /285°/. Погребенный лежал на спине головой на юго-восток. Кисти рук сложены в нижней части живота. Слева на груди обнаружено «медное полушарие», обращенное выпуклой стороной к ногам. В области шеи находилось ожерелье из маленьких черных бусинок /найдено 20/ и продолговатый просверленный камень. Справа у колена стояла черная глиняная миска, тоже справа, но ниже ног на 0,1 м находилась плоская каменная плита, обточенная с одной стороны.

Погребение 21/29. Обнаружено на глубине 4,2 м на расстоянии 5,4 м к югу от контрольного столба. Погребенный лежал на левом боку, головой к северо-западу, лицом — к северо-востоку. «Поясница и колени погребенного согнуты, кисть левой руки лежит на левом колене, правая, видимо, лежала так же». А. В. Уэльс по сле-

дам истлевшего дерева предполагает наличие «гроба, соответствующего скорченному положению погребенного». Вещей нет.

Погребение 22/30. Обнаружено на глубине 5,6 м на расстоянии 8,7 м к юго-востоку от контрольного столба. Погребенный лежал на спине, головой к юго-востоку. В средней части туловища найден зуб какого-то животного.

Погребение 23/31. Обнаружено на расстоянии 9,25 м западнее контрольного столба на глубине 4,75 м. Погребенный лежал на спине, головой к юго-западу, руки вытянуты вдоль туловища. Среди костей черепа обнаружено 4 «медных бусинки» и 2 кусочка змееобразно согнутой «медной» проволоки.

Погребение 24/33. На расстоянии 1 м к юго-востоку /210°/ от контрольного столба на глубине 4,5 м обнаружена глиняная миска. Следов захоронения нет.

Погребение 25/35. Обнаружено на глубине 4,55 м на расстоянии 6,2 м к юго-западу от контрольного столба /240°/. Погребенный лежал на спине головой к юго-западу, с руками, вытянутыми вдоль туловища, кисти которых были уложены на таз. На расстоянии 0,5 м западнее черепа обнаружен разбитый глиняный горшок.

Погребение 26/36. На глубине 4,8 м в 14,6 м юго-западнее контрольного столба /230°/ обнаружен провал купола овальной формы. Юго-западнее провала в 1 м найден разбитый сосуд из красной глины.

Погребение 27/37. Обнаружено на глубине 4,8 м на расстоянии 12 м южнее контрольного столба. Погребенный лежал на спине головой к северу. Находок нет.

Погребение 28/38. Обнаружено на глубине 5 м в 2,5 м северо-западнее контрольного столба /330°/. Погребенный лежал на левом боку, головой к востоку в скорченном положении. «Ноги подогнуты к подбородку, кулак левой руки вложен в кулак правой, и обе они подогнуты к подбородку». Около костяка найдены комочки красной краски.

Погребение 29/39. Обнаружено на глубине 5 м в 3,8 м севернее контрольного столба. Погребенный лежал на левом боку в скорченном положении. Левая рука лежит ладонью на правом колене, правая вытянута вдоль туловища. Перед тазом стоял красный горшок, около груди найдены комочки красной краски, на правой руке — браслет из бусин: 7 «медных» продолговатых, 5 «медных» с «чашечками» и 5 «роговых» продолговатых.

Погребение 30/40. Обнаружено на глубине 4,9 м на расстоянии 6 м к юго-западу /215°/ от контрольного столба. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой к востоку, руки вытянуты вперед, правая лежит на левой. Перед тазом впереди стоял маленький глиняный горшок с костью на нем. У головы комок красной краски.

Погребение 31/41. Обнаружено на глубине 5,15 м в 7 м южнее контрольного столба. Погребенный лежал на спине, головой к се-

веру, кисти рук уложены на таз. Здесь возле правой руки обнаружен «медный диск», распавшийся при взятии. На груди лежали два золотых листочка, возле левого плеча — комочек красной краски. На правой ноге выше колена обнаружено «ожерелье» из 7 круглых бус.

Погребение 32/42. На глубине 4,5 м на расстоянии 13,75 м от контрольного столба к юго-востоку /115°/ обнаружен провал купола удлиненной формы с северо-востока на юго-запад /длина 2 м, ширина 1,4 м/. В северной части провала на глубине 0,65 м от его высшей точки обнаружено детское захоронение. Костяк лежал вытянуто на спине головой на юго-восток. На груди найден большой комок красной краски. В средней и южной части провала на 0,4 м глубже обнаружены еще 2 детских костяка, лежавших рядом вытянуто на спине головой к юго-востоку. На уровне груди лежал комок красной краски, в разных местах 6 «медных» бусинок.

Погребение 33/43. Обнаружено на глубине 5,7 м в 14,6 м восточнее контрольного столба /95°/. Погребенный лежал на спине головой к западу, левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой лежала в верхней части груди. Находок нет.

Погребение 34/44. Обнаружено на глубине 5 м в 11,6 м юго-западнее контрольного столба. Погребенный лежал на спине головой к юго-востоку. Вокруг шеи собрано 26 бусин: 3 черных грушевидных, 2 черных продолговатых, 20 «медных» круглых и 1 «медная» сердцевидная.

Погребение 35/45. На глубине 5,3 м на расстоянии 3,5 м к юго-востоку от контрольного столба /150°/ зафиксированы перемешанные кости не менее чем от двух костяков. Они занимали пространство 1,8 м × 0,90 м. Находок нет, но А. В. Уэльс указал, что полуметра метрами выше на этом месте был обнаружен провал.

Погребение 36/47. Обнаружено на глубине 5,30 м на расстоянии 22 м к юго-востоку от контрольного столба. Погребенный лежал на спине головой к юго-востоку. Находок нет.

Стратиграфия погребений, по имеющимся данным, не поддается детальному восстановлению, однако составленный по топографическим привязкам А. В. Уэльса схематический план в некоторых случаях как будто указывает на частичное перекрывание погребений и позволяет говорить о различных горизонтах залегания комплексов. Учитывая это, а также приведенное выше описание захоронений, в части которых «опознаются» хронологически значимые находки, считаем возможным предложить временную и культурную атрибуцию погребений грозненского кургана. Она во многом условна и может быть сведена к следующим наблюдениям.

Похоже, что основное погребение, над которым была возведена первоначальная насыпь, не было обнаружено, так как работы велись для выравнивания стройплощадки и, видимо, завершились на уровне древнего горизонта. Об этом же косвенно свидетельствует

и тот факт, что нераскопанным остался провал /вероятно, обвалившаяся катакомба/ на глубине 4,8 м в периферийной части насыпи /погр. № 26/. В этой ситуации наиболее ранней представляется группа погребений №№ 6, 21, 28—30. Их объединяет ряд признаков: сильная скорченность костяков, лежащих на левом боку, преобладающая восточная ориентировка, наличие комков красной краски /охры/, отсутствие или малочисленность инвентаря, единый горизонт залегания.

Эти данные позволяют относить указанные погребения к эпохе бронзы. Дальнейшие уточнения гипотетичны и, тем не менее, следует заметить, что приведенные признаки обряда в общем не свойственны майкопским памятникам Чечено-Ингушетии /11, с. 319—320/. Погребения подобного облика встречены в курганах у станции Мекенской /7/; они находят некоторые соответствия в новых материалах эпохи средней бронзы из Кабардино-Балкарии /4, 5/. Хронологически рассматриваемые погребения, вероятно, не выходят за рамки первой половины II тыс. до н. э.

Особо следует отметить зафиксированное в юго-восточном секторе обвалившееся погребение № 32. Видимо, в данном случае можно говорить о катакомбе /или двух, поскольку костяки зафиксированы на различных уровнях/. Судя по описанию деталей обряда и скудного инвентаря — кусочки красной краски и «медные» бусинки, она относится к эпохе средней бронзы. Еще один провал на таком же примерно расстоянии от центра кургана остался, как отмечалось выше, нераскопанным. Таким образом, в данном случае речь может идти о весьма редких пока для Чечено-Ингушетии, но хорошо уже известных в сопредельных районах Северного Кавказа памятниках катакомбной общности /6; 12/.

Вероятно, к древностям эпохи средней бронзы может быть отнесено и погребение № 21 /скорченник на левом боку со следами дерева вокруг/, погребение 34, а также некоторые безынвентарные захоронения /погр. № 16, 27/.

Аналогии последним можно найти, например, в курганах эпохи бронзы Кабардино-Балкарии, где также встречаются безынвентарные вытянутые труположения с северной ориентировкой /4/.

В целом же круг комплексов эпохи бронзы вполне соответствует известному на сегодня по раскопкам курганных могильников разнообразию древностей этого периода на территории Чечено-Ингушетии /13/.

Большая группа погребений относится к скифо-сарматскому времени, однако целый ряд из них по приведенному описанию более точному определению не поддается /погр. 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 14, 17, 19, 24, 31/. В какой-то мере показательным можно считать наличие черноглиняных сосудов, в том числе мисок, в отдельных случаях с костями животных и железными пожами /например, погр. 15, 19/. В «медном диске» из погр. 31 угадывается бронзовое зеркало,

однако о типе его судить нельзя. В двух подобных случаях /погр. № 4, 8/ присутствуют и более точные хронологические повязки. В первом это двуручный кувшинчик с гальками, во втором — кувшинчик /неясно, есть ли у него ручки/ с железной цепочкой, принятой А. В. Уэльсом за «дробь» — предметы, достаточно уверенно датированные сейчас III—I вв. до н. э. /7, с. 30; 8, с. 190; 9, с. 110—111/.

Особо следует остановиться на двух погребениях — № 13 и 20. При наличии признаков савромато-сарматского времени /вытянутое положение костяков с руками, уложенными на таз, черные миски, в том числе с костью животного /в них содержались необычные предметы — половинка каменного блюда /№ 13/ и каменная плита, обточенная с одной стороны /№ 20/. Находки подобного рода встречаются в древностях савроматского круга, в том числе и на Северном Кавказе /15, с. 50—51; 16, с. 52/. Там же /например, в Нартанских курганах/ хорошо представлена черноглиняная лощеная керамика, в том числе миски.

Не исключен полностью и другой вариант толкования. В весьма осторожной форме эти погребения можно попытаться сопоставить с обвалившимися катакомбами II типа по принятой у сарматоведов классификации — камеры расположены на одной оси или под небольшим углом к входной яме, являясь ее продолжением /17; 18/. В этом случае камни, несмотря на относительно небольшие размеры, могли служить закладами /одно из захоронений было детским/, что соответствует их размещению в ногах — это обычно в катакомбах этого типа, как свидетельствуют ближайшие аналогии в Чегемском кургане — кладбища. Там же находят параллели и другие детали погребального обряда /18, с. 77/. Остается лишь пожалеть об отсутствии должной фиксации при раскопках. Правда, выявление камерных погребений, впущенных в насыпи курганов, и для современных исследователей представляет немалые трудности.

Судя по сохранившимся деталям, разрушенной катакомбой сарматского времени было погребение № 15. Остатком еще одного подобного сооружения, видимо, являлся провал, условно обозначенный как погребение № 18.

Наиболее поздними комплексами грозненского кургана представляется погребение № 1, в котором был захоронен вытянутый костяк с западной ориентировкой и обломком медной серьги, а также медный сосуд, в котором, по сообщению очевидцев, были найдены серебряные бляхи /клад?/. К сожалению, коллекция находок из раскопок 1929 г., переданная А. В. Уэльсом в Чеченский областной краеведческий музей, была позднее депаспортизирована и предметы затерялись среди других экспонатов археологического фонда. Инвентарные книги неоднократно переписывались, и поэтому достоверно выявить сейчас эти находки практически не пред-

ставляется возможным. А. В. Уэльс планировал публикацию результатов своих работ, о чем свидетельствует анонс первых выпусков «Известий» Чеченского областного музея¹. Однако статья под названием «Снос кургана в Заводском районе г. Грозного», видимо, так и не увидела свет. Настоящая публикация призвана в какой-то мере устранить этот пробел и напомнить об одном из тех, кто стоял некогда у истоков археологического изучения Чечено-Ингушетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Б., Савенко С. Н. Археологические изыскания в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги /открытия и утраты/. //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. — Грозный, 1989.
2. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Археологические исследования ЧИИНИЭСФ в зоне строительства КПЖД /некоторые итоги и проблемы/. //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. — Грозный, 1989.
3. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. Н., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М. Первые результаты договорных работ археологической лаборатории университета //Толстовские чтения. — Грозный, 1989.
4. Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик, 1984.
5. Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик, 1984.
6. Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. — Нальчик, 1984.
7. Крупнов Е. Н., Мунчаев Р. М. Курганы у станции Мекенской //ДЧИ — М., 1963.
8. Виноградов В. Б., Петренко В. А. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. — Краснодар, 1984.
9. Кереев Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени //Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. 2. Нальчик, 1985.
10. Ждановский А. М., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребальный обряд сарматов Закубанья /по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам/. Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1988.
11. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. — М., 1975.
12. Чеченов И. М. Курганы у селения Кишпек Кабардино-Балкарии //Новое в археологии Северного Кавказа. — М., 1986.
13. Бурков С. Б. Курганы Ачхой-Мартановского района как памятники истории и культуры бронзового века //Археология и краеведение — вузу и школе /третья региональная научно-практическая конференция/. — Грозный, 1989.
14. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М., 1989.

¹ Автор признателен И. З. Пономаревой за эту информацию.

15. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. — Грозный, 1972.

16. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарнии. 2. — Нальчик, 1985.

17. Смирнов К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья — Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.//СА, 1972.

18. Кереев Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарнии. — Нальчик, 1988.

Р. А. ДАУТОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

Активизация археологических исследований в горной Ингушетии в связи с началом строительства Кавказской перевальной железной дороги /ныне законсервированным/ привела к значительному, а для некоторых хронологических периодов /эпоха ранней бронзы, начало позднего средневековья/ принципиально важному приращению знаний об исторических древностях края /1, с. 44—47; 2, с. 50—52/. При этом были не только открыты новые объекты, но произошло и существенное пополнение представлений о многочисленных средневековых памятниках, исследованием которых успешно занимались ранее В. Ф. Миллер, В. И. Долбежев, Л. П. Семенов, И. Н. Щеплыкин, Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев, Д. Ю. Чахкиев и другие исследователи. Введение в оборот данных о некоторых из них и является целью настоящей статьи.

Шуанские каменные ящики

Еще В. Ф. Миллер отмечал наличие рядом со склепами широко известного Шуанского могильника «Мохде», каменных ящиков /3, с. 32/. В 1937 г. Л. П. Семенов исследовал здесь шесть погребений этого типа, однако полученный материал, несмотря на частые упоминания его как автором раскопок, так и другими исследователями, остался в целом неопубликованным. Между тем, в условиях дискуссии о каменных ящиках горной Ингушетии /см. 4/ публикация результатов раскопок Л. П. Семенова представляется целесообразной. Ввиду отсутствия иллюстративного материала мы приводим детальное текстовое описание по отчету Л. П. Семенова /5, л. 65—68/.

Ящики зафиксированы на вершине горы, на которой находится склеповый могильник и ее северном склоне. На поверхности они отмечены либо невысокими заостренными камнями, либо небольшими всхолмлениями почвы.

Погребение 1. Отмечено заостренным камнем, возвышавшимся над землей на 10 см, врытым в изголовье. Плиты перекрытия, частично разрушенные, выявлены на глубине 1 м. Ящик ориентирован по линии З — В, а его стенки сложены из мелких камней. Размеры сооружения: длина — 1,86 м, ширина в голове — 0,51 м, в ногах — 0,6 м; глубина в голове — 0,32 м, в ногах — 0,35 м. На скальном дне вытянуто на спине лежал женский костяк среднего возраста¹.

На голове и в области шеи — следы истлевшей ткани, прикрывавшей голову. С правой стороны черепа найдено височное кольцо овальной формы из бронзовой проволоки длиной 8 см; у шеи — бронзовая полая сферическая пуговица длиной 1,4 см, рядом — обломок второй пуговицы, здесь же найдена бронзовая сферическая удлиненная привеска длиной 2 см; у локтя правой руки /вероятно, находилась на поясе/ — железная пряжка длиной 6,5 см.

Погребение 2. Расположено восточнее погребения 1. Замечено по выпуклости, производившей впечатление искусственной насыпи. На глубине 0,75 м выявились плиты перекрытия — поверх больших лежали более мелкие обломки. Ящик ориентирован по линии ЮЗ—СВ, длина его — 1,28 м, ширина в головах — 0,41 м, в ногах — 0,29 м, глубина — 0,25 м. Длинные стенки могилы сложены из небольших камней, короткие состояли из цельных плит.

На скальном дне расчищен сильно скорченный женский скелет, лежавший на левом боку. На черепе зафиксированы остатки головного убора из тонкой ткани, по краю которого шла узкая полоска тесьмы. Найдены следующие предметы: височные кольца /незамкнутые из бронзовой проволоки/; ожерелье, состоявшее из цветных бус, бисера и пронпзок стеклянных, сердоликовых различной величины /одна из бусин длиной 4 см/, имеются бусины с цветными глазками с тонким красочным узором, с позолотой общим числом 290 экз. В состав ожерелья входили три монеты, определенные А. А. Быковым — омеядского халифа Мервана II — 130 г. х. /747/748 гг./, аббасидская — 51 г. х. /788 г./, третья — Джафари-ды, Тбилиси, 343 г. х. /954/955 гг./.

Сюда же относилась и небольшая круглая серебряная подвеска с выбитыми примитивными изображениями крестов. На монетах и подвеске по два отверстия. У кисти правой руки найден бронзовый браслет с плоскими расширенными концами, украшенными накладными бронзовыми пластинками со вставками из прозрачного стекла, на этой же руке — серебряный перстень с цветными глазками. У левой руки лежал железный незамкнутый браслет диаметром 6 см. У пояса обнаружен обломок коррозированного железного предмета с «приварившимися» мелкими бусинами и маленькой раковиной.

¹ Определение пола и возраста принадлежит Л. П. Семенову.

К северо-востоку от погребения 2 зафиксирован заостренный камень. На глубине 1 м обнажились плиты перекрытия каменного ящика, возле которого были замечены боковые плиты другого ящика, расположенного несколько выше. При расчистке последнего над погребением обнаружилось присутствие еще одного ящика. Таким образом, на склоне горы один над другим располагались три погребения в три яруса.

Погребение 3. Верхний ярус, глубина 0,58 м. Плиты перекрытия повреждены. Боковые плиты развалились. Дном погребения служили верхние поперечные плиты нижнего каменного ящика. В могиле лежал мужской костяк в вытянутом виде. У пояса найден обломок железного предмета, видимо, пряжки.

Погребение 4. Как отмечалось выше, оно располагалось под предыдущим погребением. На глубине 0,88 м ящик был прикрыт сверху тремя плитами в один слой, длина ящика — 2,12 м; ширина в головах — 0,45 м, в ногах — 0,60 м; глубина в головах — 0,38 м, в ногах — 0,24 м. Дно — скальное. Погребение ориентировано по линии ЮЗ—СВ, костяк сохранился плохо. При расчистке обнаружены: височное бронзовое незамкнутое кольцо диаметром 1,7 см слева у черепа; бронзовые литые пуговицы грибообразной формы, длиной 1,5 см — у шеи; железный браслет с утолщением на одном конце, распавшийся на три куса /диаметр от 7,5 до 9 см/ — у кисти левой руки; на ногах — остатки обуви из тонкой кожи.

Погребение 5. Расположено на глубине 1 м. Боковые стенки ящика составлены из удлиненных узких камней, поперечные — из цельных плит, перекрытием служила одна цельная плита. Размеры могилы: длина — 1,84 м, ширина в головах — 0,43 м, в ногах — 0,40 м, глубина в головах — 0,23 м, в ногах — 0,26 м, ориентирована она по линии ЮЗ—СВ. На каменном дне расчищен лежавший вытянуто на спине костяк в сопровождении следующих предметов: железный наконечник стрелы ромбической формы длиной 8 см — у правого локтя; железный нож длиной 8 см, с «приварившимся» к нему фрагментом другого железного предмета — там же; кремнь с прикрепленным маленьким железным кольцом с подвижной частью для закрепления на ремне — там же; кольцо железное диаметром 3,5 см — там же. Здесь же найдены обломок железного предмета; оселок длиной 7,8 см, шириной — 1,7 см; железное шило с остатком деревянного футляра длиной 8 см, еще одно шило длиной 7,5 см; шило с плоской железной ручкой с остатком деревянного футляра длиной 8 см; железный нож длиной 24,5 см в деревянных ножнах — последний слева у пояса. У правого бедра лежала железная пряжка с поперечным крючком длиной 3,5 см.

Погребение 6. Расположено северо-восточнее вышеописанных погребений. Здесь из-под травы виднелись два камня, из которых один имел заостренную форму, другой — удлиненную. На глубине

1 м зафиксированы плиты перекрытия, лежавшие в один слой над ящиком, ориентированным по линии СВ—ЮЗ. Длина могилы — 1,93 м, ширина в головах — 0,52 м, в ногах — 0,38 м, глубина в головах — 0,25 м, в ногах — 0,25 м. Костяк лежал вытянуто на спине в сопровождении следующих предметов: железного наконечника стрелы в двух обломках длиной 10,7 см — слева у локтя; еще одного наконечника длиной 8,5 см — там же; железного ножа со следами деревянных ножен длиной 11 см, шириной 2 см — у пояса; железной пряжки длиной 4,5 см. На ногах — следы разложившихся кожаных ноговиц.

В 1982 году одновременно с исследованием Шуанского могильника автором были проведены раскопки каменных ящиков, расположенных на юго-восточном склоне, на расстоянии около 100 м от вершины горы. В раскопе площадью 15 кв. м было исследовано 4 погребения. Почвенный слой на этом участке склона невелик из-за интенсивного смыва, поэтому перекрытия каменных ящиков обнажились сразу же после удаления дернового слоя, на глубине 0,15—0,20 м от поверхности /рис. 1/.

Погребение 7/1¹. Каменный ящик, ориентированный по линии С—Ю, был перекрыт двумя большими плитами, зазор между которыми прикрывали маленькие обломки. Размеры могилы: длина — 1,3 м, ширина в головах — 0,35 м, в ногах — 0,2 м, глубина — 0,24 м. Стенки частично сложены из колотого камня, частично вырублены в слоеном черном сланце, образующем и дно погребения. На последнем зафиксированы остатки костного тлена от детского костяка, лежавшего головой на Ю /с небольшим отклонением к З/, /рис. 1/. В изголовье погребенного обнаружены бронзовая круглая выпуклая нашивка диаметром 1,6 см с двумя отверстиями и железная игла длиной 2,7 см /рис. 2, 3, 9/. В области шеи и грудной клетки лежали бусы небольшого ожерелья: две шаровидные коричневые из глины: одна — уплощенно-шаровидная из белого камня; одна уплощенно-шаровидная из желтого непрозрачного стекла с красно-белой опоясывающей полосой; половинка уплощенно-шаровидной из синего непрозрачного стекла с красно-белыми глазками; кольцевидная из темного непрозрачного стекла; биконическая с внутренней позолотой, винтообразная из синего прозрачного стекла; биконическая с внутренней позолотой; четырнадцатигранная из сиреневого прозрачного стекла. В состав ожерелья входили бронзовые трехвитковая спиралька, полушаровидная накладка диаметром 1 см с двумя отверстиями /рис. 2, 4, 5, 8—19/. Здесь же найдены бронзовые пуговицы: полая шаровидная диаметром 1 см; литая шаровидная диаметром 0,5 см; две литые грушевидной формы диаметром 0,9 см /рис. 2, 1, 2, 6, 7/.

¹ Цифра в скобках соответствует порядковому номеру погребения в раскопках 1982 года.

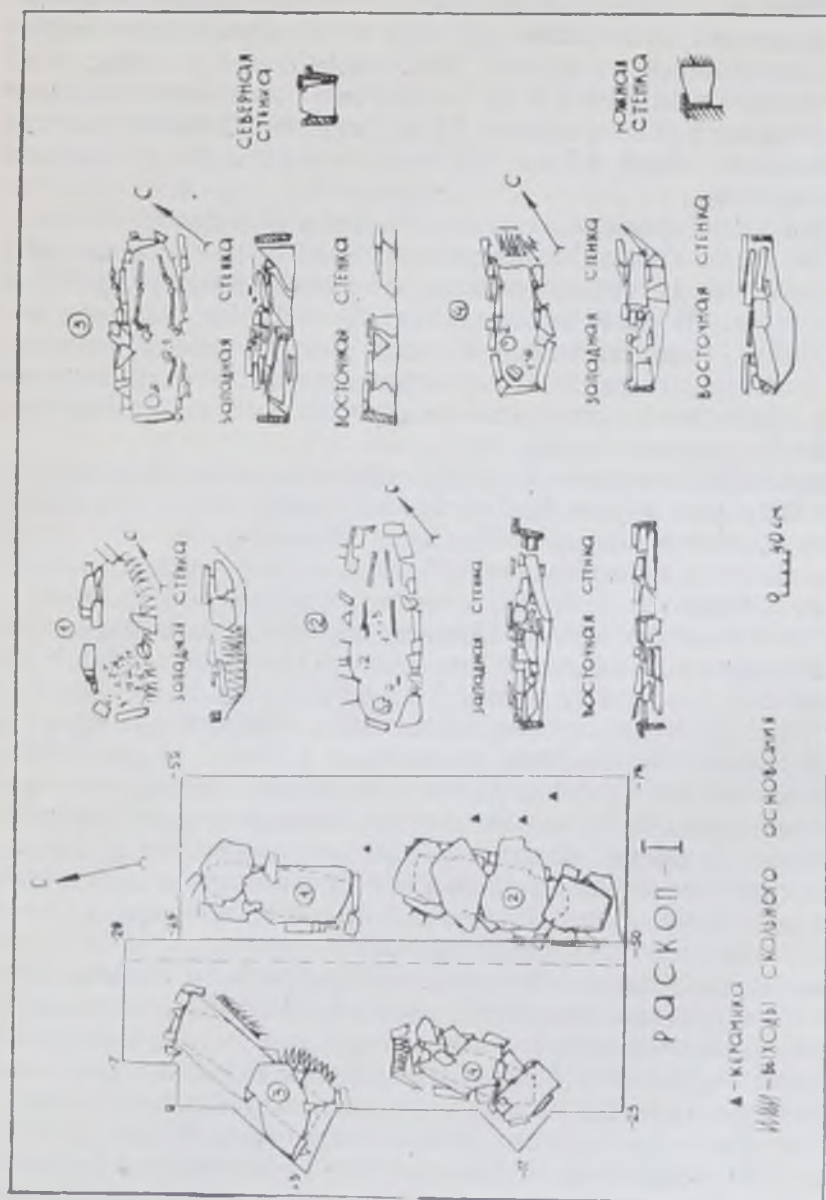

Рис. 1. План раскопа 1982 г. на Шуанском могильнике. Планы и профили исследованных погребений

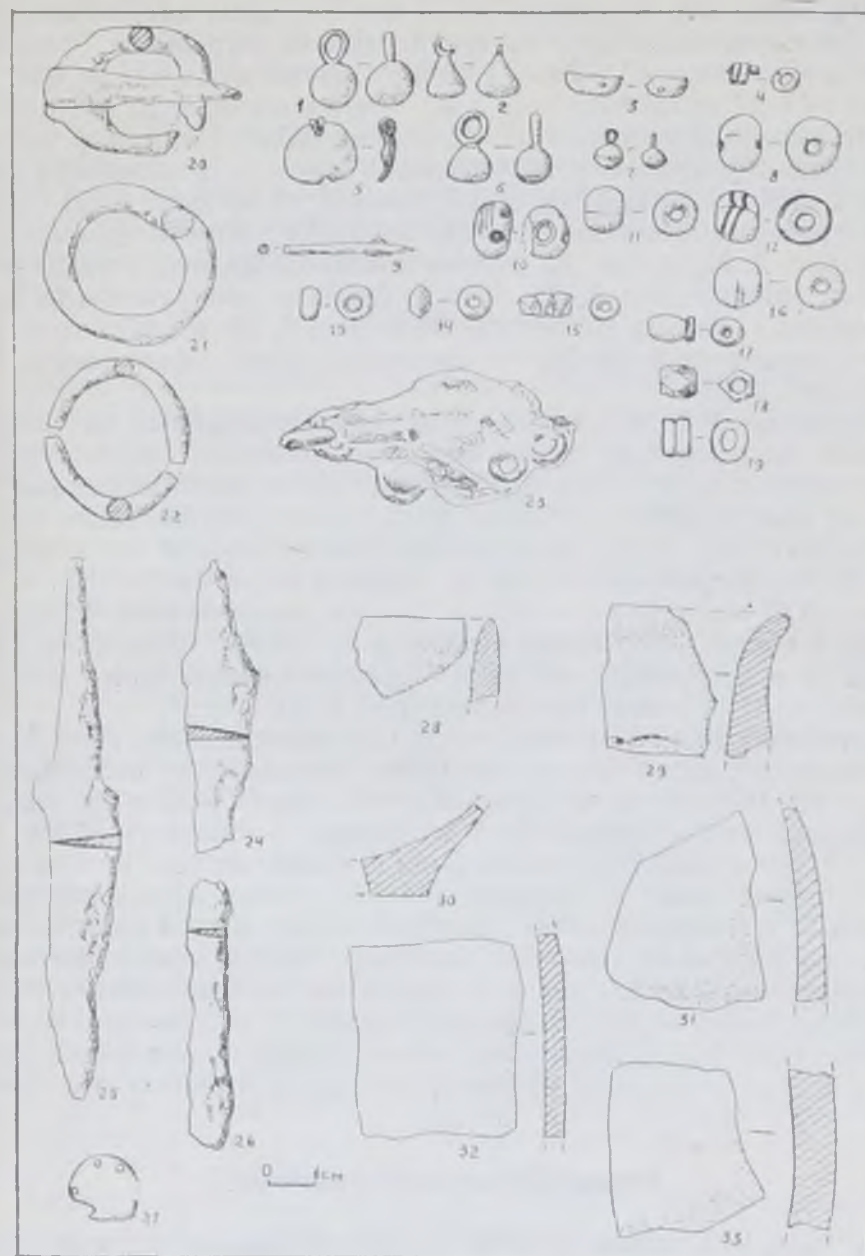

Рис. 2. Предметы из каменных ящиков Шуанского могильника, исследованных в 1982 г.: 1—19 — погр. 7/1/; 20—23 — погр. 8 /2/; 25 — погр. 9/3/; 26—27 — погр. 10 /4/. 28—33 — шуанские находки керамики. 1—7, 27 — бронза; 8—19 стекло, камень; 9, 20—26 — железо; 28—33 — глина.

Погребение 8/2. Каменный ящик был перекрыт пятью плитами, частично находящимися друг на друга. Длина погребения, ориентированного по линии С—Ю — 1,65 м, ширина в головах — 0,29 м, в ногах — 0,27 м, глубина — 0,3 м. Стенки составлены из разномерных обломков колотого камня, дно вырублено в черном сланце. В погребении зафиксирован плохо сохранившийся костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на Ю /рис. 1, 2/. Справа, на уровне предплечья, лежало железное кольцо диаметром 3,5 см /рис. 2, 21/; слева, на уровне поясицы железная подпрямоугольная пряжка /рис. 2, 20/. Между бедрами обнаружены обломки железного кольца диаметром 3 см /рис. 2, 22/ и какой-то сильно corroзированный предмет из железных колец /фрагмент кольца?/, /рис. 2, 23/.

Погребение 9/3. Каменный ящик, ориентированный по линии СВ—ЮЗ, был перекрыт тремя большими плитами, частично перекрывавшими друг друга. Его длинные стены были возведены из колотого камня, причем в нижних рядах были уложены более крупные обломки /рис. 1, 3/. Поперечные стенки состояли из цельных плит. Длина погребения — 1,55 м, ширина в головах — 0,38 м, в ногах — 0,27 м, глубина — 0,38 м. На дне, вырубленном в сланце, расчищен костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Справа на поясе лежал сточенный однолезвийный нож длиной 12 см, со следами дерева на рукояти /рис. 2, 25/.

Погребение 10/4. Каменный ящик был перекрыт четырьмя большими плитами, щели между которыми закрывались небольшими обломками. Могила, ориентированная по линии С—Ю с небольшими отклонениями, имела длину 1 м, ширину в головах — 0,2 м, в ногах — 0,19 м. Боковые стенки были сложены из колотого камня. Дно ее, вырубленное в черном сланце, имело корытообразное углубление в северной части. Детский костяк истлел практически полностью, однако есть основная полагать, что он лежал вытянуто на спине, головой на Ю /рис. 1, 4/. На уровне плечевого пояса обнаружена железная овальная пряжка, рядом — небольшая железная пластинка /рис. 2, 26/; ниже, слева — бронзовая бляшка диаметром 1,5 см с круговым орнаментом и двумя отверстиями /рис. 2, 27/.

Шуанские находки керамики

При удалении дернового слоя в ходе исследования каменных ящиков по всей площади раскопа фиксировались фрагменты керамики. Обломки принадлежали небольшим сосудам с бурым или коричневатым цветом поверхности, изготовленным без помощи гончарного круга. Судя по технологическим признакам — комковатому тесту с примесью песка и мелких камней, шамоту, характерному двух- или трехслойному излому черепка — керамика может

быть отнесена к эпохе бронзы или раннего железа. Об этом же свидетельствуют два фрагмента с лощеной поверхностью, типичный гладкий отогнутый раструбообразный венчик, обломки донцев /рис. 2, 28—33/.

Судя по окатанности обломков и практическому отсутствию других следов культурного слоя на вскрытом участке, фрагменты могли быть снесены водой с выше расположенной седловины горы, удобной для размещения поселения, где перспективно было бы провести соответствующие разведки.

Таршские склепы

Общее представление о Таршском башенном поселении, расположенном выше поселка Шуан по ущелью, ведущему к перевалу в Горную Ассинскую котловину, даст план-схема /рис. 3/. Не ставя задачу детального описания жилищных и оборонительных сооружений, отметим лишь наличие трех боевых и около десятка жилых башен различной степени сохранности, а также подземных емкостей — резервуаров диаметром 1,7 м и глубиной 2,7 м, выбитых в скальном грунте.

В 350 м южнее поселка расположена группа из семи наземных склепов. Среди них выделялся своими небольшими размерами склеп, стоящий несколько в стороне от основной группы. Подобные сооружения весьма редки и, судя по внешним размерам, могли предназначаться для небольшого круга погребенных, в отличие от обычных склепов с их многочисленными захоронениями.

Склеп № 1 /рис. 4/ представлял собой прямоугольное сооружение с углубленной задней стенкой, ориентированное длинной осью по линии С—Ю. Стены его сложены из разномерного камня на известковом растворе, сохранились следы наружной штукатурки. Внешние обмеры склепа: длина — 2,6 м, ширина — 2,05 м, высота по центру — 2,05 м. Ступенчатая кровля из пяти рядов сланцевых плиток частично разрушена. Смещенный от центра стены прямоугольный лаз размерами 0,45×0,55 м находился в фасадной южной стене на высоте 0,35 м от дневной поверхности. Глубина лаза — 0,45 м; размеры пазов для крепления заклада — 0,2×0,5 м. Обмеры камеры дали следующие результаты: длина — 1,7 м, ширина — 1,25 м, высота в центре — 1,5 м.

Внутри склепа был зафиксирован обычный в этих случаях перемес человеческих костей, камней, обломков дерева, полунстлевших обрывков ткани и кожи, скорлупы мелких орехов, земли. В ходе исследования удалось установить, что в склепе сохранились костные останки около 30 человек, включая и детей, однако выявить детали погребального обряда оказалось невозможно.

Находки размещались в беспорядке по всей площади камеры в 20-сантиметровом перемешанном слое. При расчистке найдены:

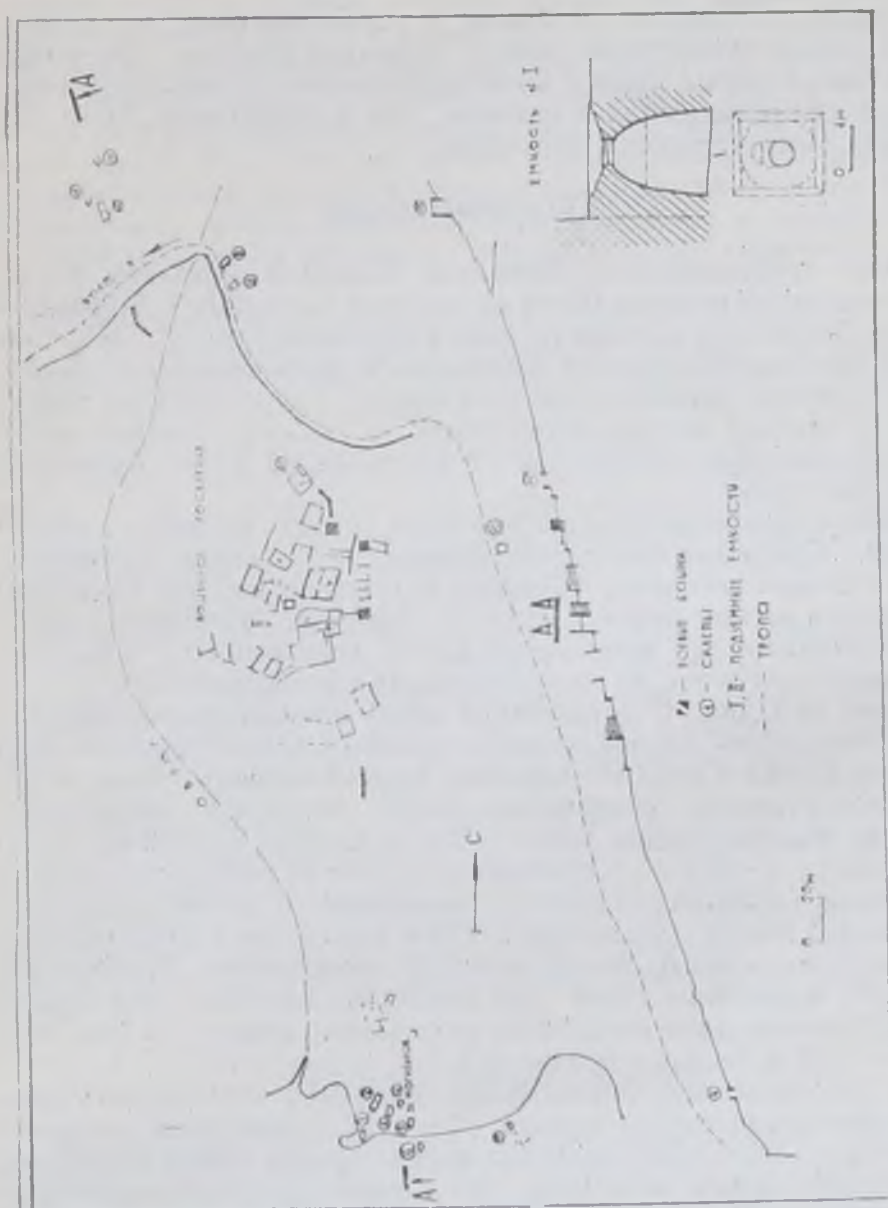

Рис. 3. План-схема башенного поселения Тарш.

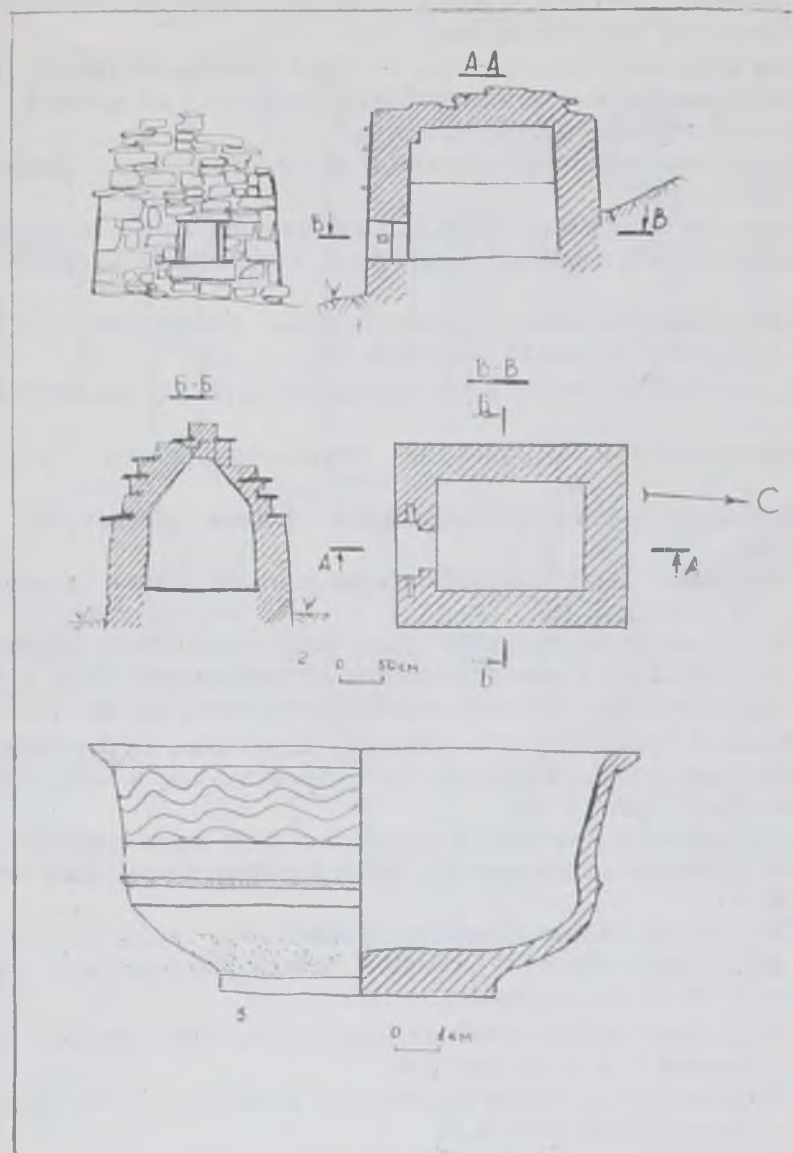

Рис. 4. Склеп № 1 у селения Тарш: внешний вид, план, разрезы. Керамический сосуд из склепа.

1. Небольшая красноглиняная гончарная миска на невысоком поддоне /диаметр венчика — 12,3 см; тулова — 10,1 см; дна — 6,2 см; высота — 5,4 см/, с волнистым орнаментом и широкой полосой, нанесенной красной краской /рис. 4, 3/.

2. Две пары височных подвесок с 7 и 8 лепестками /рис. 5, 14, 15/.

3. Серебрянная сетчатая височная подвеска из мелких колец, украшенных зернью /рис. 5, 16/.

4. Бронзовый перстень с глазком из белого камня. Диаметр — 1,9 см /рис. 5, 23/.

5. Круглая бронзовая накладка диаметром 3 см с полусферической выпуклостью в центре и штифтом с обратной стороны /рис. 5, 17/.

6. Две уплощенно-шаровидные бусины диаметром 1,1 см из светло-коричневого стекла /рис. 5, 8, 11/.

7. Кольцевидная бусина из бирюзового стекла диаметром 1 см /рис. 5, 12/.

8. Многогранная бусина из темно-коричневого сердолика /рис. 5, 9/.

9. Янтарная бусина бочонковидной формы диаметром 1,1 см /рис. 5, 10/.

10. Два бронзовых наперстка «фабричного типа» диаметрами 1,5 и 1,7 см /рис. 5, 6, 19/.

11. Конусовидный предмет, свернутый из тонкого бронзового листа, высотой 3 см с отверстием для подвешивания /рис. 5, 13/.

12. Бронзовое проволочное кольцо диаметром 2,2 см /рис. 5, 7/.

13. Тонкая бронзовая кольцевидная пластинка диаметром 1,9 см с круглым отверстием в центре /диаметром 0,5 см/ и маленьким отверстием сбоку /рис. 5, 18/.

14. Непонятный бронзовый предмет в виде двух трубочек, свернутых из одного тонкого листа и закрепленных бронзовым ободком /рис. 5, 4/.

15. Железный навесной замок «фабричного типа» /рис. 5, 25/.

16. Железная поясная пряжка почти квадратной формы 2,5×2,8 см с подвижным язычком /рис. 5, 22/.

17. Железный однолезвийный нож с широким лезвием длиной 7,3 см, шириной — 1,3 см /рис. 5, 1/.

18. Небольшие железные шарнирные ножницы. Длина сохранившейся части — 9,5 см /рис. 5, 2/.

19. Железный предмет неизвестного назначения /рис. 5, 25/.

20. Бараний астрагал /рис. 5, 20/.

21. Две шаровидные пули из свинца диаметром 1,2 см /рис. 5, 21/.

22. Три деревянных газыря длиной 12,5 и 13,0 см, диаметром около 2 см. Один из них обломан, два имеют в верхней части кольцевые костяные накладки высотой 1,6 и 2,5 см /рис. 5, 3, 6, 8, 9/.

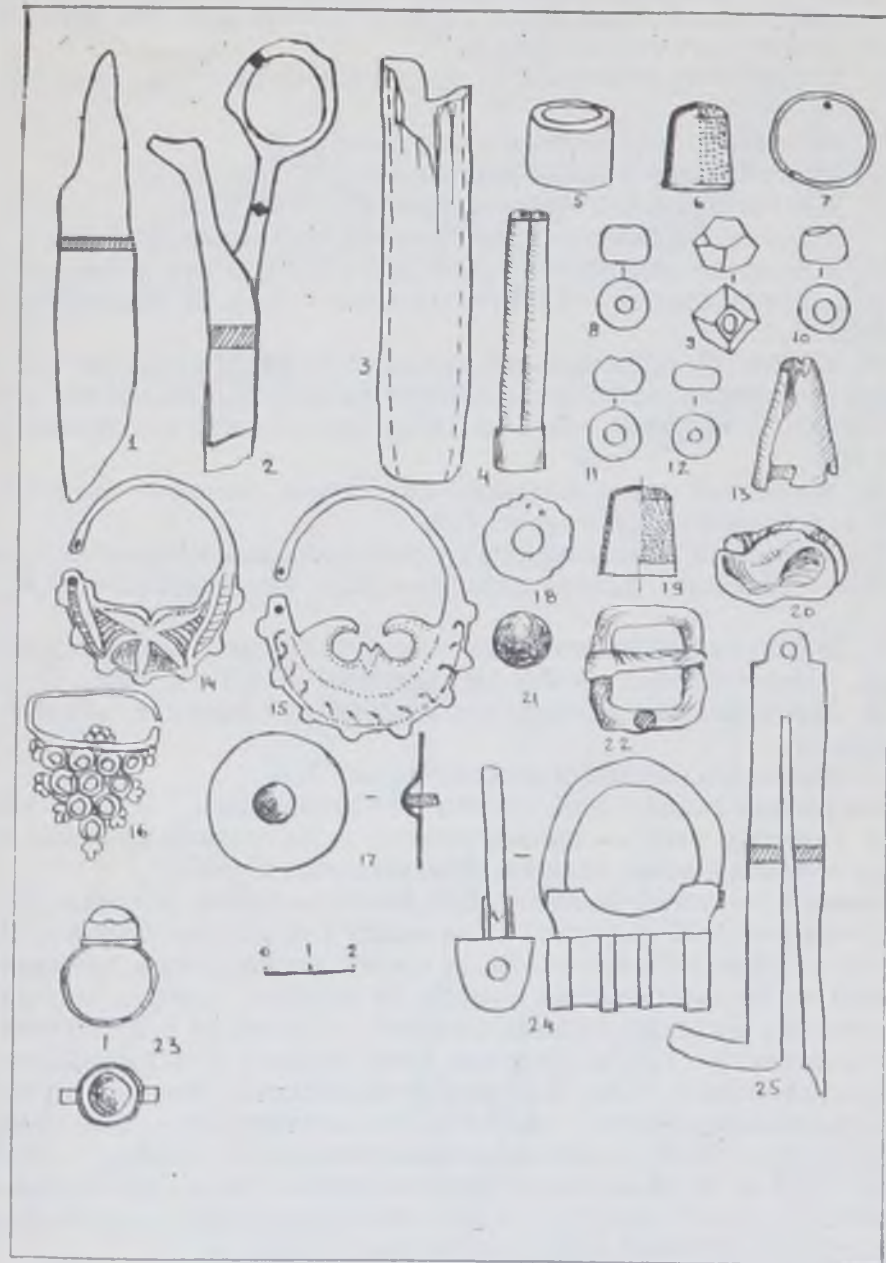

Рис. 5. Находки из склепа № 1 у селения Тарш: 1, 2, 22, 24, 25 — железо; 3 — дерево; 4, 6, 7, 13, 17—19 — бронза; 5 — кость; 8—12 — стекло, камень; 14—16 — серебро; 21 — свинец; 23 — бронза, камень.

23. Овальная костяная пластинка, сквозь отверстие в центре которой продета биконическая костяная трубка. По краям пластинки — отверстия для крепления к основе с остатками гвоздей. Назначение предмета неясно /рис. 6, 7/.

24. Костяной грибообразный предмет с коническим отверстием /рис. 6, 6/.

25. Фрагменты деревянных мисок /рис. 6, 3/.

26. Фрагмент деревянной кибиты лука /?/ /рис. 6, 4/.

27. Железные детали кремневого замка /рис. 6, 1/.

28. Обломок костяного двухстороннего частого гребня /рис. 7, 7/.

29. Железный однолезвийный нож с костяной рукоятью длиной 19,6 см. Длина лезвия — 11,3 см, ширина — 2 см. В кожаных ножнах /рис. 7, 5, 6/.

30. Железный двулезвийный кинжал с прямым клинком, так называемого кавказского типа, с долами длиной 27,8 см. Длина клинка — 21,3 см, ширина — 2,6 см. Обкладки рукояти не сохранились /рис. 7, 1/.

31. Железный нож с широким сточенным лезвием длиной — 23,3 см, шириной — 2,5 см /рис. 7, 2/.

32. Железный однолезвийный узкий нож, заостренный к концу. Длина — 20,5 см, длина лезвия — 17,5 см, ширина — 1,8 см /рис. 7, 3/.

33. Железный однолезвийный нож с валиком у черенка длиной 13 см. Длина лезвия — 7,3 см, ширина — 1,8 см /рис. 7, 4/.

34. Железный лопаточковидный изогнутый предмет /скобель?/ /рис. 6, 2/.

35. Железная обкладка ножен /?/ /рис. 7, 8/.

Остальные склепы этой группы не расчищались. Все они относятся к одному типу — прямоугольные с двускатной кровлей, почти все ориентированы длинной осью по линии С—Ю.

Склеп 2 — самый большой. Его длина — 6,60 м, ширина фасадной стенки — 3,32 м, высота ее — около 4 м, высота задней /углубленной в склон/ стенки — 1,65 м. Склеп двухэтажный, четырехкамерный — по две смежных камеры на каждом этаже, разделенные арками. Размеры нижней камеры: — длина — 4 м, ширина — 1,95 м, высота — 1,70 м; размеры арки: ширина — 1,3 м, высота — 1,35 м, толщина — 0,30—0,41 м. Лаз в фасадной стене — двойной, размеры внешней части — 0,75×0,70 м, внутренней — 0,50×0,65 м, глубина его — 0,70 м. Лаз на второй этаж имел размеры — 0,70×0,50×0,75 м. В обоих лазах предусмотрены пазы для крепления засовов. Внутри и снаружи склепа прослеживаются остатки белой штукатурки. Верхний этаж сооружения разрушен.

Склеп 3. Длина — 4,60 м, ширина фасадной стены — 3 м, ширина задней стены — 2,70 м, высота соответственно — около 5 и 1,70 м. Лаз в западной стене имел размеры — 0,55×0,60×0,62 м. Выше лаза из стены выступает камень с отверстием. Лаз в фасад-

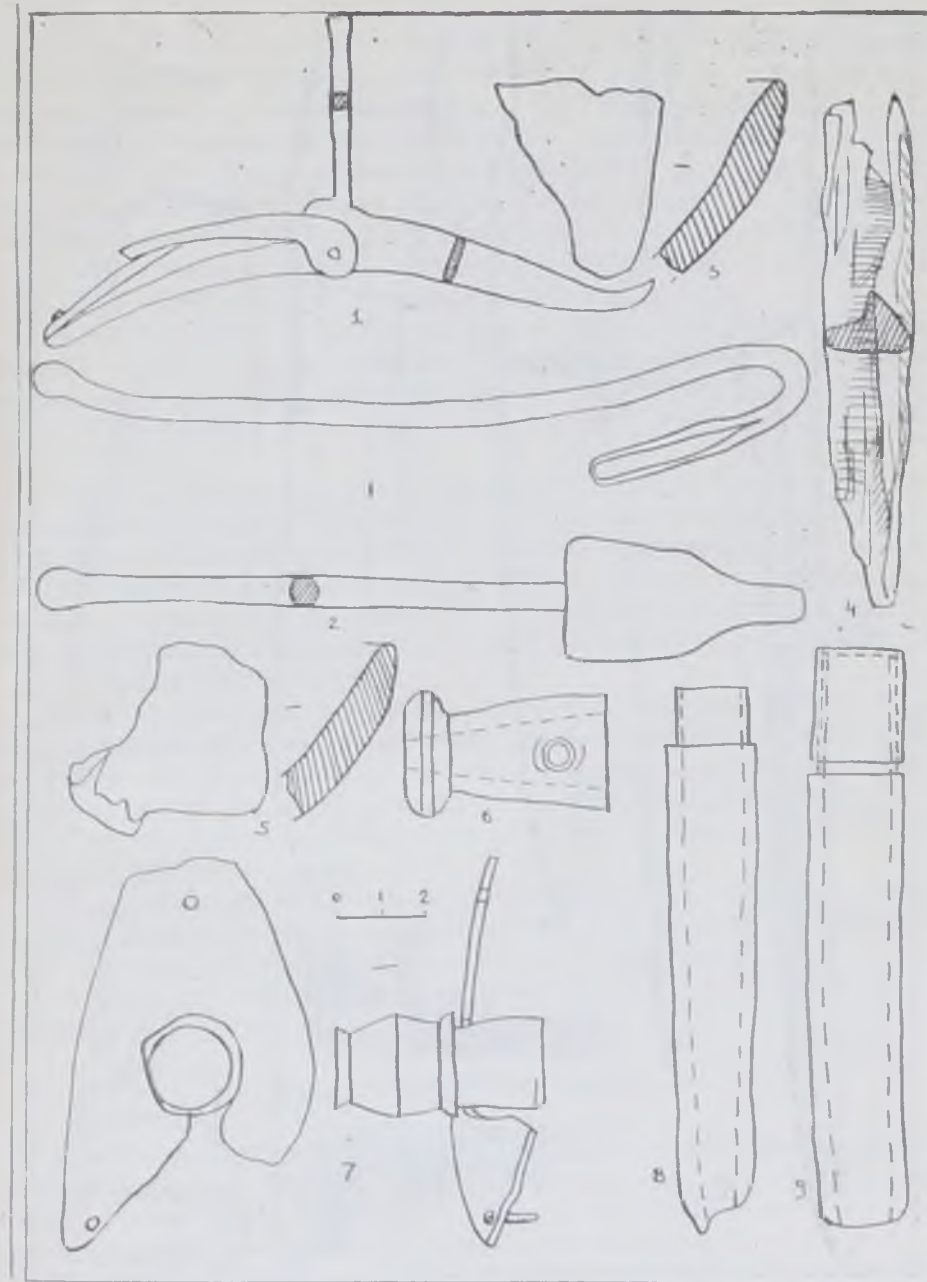

Рис. 6. Находки из склепа № 1 у селения Тарш: 1, 2 — железо; 3—5 — дерево; 6, 7 — кость; 8, 9 — дерево, кость.

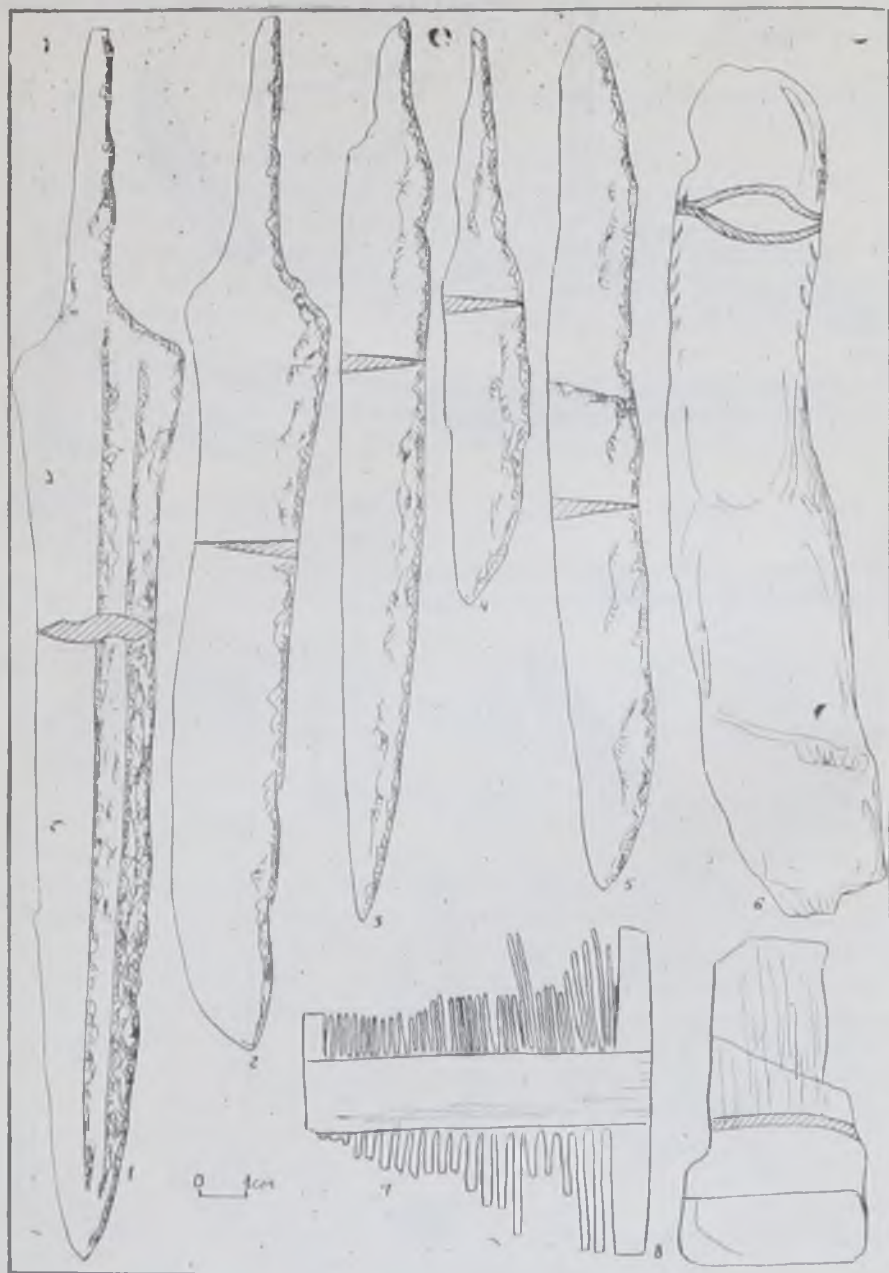

Рис. 7. Находки из склепа № 1 у селения Тарш: 1—5, 8 — железо; 6 — кожа, железо; 7 — кость.

ной стене — двойной, с закругленной верхней частью, размерами — $0,64 \times 36 \times 0,47$ м. Склеп поврежден.

Склеп 4. Длина — 3,25 м, ширина фасадной стены — 2,60 м, высота соответственно — 4,0 и 1,1 м. Лаз в южной стене двойной — $0,75 \times 0,60 \times 0,70 \times 0,50$ м и $0,55 \times 0,51 \times 0,53 \times 0,51$ м, трапецевидной формы. Видны остатки штукатурки. К склепу примыкает небольшая ограда из камней, внутри которой стоит каменная стела.

Склеп 5. Он стоит несколько особняком. Длина его — 3,75 м, ширина фасадной и задней стены соответственно — 2,60 и 2,40 м, высота — 3,50 и 1,35 м. Лазы сооружены в западной и южной стенах. Их размеры почти одинаковы: $0,70 \times 0,65 \times 0,62 \times 0,32$ м и $0,65 \times 0,65 \times 0,61 \times 0,53$ м. Крыша склепа обвалилась.

Склеп 6. Длина — 4,65 м, высота — около 4 м, ширина и высота задней стенки — 2,70 и 1,50 м. Лазы расположены в западной и южной стенках, двойные, размерами: $0,65 \times 0,65 \times 0,62 \times 0,32$ м и $0,77 \times 0,70 \times 0,66 \times 0,30$ м. Над лазом южной стены вделан камень с отверстием.

Склеп 7. От сооружения сохранились остатки четырех стен, позволяющих говорить об ориентировке склепа по линии З—В. Ширина фасадной стены — 2,25 м, высота сохранившейся части — 1,80 м, ширина задней стенки — 2,25 м, высота — 1,30 м. Длина склепа — около 3 м. В южной стене зафиксирован прямоугольный лаз размерами $0,55 \times 0,46 \times 0,50 \times 0,45$ м. Хорошо сохранилась светло-желтая штукатурка стен.

В 160 м севернее Тарша расположена еще одна группа из двух наземных прямоугольных склепов /№ 8, 9/, точнее развалы камней на месте этих сооружений. В 100 м северо-западнее данной группы — остатки еще трех усыпальниц, также разрушенных /№ 12—14/. Судя по остаткам планировки, один из них был аналогичен склепу 2 основной группы.

Следует также отметить стоящий особняком, метрах в 100 восточнее границы поселка, круглоплановый мавзолей /№ 10/, результаты исследования которого публиковались ранее /6/.

Остатки склепа № 11 зафиксированы непосредственно на территории Таршского поселения.

Нижне-Леймийский мавзолей

Данное погребальное сооружение неоднократно фиксировалось исследователями. Однако детально не описано, хотя его нынешнее состояние внушает серьезные опасения за сохранность одного из немногих образцов круглоплановой архитектуры.

Памятник расположен на гребне возвышенности неподалеку от башенного поселка Нижний Оздик, ближе к развалинам Нижнего Лейми. От верхнелеймийского комплекса он отделен глубоким оврагом, уходящим к подножью Цей-Лама. Мавзолей сложен из

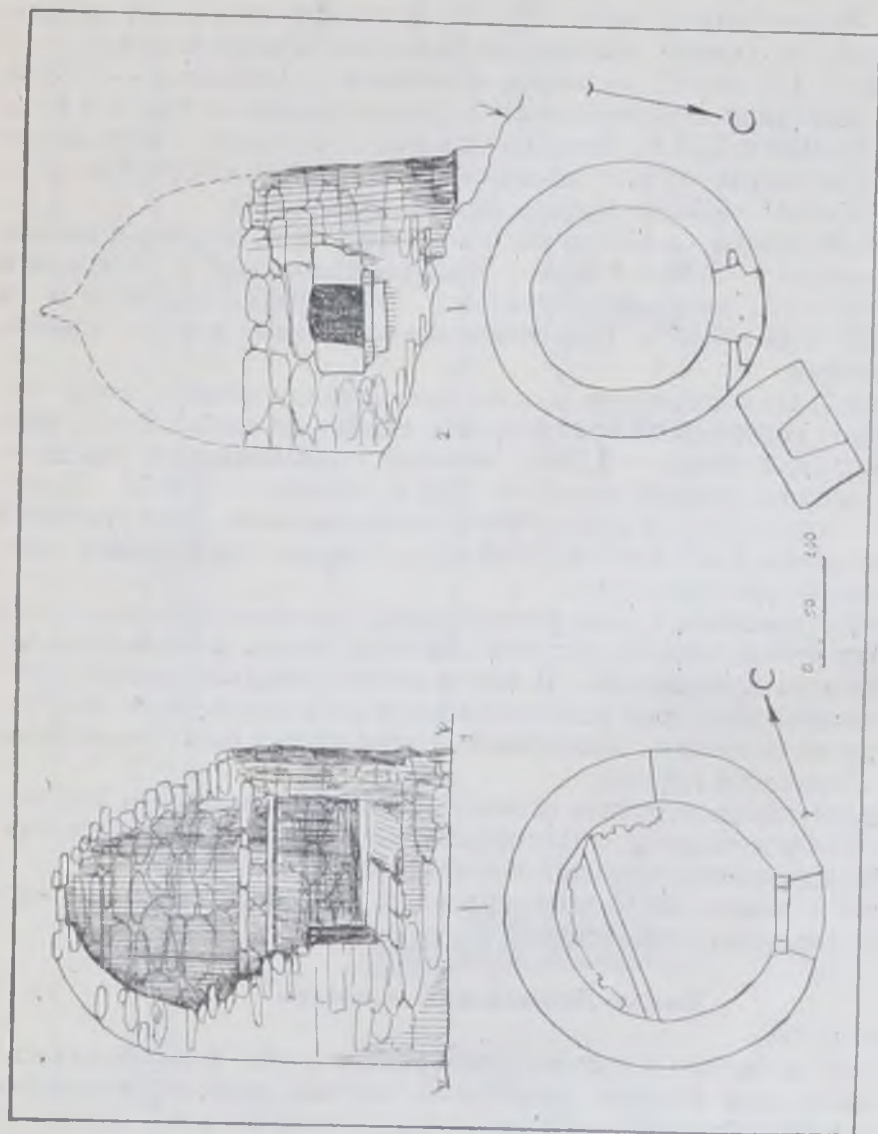

Рис. 8. Круглоплановые мавзолеи горной Ингушетии: 1 — Нижне-Теймийский; 2 — Эгикальский.

крупных, частично обработанных камней на известковом растворе. Высота сохранившейся части — более 3,5 м, диаметр внешней окружности по основанию — около 10 м, внутренний диаметр на уровне камеры — 2 м. На отдельных участках внешней поверхности сохранились следы штукатурки. Излом стен позволил зафиксировать характерную технику так называемой панцирной кладки с забутовкой из мелких обломков колотого камня при толщине стен от 0,59 до 0,70 м /рис. 8, 1/.

До высоты 1,6 м кладка сохраняет определенную рядность и вертикальную направленность стен, выше нарушающуюся в связи с постепенным сужением диаметра и переходом к куполообразному верху. Несколько выше этого уровня внутри камеры зафиксированы остатки кругового козырька из массивных плит, на которые сверху были уложены сланцевые плитки с помощью известкового раствора. Назначение этого конструктивного элемента не совсем понятно, с внешней стороны он не прослеживается. Возможно, что это остатки плоского потолка камеры, на что косвенно указывают многочисленные обломки сланцевых плит в завале камеры. В полутора метрах выше «козырька» неполный ложный свод сооружения замыкался тремя массивными каменными плитами. Таким образом, получается, что внутреннее пространство мавзолея было разделено на две камеры — верхнюю и нижнюю, причем о лазе в первую данных нет. В нижней части камеры на разных уровнях зафиксированы две пары деревянных /дубовых/ балок, выполнявших роль распоров. Две нижние, массивные полукруглые в сечении, были вделаны в стены мавзолея где-то на уровне середины лаза, перпендикулярно его оси. Вторая пара располагалась выше первой на 1 м.

Сохранилась часть лаза, смотревшего на В. Он, очевидно, был двойным и имел обычную прямоугольную форму размерами: внешний проем — $0,56 \times 0,9$ м, внутренний — $0,65 \times 0,6$ м. Поскольку высота каменного завала внутри мавзолея составляла около 1,5 м, обнаружить следы погребения не удалось.

Эгикальский мавзолей

Этот памятник также неоднократно отмечался исследователями, что в значительной мере связано с его местонахождением — у входа в один из крупнейших башенных поселков горной зоны Эгикал со стороны Цейламского перевала.

Купол круглопланового сооружения к настоящему времени разрушен, однако на фотографиях 20—30 гг. хорошо виден конусообразный гладкий верх, завершавшийся заостренным камнем, причем заметно, что наклон стен мавзолея начинался практически от основания в отличие от нижнелеймийского.

Сейчас сохранилась лишь часть памятника на высоту от 1,20

до 1,9 м от поверхности грунта, в который частично впущен мавзолей. Внешний диаметр на этом уровне составляет 2,4 м, внутренний — 1,6 м, окружность основания — более 8 м. Лаз трапециевидной формы расположен с юго-востока на высоте 0,7 м от поверхности, причем его внутренняя часть оказалась шире внешней рис. 8,2.

В отличие нижнелеймийского мавзолея эгикальская постройка сложена более тщательно, из подтесанных камней на известковом растворе, с соблюдением рядности кладки. Техника последней также была иной — камни аккуратно подбирались друг к другу и укладывались радиально. Толщина стен колебалась от 0,4 до 0,55 м. Очевидно, с целью придания большей устойчивости сооружению, возведенному на скальной основе, мастер выложил нижний ряд кладки в виде платформы из массивных камней. Каких-либо иных конструктивных элементов не отмечено. Камера изнутри оштукатурена. Расчистка ее основания, засыпанного грунтом, не проводилась, поэтому данных о захоронениях нет.

У Эгикала Л. П. Семенов упоминает еще один подобный памятник, однако достоверных сведений о его местонахождении нет.

Коротко остановимся на хронологии описанных древностей. Как отмечалось выше, наиболее ранними находками являются фрагменты керамики, обнаруженные при раскопках шуанских каменных ящиков, и свидетельствующие о наличии в этом районе горной Ингушетии весьма ранних памятников. Что касается датировки каменных ящиков из раскопок Л. П. Семенова, то наиболее приемлемым представляется отнесение их к концу раннего средневековья /4, с. 143/.

Погребение 2 с монетами Л. П. Семенов в отчете отнес к второй половине X века, опираясь на позднюю монету 955 г. /5, л. 66 об./, а затем передатировал данный комплекс временем не древнее X—XI вв. /7, с. 117/. На фотографии предметов, помещенной в первом экземпляре отчета, хранящейся в ЛО ИА АН СССР, отчетливо видны характерные стеклянные бусы с восьмеркообразным орнаментом, датирующиеся в древностях Чечено-Ингушетии не ранее начала X в. /8, с. 8/. По Ю. Л. Шаповой они характерны для X — первой четверти XI в. /9, с. 178/. Что касается браслета со стеклянными вставками на концах, то аналогичный обнаружен в погребении 4 Мартан-Чуйского 1 могильника /рис. 4, 7/, а в целом, они обычны в венгерских древностях времени «Обретения Родины», то есть последней четверти X в. /10/. Учитывая стратиграфическую связку погребений 2—5, третий /нижний/ ярус можно датировать временем не позднее второй половины X в., второй ярус датируется не ранее конца X в., первый — XI—XII вв.

Относительно погребений, вскрытых в 1982 году, необходимо указать, что расположенность их на участке, где невозможно ярусное размещение могил, дает основание предполагать их хронологическую близость. К сожалению, находок, в том числе датирующих,

здесь немного. Это прежде всего отдельные типы бус из погребения 7 — биоконпическая золоченая и винтообразная синяя. Первая по новгородской стратиграфии признается характерной для X—XI вв. /9, с. 172, 178/. Наличие таких бус в XI—XII вв. подтверждается материалами Саркела, в том числе и комплексами с монетными находками XI и XII вв. /11, рис. 59, 61 и др./. Винтообразные бусы определяются четко концом XII—XIV вв. /9, с. 178/. Не противоречат такой датировке и литые грушевидные пуговицы, характерные для конца раннего средневековья. Полукруглые бляшки части в древностях уже начала позднего средневековья /12, табл. Б, 11—13; 13, рис. 11, 2—4/. Единичные находки из других погребений не противоречат дате XII—XIV вв.

К иному хронологическому и историческому периоду относятся таршские склепы. В склепе 1, несмотря на относительную многочисленность /для столь небольшой камеры/ погребенных, находок немного, однако большинство из них достаточно выразительно и хронологически составляет компактную группу, не выходящую в целом за рамки XVII — начала XIX в. Это — наперстки так называемого фабричного типа, навесной замок, детали кремневых замков, свинцовые шаровидные пули, газыри, кинжал кавказского типа, шарнирные ножницы, поздние варианты лопастных подвесок — предметы, составляющие характерные черты материальной культуры горной Ингушетии в указанное время /14, с. 96—97; 15, с. 61—62, 20/. Другие таршские склепы, исключая круглоплановый мавзолей, видимо, начали функционировать в более раннее время.

Хронология круглоплановых мавзолеев стала предметом специального внимания лишь недавно /18, с. 126—128/, однако в результате исследования в последние годы ряда памятников этого типа /Тарш, Гоуст, Кейрах/ время их функционирования было определено XVII—XVIII вв. /6, с. 89; 16, с. 61; 19, с. 89—90/. Данное определение вполне приемлемо и для описанных в статье объектов. Однако в качестве индивидуальных, вероятно, хронологических особенностей последних следует отметить упрощенность в технике сооружения нижнелеймийского мавзолея, а также своеобразный характер комплекса, в состав которого входил эгикальский памятник — столпообразное святилище, мавзолей и прямоугольный склеп с двускатной кровлей. Два первых сооружения были построены, видимо, либо одновременно, либо с небольшим разрывом во времени, но значительно позже склепа, так как мавзолей перекрыл подходы к лазу в фасадной стене последнего. По сообщению Д. Ю. Чахкиева, весь комплекс сооружения принадлежал фамилии Аушевых из Эгикала.

Таким образом, публикуемые материалы охватывают длительный хронологический период, что позволит дополнить новой информацией соответствующие разделы «Археологической карты Чечено-Ингушской АССР».

ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ КЕЛИЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

/по материалам охранных археологических исследований
1987 года в горной Ингушетии/

1. Виноградов В. Б., Савенко С. Н. Археологические изыскания в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги /открытия и утраты/ //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. — Грозный, 1989.

2. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Археологические исследования ЧИНИИЭСФ в зоне строительства КПЖД /некоторые итоги и проблемы/ //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. — Грозный, 1989.

3. Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 г. //Архив ЧИРКМ, опись 5, папка 64.

4. Мамаев Х. М., Л. П. Семенов и проблемы интерпретации каменных ящиков Джерахского ущелья /Горная Ингушетия/ //Научное наследие Л. П. Семенова и проблемы комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1988.

5. Семенов Л. П. Отчет об археологической работе в Чечено-Ингушской АССР в 1937 г. //Архив ЧИРКМ, опись 5, папка 64.

6. Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии //Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии — Грозный, 1986.

7. Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье //КСИИМК, XLVI — М., 1952.

8. Мамаев Х. М. Население плоскостной зоны Среднего Притеречья в эпоху раннего средневековья /материальная культура по данным погребальных памятников/ — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1985.

9. Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода //МИА, 109 — М. — Л., 1963.

10. Dienes I. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme Budapest, 1972.

11. Артамонова О. А. Могильник Саркела — Белой Вежи //МИА, 109 — М. — Л., 1963.

12. Даутова Р. А. Новые материалы по средневековой археологии горной Чечни //Археологические памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1979.

13. Багаев М. Х. Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии //Археологические памятники Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1979.

14. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. — М., 1971.

15. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии по материалам раскопок 1966 года/ //Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1981.

16. Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии //Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1988.

17. Даутова Р. А. Склеп с поминальной камерой у сел. Эрзи. //Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1989.

18. Даутова Р. А. К вопросу о датировке горско-кавказских мавзолеев Северного Кавказа //Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1985.

19. Мужухоев М. Б. Трансформация погребального обряда с проникновением ислама на территорию Чечено-Ингушетии //Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. — Грозный, 1988.

20. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа //ИСКНЦВШ, 1977, 1.

Могильник расположен на крутом южном склоне горы Цей-Лам, опускающемся в боковое ущелье, выходящее на востоке к Таргимской котловине. В 1 км восточнее некрополя находятся развалины средневекового башенного поселка Кели¹.

В ходе начавшегося строительства подъездной автодороги Чмн-Таргим в 1987 году строителями был задет участок могильного поля, состоявшего из грунтовых захоронений, каменных ящиков и полуподземных склепов /5, с. 55; 6, с. 136—139/. Последние располагались на юго-западной, западной и северо-западной окраинах Келийского могильника. Одиночный склеп находился и на восточном окончании могильного поля. Ниже склепов склон с могильным полем опоясывал участок древней дороги, выложенной крупными камнями. Еще ниже размещались остатки так называемых циклопических построек самых разных размеров.

В ходе охранно-спасательных работ, проводившихся силами ЧИГУ им. Л. Н. Толстого /археологическая лаборатория под руководством проф. В. Б. Виноградова/, часть склепов, непосредственно попавших в створ проектировавшейся автодороги /уже после проведения ее трассировки/ была исследована. Пять из них вводятся в научный оборот в данной публикации.

Склеп № 1. Полуподземный склеп № 1 находился на юго-западной окраине могильного поля, большей своей частью выходя в створ проектируемой автодороги. Фасад сооружения с лазом со стороны склона наполовину /до верха входного проема/ был засыпан оползшей землей, поросшей луговой растительностью. Перекрытием склепа служил крупный валун, сверху засыпанный землей, также поросший растительностью. После расчистки установлено, что фасадная часть склепа сооружена из грубо отесанных камней, уложенных горизонтально в 9 рядов, соединенных между собой при помощи связующего /известкового — ?/ раствора. Нижний ряд камней уложен прямо на материк. По обе стороны от фасада /расходясь от него/ устроены две вертикальные стенки, образующие своеобразный «коридор», предназначенный скорее всего для предохранения лаза от заплывания и одновременно создающий

¹ Этот башенный поселок упоминается также под названием «Кий» /2, с. 69; 3, с. 6/. Полагаем более близким к истине первое наименование, под которым данный населенный пункт и древности вокруг него были известны одному из первых исследователей памятников Ингушетии — Л. П. Семенову /1, с. 43, 137/.

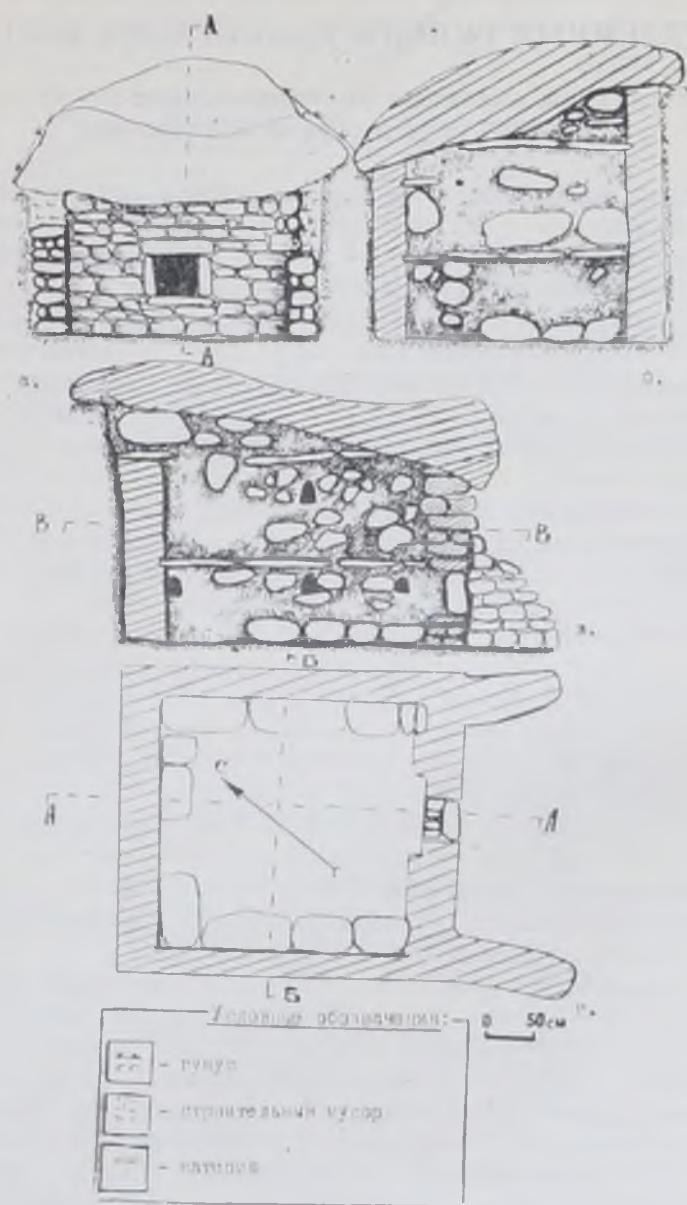

Рис. 1. Келийский полуподземный склеп № 1:
а) фасад склепа № 1; б) разрез склепа по линии А—А; в) разрез склепа по линии В—В; г) план склепа на уровне В¹—В¹.

небольшую площадку перед фасадом, где, вероятно, и проходили последние церемонии перед совершением захоронения. Верхние части боковых стен разрушены, сами стены засыпаны землей.

В центральной части фасада склепа устроен лаз подквадратной формы /рис. 1, а/ размерами $0,5 \times 0,5$ м, образованный четырьмя массивными хорошо обработанными камнями; два из них поставлены вертикально, два положены горизонтально. По верхнему периметру входного проема идет небольшое $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ см/ углубление, предназначенное для заклада входа сланцевой плитой. Последняя, сложенная по диагонали, находилась у восточного угла склепа /сохранившаяся часть плиты прочно входила в пазы/. На дне примыкавшей к фасаду площадки, перед входом в склеп, в восточном и южном углах /между фасадом и стенами «коридора»/ отмечено обилие мелких и крупных угольков. В юго-восточной части отмечены следы костра, разводившегося в небольшом, овально-вытянутой формы, углублении $20 \times 27 \times 10$ см/, сверху заполненном золой, под которой находились крупные угольки и две мелкие косточки /птицы — ?/. Нижний ряд камней фасада и стены закопчены. Прямо перед входом зафиксированы несколько невыразительных фрагментов красноглиняной гончарной керамики красного и темно-коричневого цвета.

Внутреннее пространство погребальной камеры подпрямоугольной формы размерами $3,10 \times 2,60$ м было ориентировано длинной осью по линии СЗ—ЮВ. Верх камеры, как отмечалось, перекрыт монолитной глыбой, опирающейся не только на стены камеры, но и на материковый грунт. Поверхность монолита с внутренней стороны неровная, отчего неодинакова и высота стен склепа /рис. 1, б, в/. Пол материковый, ровный. Конструкция склепа довольно интересна. Северо-западная стена склеповой постройки оштукатурена. Из-под штукатурки выглядывают отдельные крупные камни. Слой штукатурки неровный — с ее помощью пытались устранить шероховатости стены. Поперек стены, на уровне 1 м от пола, проходит полка, составленная из сланцевых плит шириной около 50 см. Плиты вмонтированы в стену. На высоте 2 м от пола сохранилась плита другой /разрушенной/ полки и отверстие от каменного упора, поддерживавшего когда-то вторую полку. На высоте 2,25 м от уровня пола в этой же стене имелась ниша, заглубленная внутрь на 0,80 м, дно которой облицовано сланцевыми плитами /длина ниши — 1,70 м/. Два яруса полок, по-видимому, предназначались для укладывания погребенных. Северо-восточная стена также оштукатурена, имеет две полки /верхняя сохранилась частично/, /рис. 1, в/. Кроме того, в ней устроены четыре стрельчатые нишки размерами $20 \times 30 \times 35$ см, глубиной до 20—25 см. Внутри они закопчены. Аналогично выглядит и юго-западная стена, но в ней нет ниш. Все три стены имеют следы копоти от средней части до потолка.

Раскоп пространства перед склепом и по его бокам дал возможность и частичной реконструкции процесса возведения данного сооружения. Как представляется, первоначально был вырыт котлован под уже находившимся здесь монолитом /который, судя по всему, являлся глыбой, когда-то упавшей с вершины Цей-Лама/. Затем возводились четыре угловые связки /поочередно, начиная от фасадной части/ и сооружались стены с учетом деталей внутреннего интерьера. Потом строился фасад. Промежутки между материковыми стенами котлована и стенами склепа, сужавшимися от задней стены к его фасаду, забутовывались строительным мусором /битым камнем, осколками камней при их обработке и пр./, попеременно с материковым грунтом. Единственной непонятной деталью является вопрос о времени оштукатуривания склепа изнутри: наличие в камере следов штукатурки, засохшей на фрагментах керамики и человеческих костях, может свидетельствовать о неодновременности сооружения усыпальницы и оштукатуривания.

К моменту расчистки внутреннего пространства камера оказалась ограбленной: ее центральная часть была пустой, лишь северный и западный углы склепа, а также пространство между ними были покрыты рыхлым заполнением темно-коричневого цвета. У фасадной стены лежал навал земли, попавшей внутрь через проем, толщина слоя которого составляла 20—25 см, а перед входом — до 60 см. Кости погребенных перемешаны, фрагментированы, сконцентрированы вдоль северо-западной стенки, в северном и западном углах. При расчистке в склепе зафиксировано: 6 целых черепов взрослых погребенных, 4 верхние челюсти /подростков — ?, 7 нижних челюстей взрослых, 40 ключиц, 8 костей тазобедренного сустава, 15 бедренных, 12 костей голени /все кости — взрослых погребенных/, 18 плечевых и 10 локтевых костей, 130 реберных костей и масса мелких фрагментированных костей позвоночного столба, зубов, фаланг пальцев рук, ног, и т. д. Таким образом, количество погребенных в данном склепе могло быть около 20.

Инвентарь, зафиксированный в склепе, размещался в заполнении и под ним. В северном углу отмечены: 1/ массивный бронзовый умбон диаметром 21 см /рис. 2, 1/; 2/ крупный полый бронзовый бубенчик и два мелких бронзовых литых /рис. 2, 2, 56—57/. Еще два полых бронзовых бубенчика изготовлены из двух половинок, в нижней части имеют прорези, внутри — шарик /рис. 2, 17, 20/; 3/ три железные разнотипные пряжки /рис. 2, 14, 41, 55/; 4/ каменный оселок /рис. 2, 13/; 5/ фрагмент венчика стеклянного сосуда темно-зеленого цвета /рис. 2, 12/; 6/ фрагмент железной ложки /рис. 2, 11/; 7/ костяной предмет полусферической формы с обработанной /рельефной/ поверхностью /рис. 2, 9/; 8/ бронзовый фрагментированный полый бубенчик с тонким серебряным проволочным ушком; 9/ фрагмент полого бронзового бубенчика с массивным уплощенным ушком /рис. 2, 43/.

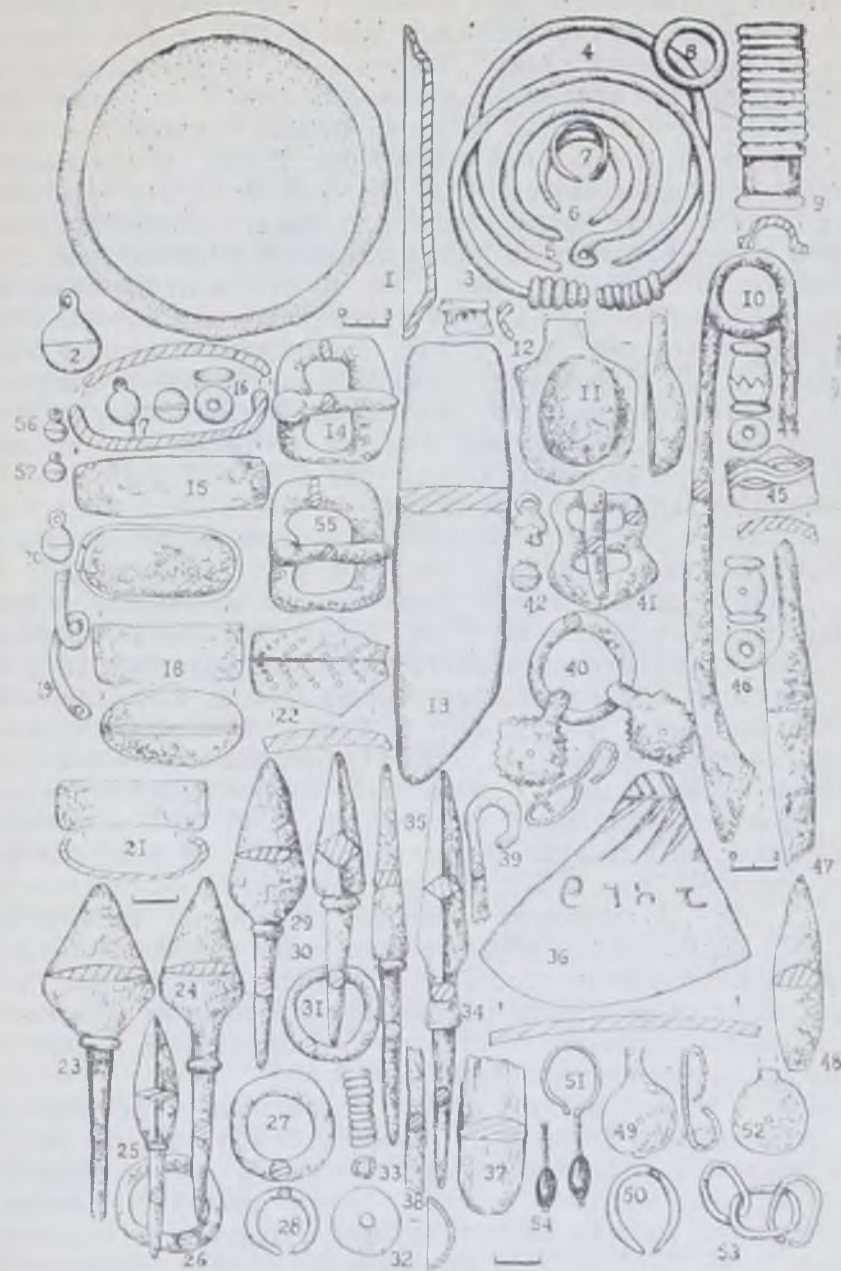

Рис. 2. Погребальный инвентарь келийского склепа № 1:
1—8, 17—20, 28, 32—33, 42—43, 50—51, 53—54, 57 — бронза; 9 — кость;
12 — стекло; 10—11, 14—15, 18, 21, 23—27, 29—31, 34—35, 38—41, 44,
47—49, 55 — железо; 13 — сланец; 22, 36, 45 — глина; 16 — паста.

Находки у северо-западной стенки: 1/ фрагментированные железные ножницы для стрижки овец /рис. 2, 10/; 2/ бочонковидная бусина из светло-серой глины /кашин — ?/, в центральной части орнаментированная врезанной ломаной линией и покрытая бирюзовой поливой /рис. 2, 14/; 3/ такая же бусина без поливы с врезанным «глазком» в центральной части /рис. 2, 46/; 4/ три железных фрагмента крепления ножен сабли ?/ /рис. 2, 15, 21/ и железная обойма нижней части ножен сабли, с тыльной стороны орнаментированная тремя врезанными параллельными линиями /рис. 2, 18/; 5/ бронзовое литое кольцо /рис. 2, 8/; 6/ фрагмент бронзового деформированного височного кольца с расплюснутым концом, в котором пробито отверстие /рис. 2, 19/; 7/ стеклянная бусина серого цвета /рис. 2, 16/; 8/ фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда, орнаментированного «елочным» штампом /рис. 2, 22/; 9/ бронзовая полусферическая бляшка с отверстием в центре /рис. 2, 32/; 10/ три железных кольца /рис. 2, 26—27, 31/.

Находки из западного угла склепа: 1/ шесть железных черешковых наконечников стрел: плоские с удлиненными верхними и укороченными нижними ударными гранями /рис. 2, 23—24, 29/, граненые с ромбическим сечением пера /рис. 2, 25, 30, 34/ и прямоугольным сечением пера /рис. 2, 35/; 2/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда, орнаментированного врезанной «плетенкой» /рис. 2, 45/; 3/ фрагмент клинка железного ножа /рис. 2, 47/; 4/ фрагмент железного предмета /рис. 2, 39/; 5/ бронзовая спираль из тонкой расплюснутой проволоки /рис. 2, 33/; 6/ бронзовое височное кольцо или серьга /рис. 2, 28/; 7/ железный распределитель узды ?/ /рис. 2, 40/ и два «язычка» от другого /рис. 2, 49, 56/; 8/ железный предмет округлой в сечении формы /рис. 2, 36/; 9/ фрагмент деревянного предмета /рис. 2, 37/; 10/ фрагмент пера наконечника стрелы /рис. 2, 48/; 11/ фрагмент бронзовой цепочки из трех звеньев /рис. 2, 53/; 12/ бронзовая серьга в виде знака вопроса /рис. 2, 51/; 13/ фрагмент стержня от второй аналогичной серьги /рис. 2, 54/. Стержни обеих серег обвиты тонкой проволокой, на конце — напускная бусина темно-синего стекла; 14/ бронзовая серьга или кольцо в виде несомкнутого овала /рис. 2, 50/.

Находки в навале земли у входа: 1/ фрагмент стенки гончарного сосуда, покрытого ангобом ?/ блестящий коричневый цвет/, орнаментированного в верхней части врезанным «елочкообразным» ?/ декором, ниже которого после обжига нанесена древнегрузинская надпись /шрифт «асомтаврули»/. Надпись не определена /рис. 2, 36/; 2/ бронзовое височное кольцо в виде несомкнутого круга, концы которого обвиты напускной спиралью /рис. 2, 3/; 3/ бронзовое височное кольцо с несомкнутыми заостренными концами /рис. 2, 4/; 4/ бронзовое височное кольцо — один конец его заострен, а другой — свернут в кольцо /рис. 2, 5/; 5/ бронзовое кольцо или серьга с заостренными концами /рис. 2, 6/; 6/ бронзо-

вая серьга в виде несомкнутого круга с одним заостренным концом, а второй — имеет округлое утолщение и обвивку из бронзовой проволоки /рис. 2, 7/; 7/ железный массивный нож с упором /рис. 3, 1/; 8/ железный нож ?/ — имеет черенок, расширяющийся на конце и отогнутый в сторону спинки /рис. 3, 2/; 9/ фрагмент железного кольца крупных размеров /рис. 3, 3/; 10/ кашинная пуговица, покрытая бирюзовой поливой /рис. 3, 4/; 11/ фрагмент донца красноглиняного гончарного сосуда /рис. 3, 5/. Диаметр его дна — 8 см; 12/ массивная железная пластинка подпрямоугольной формы со скошенными сторонами /рис. 3, 6/; 13/ верхняя часть красноглиняного сосуда, внутренняя его поверхность — серого цвета. Диаметр горловины — 7 см, толщина стенки — 0,7 см /рис. 3, 7/; 14/ костяная пуговица, орнаментированная крестообразно расположенными концентрическими окружностями с точкой посередине /рис. 3, 8/; 15/ фрагмент железного ножа /рис. 3, 9/; 16/ фрагмент красноглиняного сосуда, орнаментированного штампом /рис. 3, 10/; 17/ фрагмент стенки сосуда серого цвета гончарной работы, орнаментированного врезанными прямыми и косыми линиями /рис. 3, 11/; 18/ еще один фрагмент красноглиняного сосуда, орнаментированного «елочным» штампом /рис. 3, 12/; 19/ донышко красноглиняного сосуда, диаметром 8 см /рис. 3, 13/; 20/ фрагмент красной керамики, украшенной врезанными прямыми и волнистыми линиями /рис. 3, 14/; 21/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда с врезанной волнистой линией /рис. 3, 15/; 22/ донышко сероглиняного гончарного сосуда, диаметром около 9 см /рис. 3, 16/; 23/ два фрагмента красноглиняных сосудов, декорированных «елочным» штампом и врезанными волнистыми линиями /рис. 3, 17, 18/.

Находки в восточном углу: 1/ железная проколка или шило ?/ /рис. 3, 19/; 2/ железный нож с широким лезвием /рис. 3, 20/; 3/ фрагмент лезвия другого ножа /рис. 3, 21/; 4/ фрагмент еще одного клинка ножа /рис. 3, 22/; 5/ железный распределитель узды с тремя подвижными «язычками» /рис. 3, 23/; 6/ бронзовое височное кольцо или серьга с заостренными концами /рис. 3, 24/; 7/ железное кольцо /рис. 3, 25/; 8/ костяная орнаментированная ручка ножа /рис. 3, 26/; 9/ фрагмент железного предмета /рис. 3, 27/; 10/ фрагментированное железное кольцо /рис. 3, 28/; 11/ бараний альчик /рис. 3, 29/; 12/ клинок железного ножа /рис. 3, 30/; 13/ железный нож /рис. 3, 31/; 14/ семь железных черешковых наконечников стрел: плоские /рис. 3, 32, 35, 37/, два из которых — редкие для региона /рис. 3, 32, 37/, и граненые /рис. 3, 36, 39/; 15/ колчаный крюк с двумя парами штифтов для крепления /рис. 3, 38/; 16/ крупное железное кольцо /рис. 3, 40/; 17/ две железные пряжки /рис. 3, 40/; 18/ две железные пряжки /рис. 3, 41—42/; 19/ железный гвоздь /рис. 3, 43/.

СКЛЕП № 2. Он находится в 3,5 м юго-восточнее склепа № 1. На дневной поверхности, со стороны склона, возвышается лишь

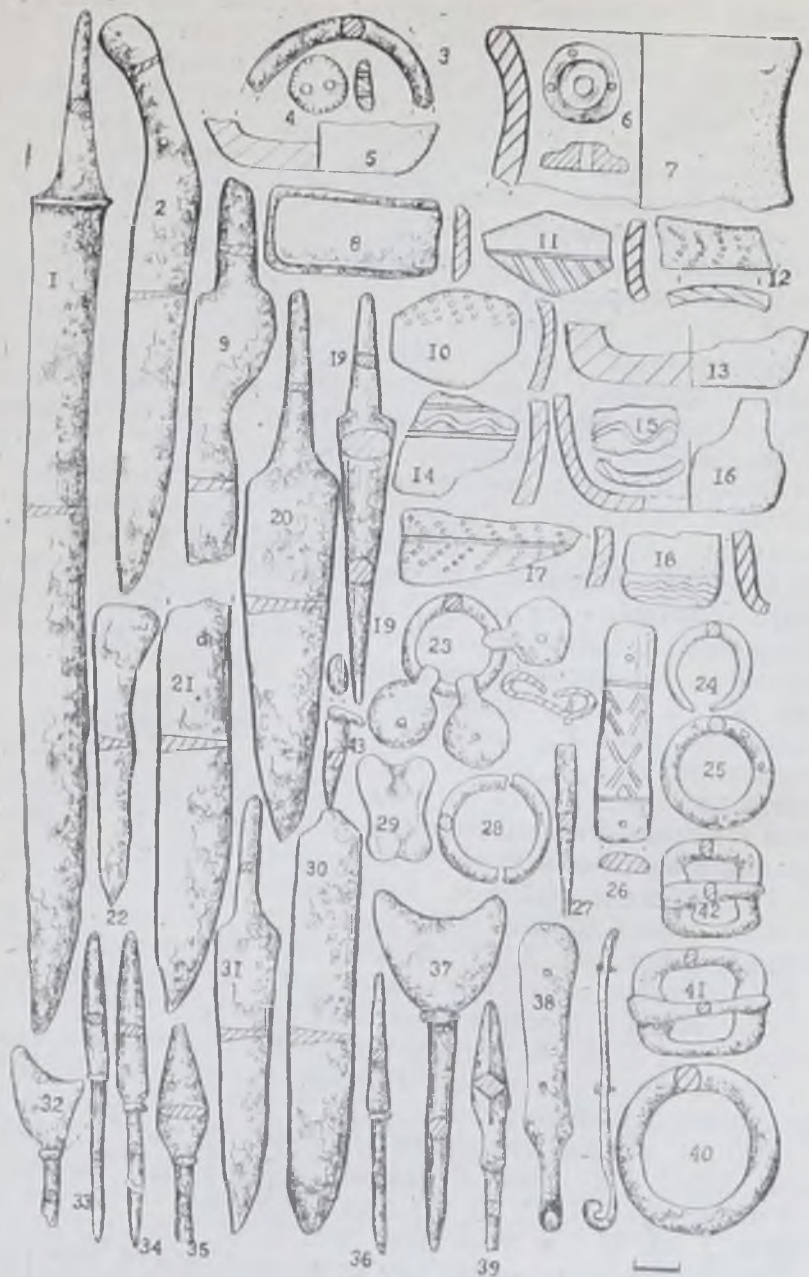

Рис. 3. Инвентарь келийского склепа № 1:
1—3, 8—9, 19—23, 25, 27—28, 30—42 — железо; 24 — бронза; 6, 26,
29 — кость; 5, 7, 10—18 — глина; 4 — кашин.

валун перекрытия и верхняя часть фасадной стены. Остальная часть фасада и верх монолита засыпаны землей, поросшей растительностью. С помощью раскопа удалось установить, что фасадная стена устроена из грубо обработанных камней, сложенных в 10 рядов при помощи связующего известкового раствора /рис. 4, а/. Нижний ряд установлен на материковом грунте. Лаз располагается в центральной части стены, на высоте 40 см от уровня материка. По обе стороны от входа открылись две стенки «коридорчика», разрушенные в верхней части. На площадке перед входом, как и у предыдущего склепа, отмечены уголки, но менее многочисленные. Пространство между стенами склепа и материковым котлованом забутовано строительным мусором. Лаз составлен из четырех обработанных плит. При расчистке выяснилось, что перед входом стоит сланцевая плита, неплотно прикрывающая вход, снаружи приваленная крупными камнями. Внутреннее пространство склепа представляет собой помещение подтрапециевидной формы с округлыми углами /рис. 4, г/. По всему периметру помещения /на уровне материка/ установлены плотно подогнанные друг к другу массивные валуны /высотой 40—50 см/, на 50 см выступающие внутрь помещения и образующие невысокую лежанку /рис. 4, г/. Валун перекрытия с неровной нижней поверхностью полностью покоится на стенах склепа.

Северо-западная стена выложена из мелких и крупных грубо отесанных камней, плотно подогнанных друг к другу. Аналогично выглядят и юго-западная и северо-восточная стены. Любопытной деталью является наличие ниши под лежанкой /рис. 4, д/. Примерно в центральной части лежанки находится трапециевидное отверстие, шириной 30 см в основании и высотой 47 см, образованное тремя плитами. Это оказался лаз в небольшую, вытянутую длиной осью по линии СЗ—ЮВ, камеру. Длина ее по этой оси — 1,10 м, ширина — 0,70 м. В плане камера имела подпрямоугольную форму с заovalенными углами. Сам склеп углами ориентирован по сторонам света, длиной осью по линии СЗ—ЮВ. Его длина — 2,00 м, ширина — 2,10 м. Высота от пола до монолитного перекрытия — 1,30 м. Таким образом, данный склеп представлял собой небольшое приземистое сооружение. Пол склепа был покрыт небольшим слоем сухого светло-желтого пылевидного грунта толщиной до 10 см. Кости на поверхности отсутствовали. Вдоль северо-западной стены камеры отмечены всхолмления грунта, похожие на следы некогда проведенной расчистки. Здесь были обнаружены три бедренные кости, одна плечевая и несколько фаланг пальцев, а также инвентарь:

1/ железное крепление колчана /?/ /рис. 5, 1/; 2/ мелкий бронзовый литой бубенчик с проволочным ушком /рис. 5, 2/; 3/ три полусферические бронзовые бляшки /рис. 5, 3—5/; 4/ фрагмент железной пряжки /рис. 5, 7/; 5/ железный нож /рис. 5, 8/; 6/ бронзо-

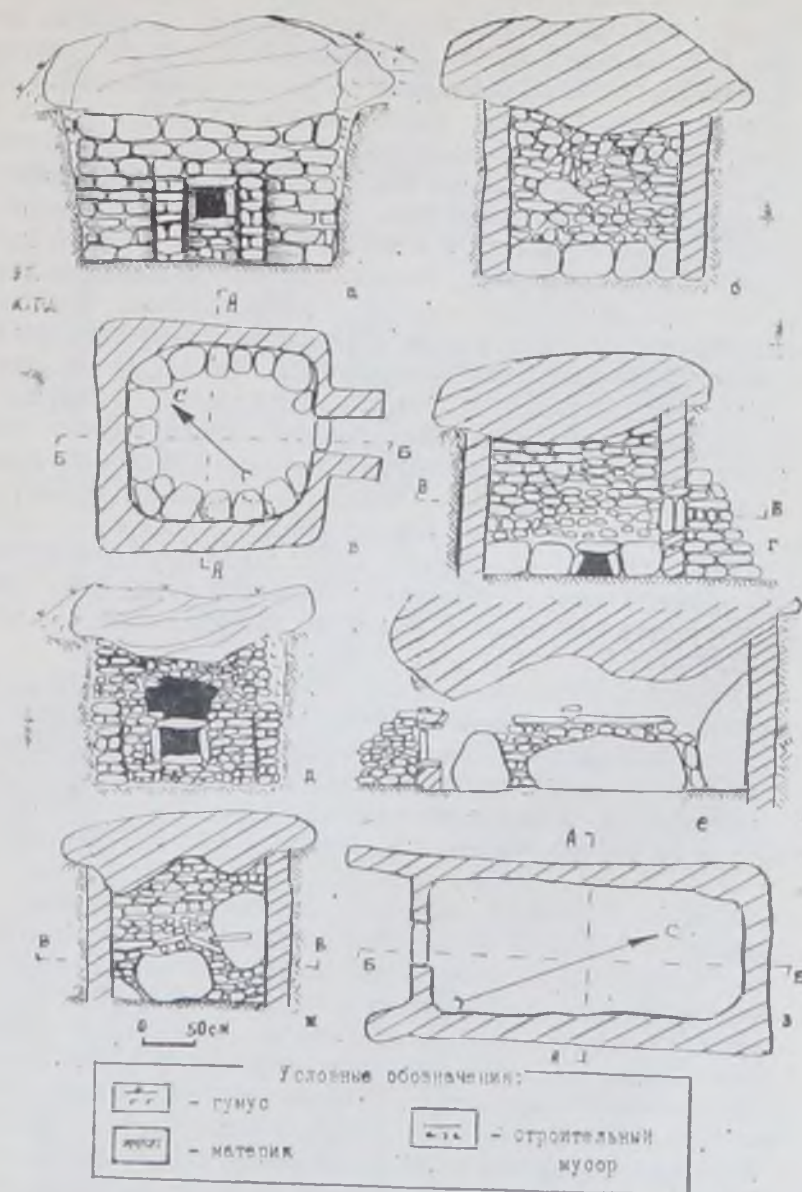

Рис. 4. Келийские склепы № 2 и № 5:

а) фасад склепа № 2; б) разрез склепа № 2 по линии А—А;
в) план склепа № 2; г) разрез склепа № 2 по линии Б—Б; д) разрез склепа № 5;
е) разрез склепа № 5 по линии Б—Б; ж) разрез склепа № 5 по линии А—А;
з) план склепа № 5.

вый полый бубенчик грушевидной формы с прорезью в нижней части /рис. 5, 9/; 7/ фрагментированное железное кольцо /рис. 5, 10/; 8/ бронзовое височное кольцо или серьга /рис. 5, 11/; 9/ половинка бронзового бубенчика и целый полый бубенчик /рис. 5, 12, 13, 16/; 10/ бронзовый полый бубенчик /рис. 5, 14/; 11/ железная пряжка /рис. 5, 15/; 12/ маленькая бронзовая накладная полусферической формы /рис. 5, 17/; 13/ бронзовая спираль /рис. 5, 18/; 14/ два железных кольца /рис. 5, 19, 21/; 15/ два железных черешковых наконечника стрел /рис. 5, 20, 22/; 16/ фрагмент красноглиняного сосуда /рис. 5, 23/. Он декорирован поперечной врезанной линией; 17/ фрагмент железного предмета /рис. 5, 24/; 18/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда /рис. 5, 25/; 19/ железная фрагментированная обойма ножен /ножа — ?/ /рис. 5, 26/; 20/ железный втульчатый наконечник стрелы /рис. 5, 27/; 21/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 5, 28/; 22/ маленький железный ножик с упором /рис. 5, 29/; 23/ костяной втульчатый наконечник стрелы /рис. 5, 30/; 24/ две кашинные пуговицы, покрытые бирюзовой поливой /рис. 5, 31—32/; 25/ дно красноглиняного сосуда, диаметром 9,5 см /рис. 5, 33/; 26/ четыре бусины: фаянсовая /рис. 5, 34/, стеклянная серого цвета /рис. 5, 35/, стеклянная синего цвета, двойная /рис. 5, 36/, стеклянная темно-синего цвета, тройная /рис. 5, 37/; 27/ дно красноглиняного сосуда /рис. 5, 38/; 28/ железное шило или проколка /пробойник — ?/ /рис. 5, 39/; 29/ фрагмент железной пряжки /рис. 5, 40/; 30/ бронзовый полый бубенчик /рис. 5, 41/; 31/ две бронзовые спирали /рис. 5, 42—43/; 32/ железная бритва /рис. 5, 44/; 33/ бараний альчик /рис. 5, 45/; 34/ массивный железный предмет /рис. 5, 46/; 35/ крупный фрагмент красноглиняного сосуда: снаружи и изнутри красный, по горловине и тулову проходят поперечные врезанные линии /рис. 5, 6/. Ручка возвышается над венчиком, уплощена. В ней просверлено отверстие.

Боковая камера, устроенная в северо-восточной стене склепа, оказалась заполненной рыхлым рассыпчатым грунтом темно-коричневого цвета /толщина слоя — до 25 см/. В заполнении отмечены отдельные кости детского костяка: две бедренные, локтевая кость; две ключицы и кости грудной клетки. Вперемежку с ними находился и сопровождающий инвентарь:

1/ венчик красноглиняного сосуда, диаметром 8,5 см, при толщине стенки 1 см. Тесто неровного обжига, неравномерного прокала /рис. 6, 1/; 2/ фрагмент венчика другого сосуда темно-серого цвета /рис. 6, 2/; 3/ мелкая серебряная полусферическая бляшка с двумя отверстиями по краям /рис. 6, 3/. Внешний край бляшки орнаментирован насечками; 4/ бронзовая серьга в виде знака вопроса /рис. 6, 4/. Острие ее несомкнутого кольца отогнуто во внешнюю сторону /как у аналогичных украшений «степного» типа/. Стержень обвит проволокой, на конце его стеклянная напускная бусина синего цвета; 5/ фрагмент венчика красноглиняного сосуда

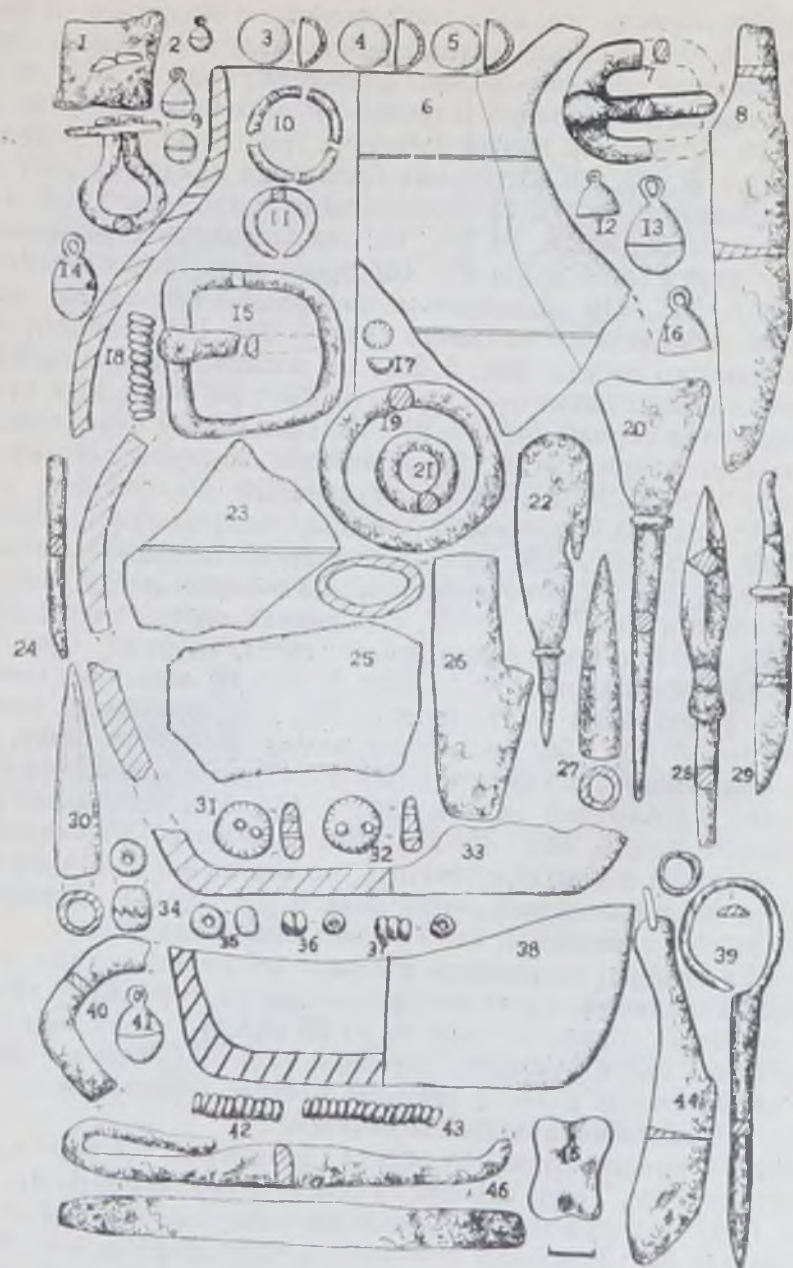

Рис. 5. Инвентарь кельйского склепа № 2:
1, 7—8, 10, 15, 19—22, 24, 26, 28—29, 39, 40, 44, 46 — железо;
2—5, 9, 11—14, 16—18, 41—43 — бронза; 6, 23, 25, 33, 38 — глина;
27, 30, 40 — кость; 31, 32 — кашин; 36—37 — стекло.

хорошего обжига /рис. 6, 5/; 6/ фрагментированная кашинная пуговица с бирюзовой поливой /рис. 6, 6/; 7/ венчик красноглиняного сосуда, вдоль которого выполнен орнамент в виде штампа /рис. 6, 7/. Диаметр горловины — 8, 2 см; 8/ сланцевый оселок со следами отверстия для привешивания /рис. 6, 8/; 9/ железное кольцо /рис. 6, 9/; 10/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда, декорированного двумя поперечными врезанными линиями /рис. 6, 10/; 11/ кашинная пуговица с бирюзовой поливой /рис. 6, 12/; 12/ фрагментированный гончарный сосудик /кружка/ темно-коричневого цвета, неровного обжига /рис. 6, 13/; 13/ фрагмент костяной ручки из рога животного, внешняя поверхность которого орнаментирована циркульным врезанным орнаментом /рис. 6, 14/; 14/ фрагмент уплощенной накладки от лука /?/ /рис. 6, 15/; 15/ костяная пуговица, орнаментированная по поверхности врезанным орнаментом, как и на глиняном пряслице из Майртупа /рис. 6, 16/ /8, с. 56, рис. 2, 2/; 16/ железный нож /рис. 6, 17/; 17/ фрагмент железного кольца /рис. 6, 18/; 18/ бронзовая височная подвеска в виде несомкнутого кольца, концы которого обвиты проволокой /рис. 6, 19/; 19/ бронзовая серьга в виде знака вопроса с заостренным концом, с бронзовой полый бусиной на конце стержня /рис. 6, 20/; 20/ аналогичная бронзовая серьга /рис. 6, 21/; 21/ горловина сосудика светло-серого цвета, диаметром 9 см /рис. 6, 22/; 22/ два железных стержня округлой формы, с заостренным краем /рис. 6, 23—24/; 23/ железный втульчатый наконечник стрелы с граненым /ромбической формы/ острием /рис. 6, 25/; 24/ бронзовое височное кольцо в виде несомкнутого круга, с расплюснутыми концами, в которых пробиты отверстия /рис. 6, 26/; 25/ два фрагмента от железного кольца /рис. 6, 27/; 26/ бронзовая пряжка подпрямоугольной формы /рис. 6, 28/; 27/ доньшко сероглиняного сосуда /рис. 6, 29/; 28/ фрагмент доньшка красноглиняного сосуда /рис. 6, 30/; 29/ фрагмент железного ножа /рис. 6, 31/; 30/ три фрагмента стенок красноглиняных сосудов, орнаментированных врезанными параллельными и волнистыми линиями, а также штампом «елочкой» /рис. 6, 32—34/; четыре бусины: две — стеклянные серого цвета, одна — из темного непрозрачного стекла, орнаментированная врезной ломаной волнистой линией, заключенной между двумя параллельными; бочонковидная светло-серого цвета, со следами бирюзовой поливы /рис. 6, 35, 36, 38, 39/; 32/ железное крепление колчана /рис. 6, 37/; 33/ бронзовая пронизка /накосница/ /рис. 6, 40/.

СКЛЕП № 5². Данное сооружение располагалось на небольшом удалении к юго-западу от склепа № 2. На поверхности склона, как и в предыдущих случаях, возвышался валун перекрытия. Перед ним находилась неглубокая западина, из которой выгляды-

² Склепы № 3, 4 раскапывались С. Н. Савенко и в данной статье не рассматривались.

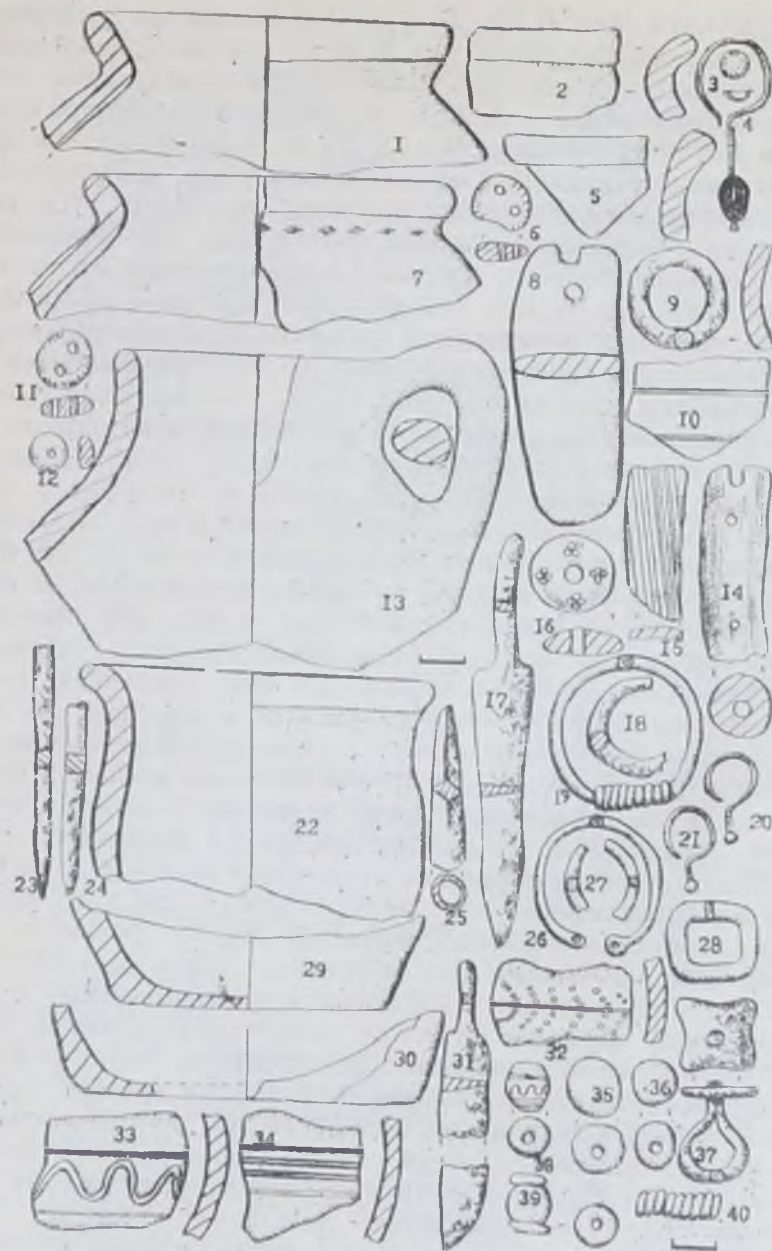

Рис. 6. Инвентарь келийского склепа № 2:
1—2, 5, 7, 10, 13, 22, 29—30, 32—34 — глина; 3—4, 19, 20—21, 26—27,
28, 40 — бронза; 9, 17, 23—24, 31, 37 — железо; 14—16 — кость;
6, 11 — кашни.

вали грубо отесанные крупные камни. После расчистки открылась сложенная из грубо отесанного камня фасадная стена, в центральной части которой на высоте 50 см от дневной поверхности располагался лаз /50×50 см/. Верхняя часть стенки над входным проемом проломлена /рис. 4, д/. К краям фасадной стены примыкали стены «коридора», разрушенные вверх. Внутри склеповая постройка представляла собой камеру вытянуто-прямоугольной формы /размеры — 350×150 см/, длинной осью ориентированную по линии ССВ—ЮЮЗ /рис. 4, з/. Потолком служила неровная бугристая поверхность валуна перекрытия /рис. 4, е, ж/. Стены сложены при помощи связующего известкового раствора. Юго-западная стена сохранилась не полностью: кладка верхней части разрушена, отдельные камни, выпавшие из нее, находились на полу. В средней части этой стены находилась лежанка из сланцевых плит, вмонтированная в стену и опиравшаяся на округлые камни, вставленные в кладку /рис. 4, е/. Северо-восточная стенка до потолка выложена камнями на растворе. Между ними выходят два огромных валуна, находившиеся в материковом котловане. С внутренней стороны склепа валуны подтесаны /рис. 4, ж/. В средней части, как и на северо-западной стене, устроена лежанка из сланцевых плит /рис. 4, ж/. Дно ровное, материковое. Заполнение камеры неоднородно: вдоль северо-западной стены и по центру камеры находятся множество камней, под которыми рыхлый грунт темно-коричневого цвета, содержащий костные останки и погребальный инвентарь. Толщина культурного слоя достигала 25 см. Костные останки погребенных были сосчитаны: целых черепов взрослых погребенных — 8, подростков — 6, бедренных и берцовых костей — 63, костей рук — 56, тазовых — 15. Таким образом, в склепе находились /к моменту расчистки/ останки не менее, чем 15 погребенных.

Находки у северо-восточной стены: 1/ костяная накладка от ручки ножа /?/ /рис. 7, 1/; 2/ два крупных черенковых ножа /рис. 7, 2, 3/; 3/ бронзовый наперсток с отверстием в верхней части /рис. 7, 4/; 4/ железный распределитель /«тройник»/ от узды с фигурными «язычками» /рис. 7, 5/; 5/ бронзовое височное кольцо в виде несомкнутого круга, с расплюснутыми концами и отверстиями в них /рис. 7, 6/; 6/ железный колчаный крюк /рис. 7, 7/; 7/ железная пряжка с язычком /рис. 7, 8/; 8/ фрагмент лезвия железного ножа /?/, конец которого деформирован /рис. 7, 9/; 9/ двурогий железный наконечник стрелы /рис. 7, 10/; 10/ плоский, ромбической формы, наконечник стрелы с обломанным черешком /рис. 7, 11/; 11/ еще два железных черешковых наконечника стрел: плоский с вытянутыми верхними и укороченными нижними боевыми гранями и фрагментированный двурогий /рис. 7, 13, 18/; 12/ фрагмент костяной накладки на лук /?/, с внутренней стороны имевшей продольные линии /рис. 7, 14/; 13/ железный вток дротика /рис. 7, 12/; 14/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда гончарной работы,

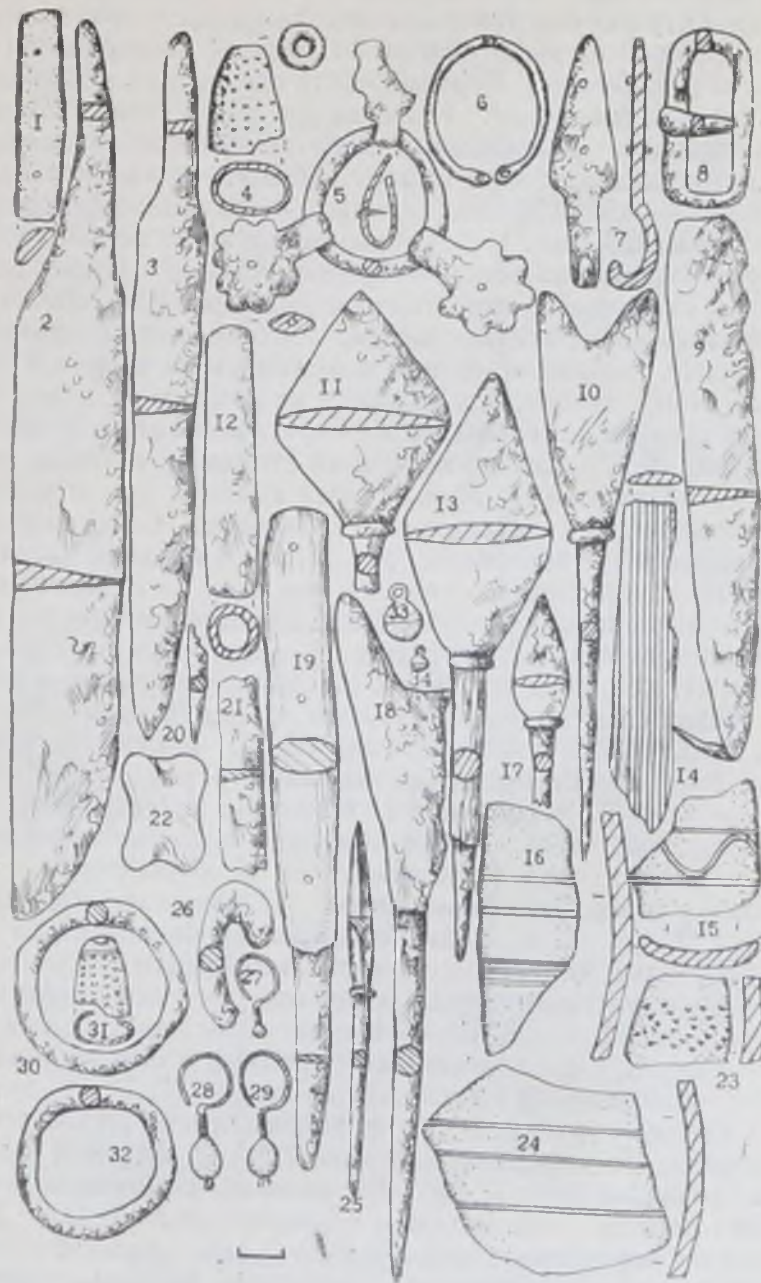

Рис. 7. Инвентарь келийского склепа № 5:
1, 19, 22 — кость; 2—3, 5, 7—13, 17—21, 25—26, 30, 32 — железо;
4, 6, 27—29, 31, 33—34 — бронза; 15—16, 23—24 — глина.

хорошего и ровного обжига. Сосуд декорирован двумя врезанными параллельными линиями и заключенной между ними врезанной волной /рис. 7, 15/.

Находки у северо-западной стены: 1/ фрагмент красноглиняного сосуда гончарной работы, но неровного обжига с декором в виде врезанных параллельных линий /рис. 7, 16/; 2/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 7, 17/; 3/ железный нож с костяной ручкой /рис. 7, 19/; 4/ фрагмент железного предмета /рис. 7, 20/; 5/ фрагмент клинка ножа малых размеров /рис. 7, 21/; 6/ бараний альчик /рис. 7, 22/; 7/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда с орнаментом в виде штампа /рис. 7, 23/.

Находки у юго-восточной стены: 1/ фрагмент сероглиняного сосуда /рис. 7, 24/; 2/ железный граненый /«броневой»/ наконечник стрелы /рис. 7, 25/; 3/ фрагмент железного предмета округлой в сечении формы /рис. 7, 26/; 4/ бронзовая серьга в виде знака вопроса с заостренным концом и мелкой литой бронзовой бусинкой /рис. 7, 27/; 5/ две бронзовые серьги в виде знака вопроса с заостренными концами и напускными стеклянными бусинами серого цвета /рис. 7, 28—29/; 6/ железное кольцо округлой формы в сечении /рис. 7, 30/; 7/ деформированный бронзовый наперсток с отверстием в верхней части /рис. 7, 31/; 8/ железное кольцо округлой в сечении формы /рис. 7, 32/; 9/ две железные пряжки /рис. 8, 1, 11/; 10/ венчик деревянного сосуда с выступом от ручки уплощенно-овальной формы /рис. 8, 2/; 11/ железный предмет с двумя заклепками /рис. 8, 3/; 12/ два фрагмента клинка ножа /рис. 8, 4, 10/; 13/ ножка от деревянного бокала /?/ /рис. 8, 5/; 14/ фрагмент железной пряжки /рис. 8, 6/; 15/ железный черешковый граненый наконечник стрелы /рис. 8, 7/.

Находки в центральной части склепа: 1/ железный граненый черешковый наконечник стрелы /рис. 8, 8/; 2/ фрагмент деревянно-го древка стрелы с ушком для тетивы /рис. 8, 9/; 3/ железный черенковый нож /рис. 8, 12/; 4/ железный нож с упором на черенке и фрагмент другого /рис. 8, 13, 14/; 5/ плоский железный черешковый наконечник стрелы /рис. 8, 15/; 6/ железный черенковый нож /рис. 8, 16/; 7/ еще один черенковый нож /рис. 8, 17/; 8/ железный черешковый граненый наконечник стрелы /рис. 8, 19/; 10/ фрагмент красноглиняного сосуда неровного обжига /рис. 8, 20/; 11/ четыре фрагмента от лука /рис. 8, 21, 22, 29, 37/; 12/ две бронзовые полусферические бляшки /рис. 8, 23—24/; 13/ железная пряжка вытянуто-подпрямоугольной формы /рис. 8, 25/; 14/ два бронзовых височных кольца /рис. 8, 26, 32/; 15/ фрагмент клинка железного ножа /рис. 8, 27/; 16/ железный нож /рис. 8, 28/; 17/ бронзовая полусферическая бляшка /рис. 8, 30/; 18/ бронзовый литой бубенчик малых размеров /рис. 8, 31/; 19/ два железных черенковых ножа /рис. 8, 33, 34/; 20/ фрагмент железного предмета овальной формы в сечении /рис. 8, 35/; 21/ фрагмент другого

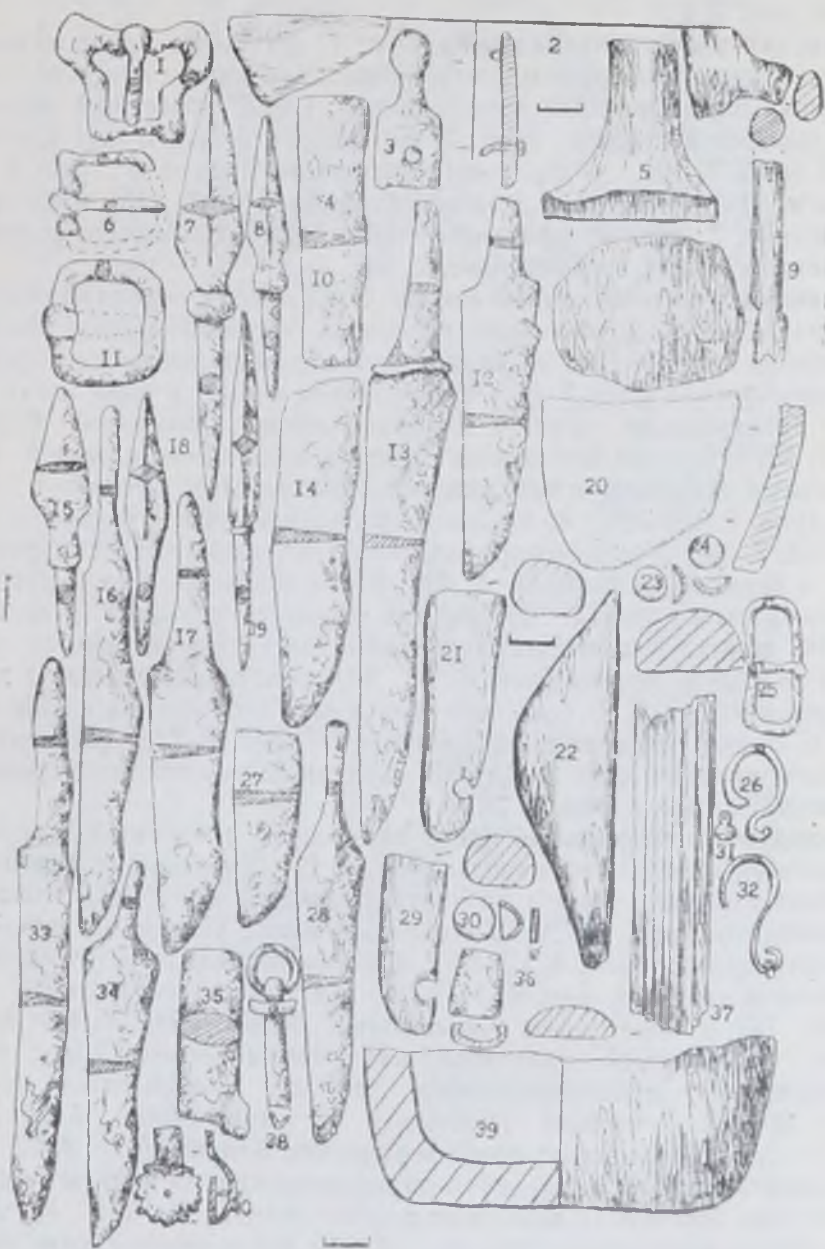

Рис. 8. Погребальный инвентарь келийского склепа № 5:
1, 3—4, 6—19, 25—28, 33—36, 38, 40 — железо; 2, 5, 9, 21—22, 37,
39 — дерево; 20 — глина; 23—24, 26, 30, 31—32 — бронза.

железного предмета полусферической формы /рис. 8, 36/; 22/ фрагмент железного крепления ножен с железным кольцом в верхней части для подвешивания /рис. 8, 38/; 23/ доньшко от деревянного сосуда четырехугольной формы. Размеры дна: $4,8 \times 8,0 \times 4,8 \times 8,0$ см. Толщина стенок — 1,3 см /рис. 8, 39/; 24/ фрагмент «язычка» от распределителя узды, язычок фигурный, с заклепкой в центральной части /рис. 8, 40/.

СКЛЕП № 6. Располагается рядом со склепом № 5, а в 3,5 м к юго-западу от него. И это сооружение на дневной поверхности было отмечено лишь возвышающимся над ним валуном и западиной ниже него. Расчистка фасадной стены склепа выявила уже известную конструкцию: входной проем в центральной части на высоте до 50 см от дневной поверхности, укрепительные стенки по бокам фасада, соединенные с ним, небольшая площадка перед фасадной частью, уголки перед входом. Не отличается и схема сооружения самого склепа. Внутреннее пространство вытянуто-подпрямоугольной формы с закругленными углами, стены выложены из грубо отесанного камня при помощи связующего известкового раствора /рис. 9, г/. Лежанки вдоль стен отсутствуют, ниш нет. Дно склепа материковое, ровное, потолок монолитный, незначительно возвышающийся к северо-западной части /рис. 9, г/. Внутри все пространство завалено крупными камнями, под которыми, как и в предыдущем склепе, отмечено заполнение /достигающее 25—30 см толщины/. Костные останки представлены 10 целыми и фрагментированными черепами, 15 костями тазобедренного сустава, 23 бедренными, 20 костями голени, 13 костями рук, 15 ключицами и обилием целых и фрагментированных костей грудной клетки, фалангами пальцев и пр.

Находки у северо-восточной стены: 1/ красноглиняный сосуд высотой 14 см, диаметром горловины — 9 см, дна — 9 см. Вдоль горловины орнаментирован штампом, по тулову — врезанными параллельными линиями. Он стоял на поверхности заполнения /рис. 10/; 2/ бронзовая серьга в виде знака вопроса с заостренным концом и напускной бусиной из синего стекла /рис. 10, 2/; 3/ такая же серьга, но более мелких размеров /рис. 10, 3/; 4/ двойная бусина из синего стекла /рис. 10, 4/; 5/ бронзовая пронизка /рис. 10, 6/; 6/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 10, 6/; 7/ фрагмент стенки стеклянного сосуда светло-зеленого цвета /рис. 10, 8/; 8/ железная пряжка /рис. 10, 8/; 9/ железная пряжка округлой формы без «язычка» /рис. 10, 9/; 10/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда, орнаментированного тонкой врезанной волной /рис. 10, 10/; 11/ стеклянная бусина серого цвета /рис. 10, 11/; 12/ крупный черенковый железный нож с вогнутой рабочей частью /рис. 10, 12/; 13/ железный нож с костяной ручкой. В центральной части ручки врезанная окружность с точкой /рис. 10, 13/; 14/ два фрагмента от железного кольца /рис. 10, 14—15/; 15/ железные шипчики /рис. 10,

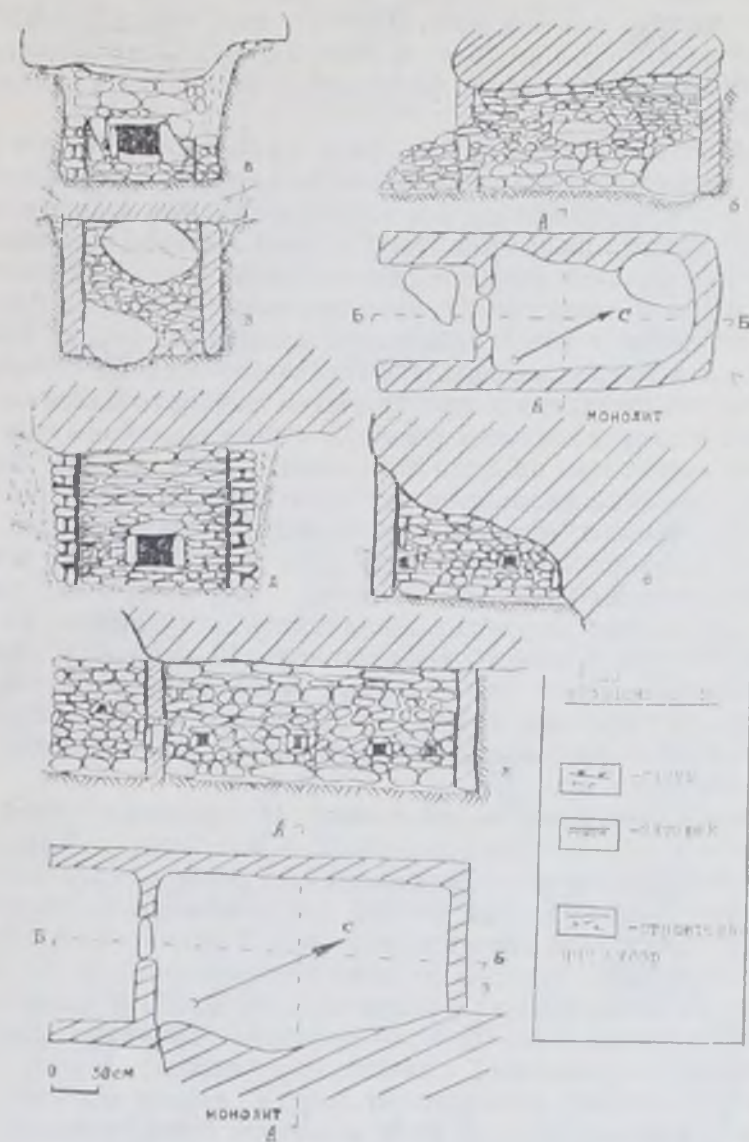

Рис. 9. Келийские склепы № 6 и № 9:

а) фасад склепа № 6; б) разрез склепа по линии Б—Б; в) разрез склепа № 6 по линии А—А; д) фасад склепа № 9; е) разрез склепа № 9 по линии А—А; ж) разрез склепа по линии Б—Б; з) план склепа № 9.

16/; 16/ костяная пуговица /рис. 10, 17/; 17/ три фрагмента от железного кольца /рис. 10, 18, 19/; 18/ фрагментированный железный стержень округлой формы в сечении /рис. 10, 20/; 19/ бронзовый литой бубенчик /рис. 10, 21/; 20/ бронзовая серьга или подвеска в виде знака вопроса /рис. 10, 22/. Стержень обвит проволокой, а на конце — полая бронзовая бусина с коническими выступами /рис. 10, 22/; 21/ бронзовая серьга в виде знака вопроса, напускная бусина не сохранилась /рассыпалась/. На стержне — остатки от жемчужной бусины /рис. 10, 23/; 22/ фрагментированная серьга в виде знака вопроса с бронзовой полый бусиной на конце /рис. 10, 24/. Бусина неподвижная; 23/ два бронзовых полых бубенчика /рис. 10, 25—26/; 24/ фрагмент черена сабли /?/ с тремя заклепками /рис. 10, 27/; 25/ нижняя часть серьги в виде знака вопроса с бронзовой полый бусиной /рис. 10, 28/; 26/ маленький литой бронзовый бубенчик /рис. 10, 29/; 27/ бусина из темного непрозрачного стекла с врезанным орнаментом /рис. 10, 30/; 28/ бронзовый наперсток с отверстием в верхней части /рис. 10, 31/; 29/ фрагмент железной полый трубки /рис. 10, 32/; 30/ маленькая бусинка из синего стекла /рис. 10, 33/; 31/ кашинная пуговица с бирюзовой поливой /рис. 10, 34/; 32/ бронзовый наперсток с отверстием в верхней части. Наперсток изготовлен из пластинки, свернутой в трубку /рис. 10, 35/; 33/ две стеклянные бусины зеленого и синего цвета /рис. 10, 36, 37/; 34/ бронзовое височное кольцо в виде несомкнутого круга с заостренными концами /рис. 10, 38/; 35/ бронзовая полая бусина с прорезью в нижней части /рис. 10, 39/; 36/ фрагмент бронзовой деформированной проволоки /рис. 10, 40/; 37/ бронзовая полусферическая бляшка с отверстием в центральной части /рис. 10, 41/; 38/ фрагмент железных ножниц /?/ для стрижки овец /рис. 10, 42/; 39/ фрагмент железной бритвы /?/ /рис. 10, 44/; 40/ фрагмент железного стержня /рис. 10, 43/; 41/ фрагмент кашинной поливной пуговицы. Полива темно-синего цвета /рис. 10, 45/; 42/ бронзовая серьга в виде знака вопроса со стеклянной бусиной серого цвета /рис. 10, 46/.

Находки у северо-западной стены: 1/ красноглиняный сосуд, стоявший поверх заполнения склепа /рис. 11, 1/. Высота сосуда — 12 см, диаметр горловины — 7 см, дна — 9 см. Ручка — уплощенно-овальной формы, на 1 см возвышается над венчиком; 2/ железный черешковый наконечник стрелы с плоским пером /рис. 11, 2/; 3/ костяной втульчатый наконечник стрелы /рис. 11, 3/; 4/ железная пряжка с подвижным язычком /рис. 11, 4/; 5/ железное кольцо /рис. 11, 5/; 6/ бронзовый литой бубенчик /рис. 11, 6/; 7/ железная пряжка /рис. 11, 7/; 8/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 11, 8/; 9/ бронзовая игла /?/ /рис. 11, 9/; 10/ два железных черешковых наконечника стрел /рис. 11, 10—11/; 11/ бронзовая накладка на деревянный венчик сосуда /рис. 11, 12/; 12/ бронзовая полусферическая бляшка с отверстием в центре /рис. 11, 13/; 13/ бронзовая маленькая полусферическая бляшка, орнаментиро-

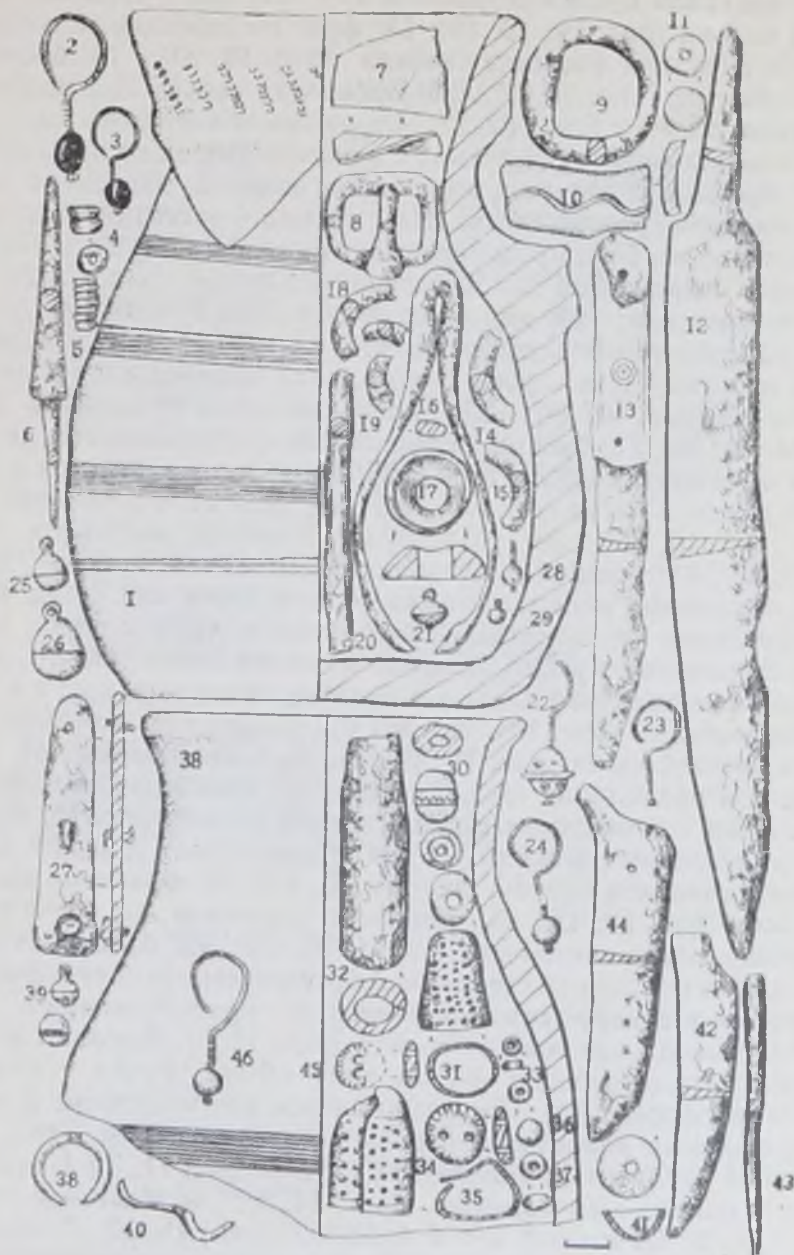

Рис. 10. Инвентарь кельйского склепа № 6:
1, 38 — глина; 2—3, 5, 21—26, 28—29, 31, 34, 38—40, 41 — бронза;
4, 7, 33 — стекло; 13, 17 — кость; 6, 8—9, 12, 14—16, 19—20, 27, 32, 42—43,
44 — железо; 34, 45 — кашин.

ванная по краю насечками /рис. 11, 14/; 14/ бусина коричневого цвета с врезанным орнаментом /рис. 11, 15/; 15/ бронзовая пронизка /рис. 11, 16/; 16/ фрагмент железного черенкового ножа /рис. 11, 17/; 17/ железное кольцо /рис. 11, 18/; 18/ железные ножницы для стрижки овец /рис. 11, 19/; 19/ фрагментированный сосудик черного цвета. С внешней стороны закопчен. Орнаментирован штампом в верхней части и врезанными линиями по тулову /рис. 11, 20/; 20/ фрагмент бронзовой проволоки с расплюснутым концом, в котором пробито отверстие /рис. 11, 21/; 21/ бронзовая пронизка /рис. 11, 22/; 22/ бронзовая пронизка /рис. 11, 23/; 23/ два бронзовых височных кольца малых размеров в виде несомкнутого круга с заостренными концами /рис. 11, 24—25/; 24/ две железные пряжки /рис. 11, 26—27/.

Находки у юго-восточной стены: 1/ железное кресало /рис. 11, 28/; 2/ фрагмент венчика красноглиняного сосуда /рис. 11, 29/; 3/ костяная пуговица с отверстием в центральной части /рис. 11, 30/; 4/ глазчатая бусина /рис. 11, 31/; 5/ две парные стеклянные бусины синего цвета /рис. 11, 32/; 6/ бронзовое височное кольцо с расплюснутыми концами /рис. 11, 33/; 7/ бронзовое височное кольцо /рис. 11, 34/; 8/ бронзовое височное кольцо в виде несомкнутого круга, концы которого обвиты проволокой /рис. 11, 35/; 9/ два железных кольца /рис. 11, 36—37/; 10/ железная пряжка /рис. 11, 38/; 11/ фрагмент деревянного древка стрелы /рис. 11, 39/; 12/ фрагмент лука /рис. 11, 40/; 13/ бочонковидная бусина из светло-серой массы, покрытая синей поливой /рис. 11, 41/; 14/ фрагмент лука /рис. 11, 42/; 15/ бронзовая серьга в виде знака вопроса с напускной жемчужной бусиной, острие конца отогнуто, как у «степных» экземпляров /рис. 11, 43/; 16/ железный наконечник стрелы /рис. 11, 44/; 17/ железный нож /рис. 12, 1/; 18/ железный нож с вогнутой и сильно сработанной рабочей частью /рис. 12, 2/; 19/ фрагмент железной пластины с подвижным кольцом в средней части /рис. 12, 3/.

Находки в центральной части погребальной камеры: 1/ железное окончание ножен /ножа — ?/ /рис. 12, 4/; 2/ фрагмент железной бритвы /?/ с подвижным кольцом для подвешивания /рис. 12, 5/; 3/ фрагмент железных ножниц для стрижки овец /рис. 12, 7/; 4/ фрагмент кольчужной сетки /рис. 12, 9/. Кольца склепаны «на гвоздь». Однако они довольно маленьких размеров /диаметр — 0,7 см/; 5/ 13 железных вогнутых пластин, большинство которых собралось в нижнюю часть наруча с железной пряжкой для застежки /рис. 12, 6, 8, 10/; 6/ три железные пряжки, аналогичные пряжке на фрагменте от наруча /рис. 12, 11/; 7/ железный черенковый нож с косо установленным упором /рис. 12, 12/; 8/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 12, 13/; 9/ фрагмент ручки красноглиняного сосуда уплощенно-овальной формы /рис. 12, 14/; 10/ ручка красноглиняного сосуда уплощенно-овальной формы в сечении /рис. 12, 15/; 11/ фрагмент железного кольца /рис. 12, 16/;

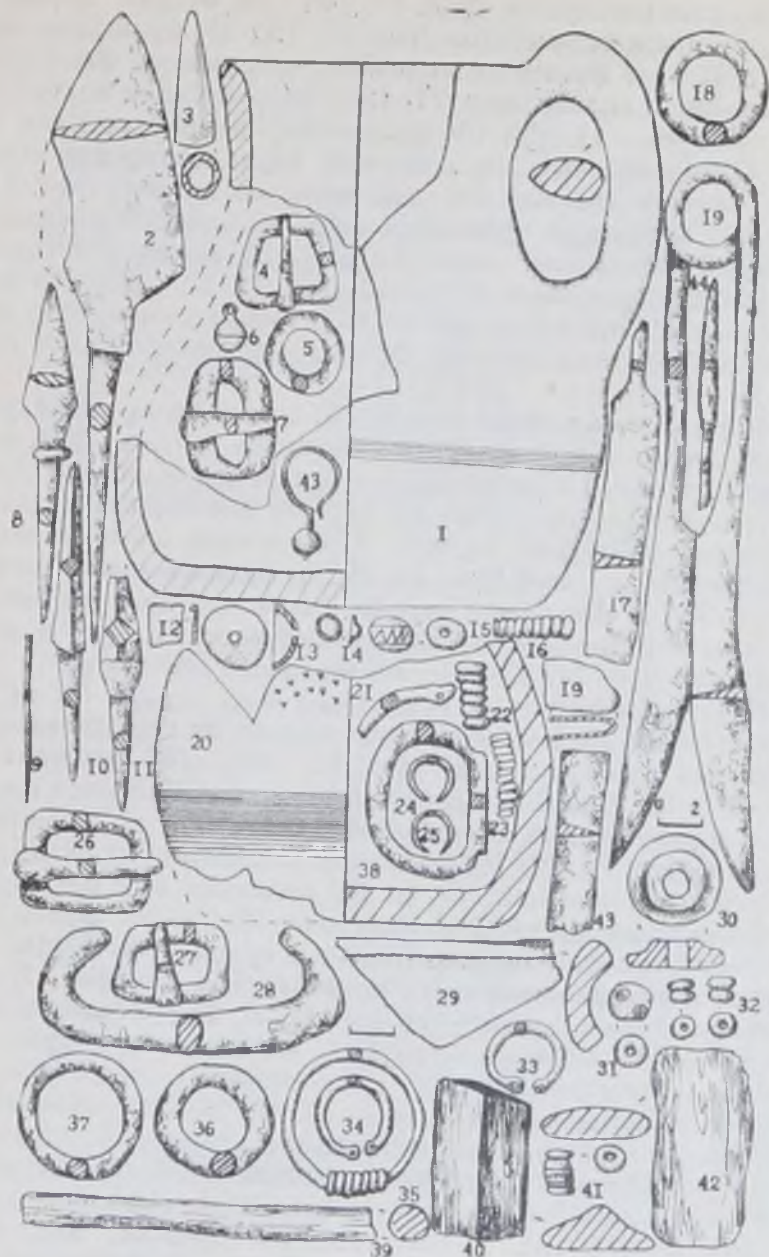

Рис. 11. Инвентарь келийского склепа № 6:
1, 20, 29 — глина; 2, 4—5, 7—8, 10—11, 17—19, 26—28, 36—37,
43—44 — железо; 3, 30 — кость; 6, 12—14, 15—16, 21—25, 33—35 — бронза;
40, 42 — дерево; 32 — стекло.

12/ кашинная пуговица, покрытая голубой поливой /рис. 12, 17/; 13/ бронзовый литой бубенчик /рис. 12, 18/; 14/ железный предмет /рис. 12, 19/; 15/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 12, 20/; 16/ два бронзовых полых бубенчика /рис. 12, 21—22/; 17/ фрагмент железного кольца /рис. 12, 23/; 18/ бронзовые бубенчики: два полых и один литой /рис. 12, 24—26/; 19/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 12, 27/; 20/ три фрагмента древков стрел /рис. 12, 28, 30, 34/; 21/ железный черешковый наконечник стрелы /рис. 12, 29/; 22/ костяная пуговица с отверстием в центре. Внешняя ее поверхность орнаментирована крестообразно расположенными четырьмя concentрическими окружностями /рис. 12, 31/; 23/ две бронзовые пронизки /рис. 12, 32—33/.

СКЛЕП № 9. Данное сооружение расположено в 300 м северо-западнее вышеописанных склепов, в боковом ущелье, у самой древней дороги, спускающейся здесь к роднику. На месте фасадной части склепа виднелись лишь два верхних ряда кладки и монолитная глыба перекрытия. После расчистки прилегающей части склеповой постройки открылся фасад, по краям которого отходили опорные стенки /длиной более 1 м и высотой до 1,75 м/. Лаз размерами 50×50 см ведет в погребальную камеру, потолок и юго-восточная стена которой состоят из скальной породы валуна, под которым устроен сам склеп. Реконструируя процесс его сооружения можно отметить, что первоначально была вырыта пещера — котлован под монолитом, к которому пристроены северо-западная и северо-восточная стены и фасад. Дно ровное, материковое, а потолок неровный, резко понижается к юго-востоку /рис. 9, е, ж, з/ в северо-восточной стене, на уровне 76 см от пола, устроены две ниши подпрямоугольной формы /20×25 см/. Аналогичные четыре ниши устроены и в северо-западной стене. Внутреннее пространство склепа содержало заполнение темно-коричневого цвета, мощность которого была неодинаковой: в юго-западной части — до 30 см, в центральной и северо-восточной частях — до 15 см. В северном углу находилось три черепа, пять костей голени и три бедренные, кости грудной клетки и фаланги пальцев. Склеп, по-видимому, был ограблен еще в древности. Все находки располагались в центральной части погребальной камеры в придонном пятисантиметровом слое грунта: 1/ доньшко красноглиняного сосуда диаметром 4 см /рис. 13, 1/; 2/ железный нож орнаментированной костяной ручкой /рис. 13, 2/. Орнамент в виде врезанных concentрических окружностей, заключенных в ромбики из врезанных параллельных линий; 3/ железный черенковый нож /рис. 13, 3/; 4/ еще два черенковых железных ножа /рис. 13, 4—5/; 5/ железный вток от дротика /?/ со сломанным пером /рис. 13, 6/; 6/ железный черенковый нож /рис. 13, 7/; 7/ железное кольцо округлой в сечении формы /рис. 13, 8/; 8/ два железных черешковых наконечника стрел /рис. 13, 8/; 9/ железное кольцо округлой в сечении формы /рис. 13, 11/; 10/ желез-

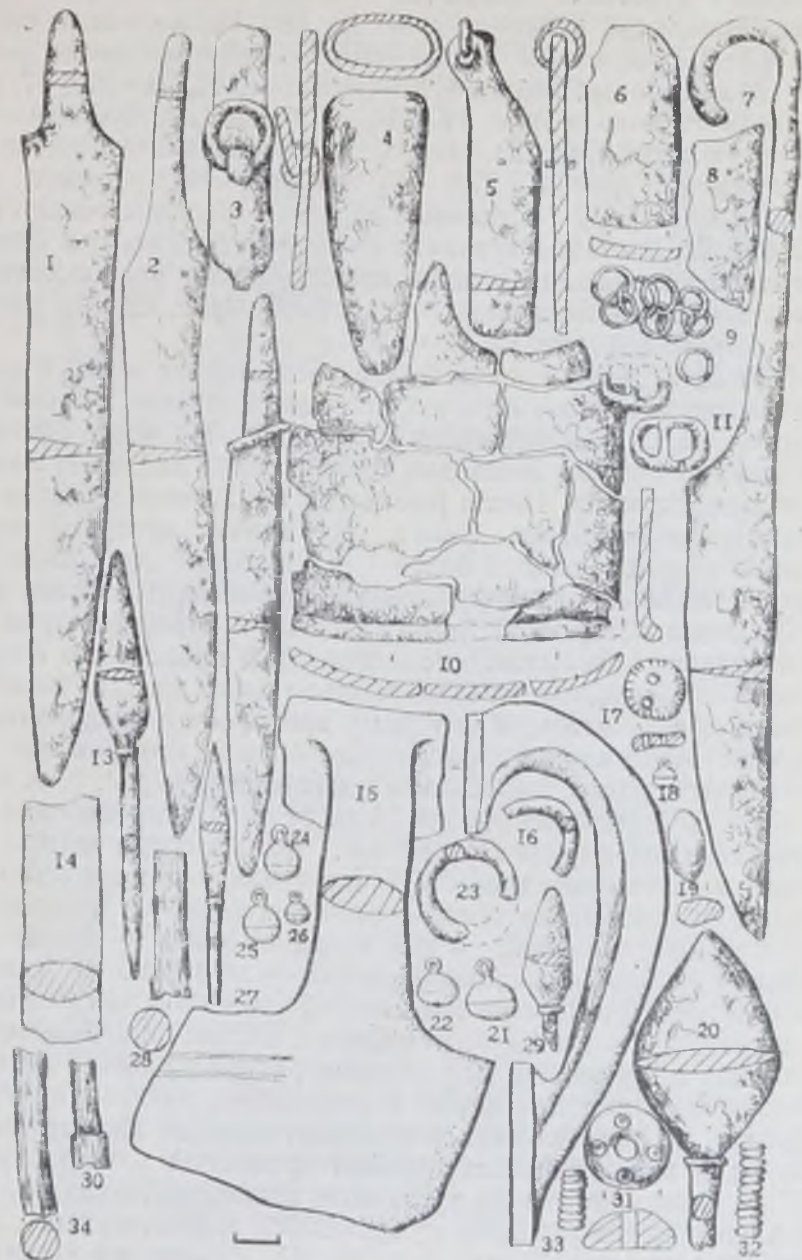

Рис. 12. Инвентарь келийского склепа № 6:
1—13, 16, 19, 20, 23, 29 — железо; 14—15 — глина; 17 — каша; 21—22,
24—26, 32—33 — бронза; 28, 30, 34 — дерево; 31 — кость.

ная пряжка /рис. 13, 12/; 11/ бронзовый бубенчик /рис. 13, 13/;
12/ бронзовая серьга в виде знака вопроса с полкой напускной
бронзовой бусиной /рис. 13, 14/; 13/ стеклянная вставка вы-
тянуто-треугольной формы, лилового цвета с темным «глаз-
ком» коричневого цвета в центральной части /рис. 13, 15/; 14/ брон-
зовый литой бубенчик /рис. 13, 16/; 15/ два бараньих алычка
/рис. 13, 17—18/; 16/ костяной втульчатый наконечник стрелы пу-
левидной формы /рис. 13, 19/; 17/ железная пряжка подпрямоуголь-
ной формы с заоваленными углами /рис. 13, 20/; 18/ три втульчатых
наконечника стрелы: железный с острием ромбической формы в
сечении /рис. 13, 21/ и два костяных /рис. 13, 22, 24/; 19/ бронзовый
бубенчик с выступающим боковым вертикальным ребром, орнамен-
тированным штампованным орнаментом /рис. 13, 23/; 20/ бронзо-
вый наперсток с отверстием в верхней части, свернутый из листо-
вой бронзовой пластины /рис. 13, 25/; 21/ бочонковидная бусина
из глины серого цвета, поверхность которой покрыта бирюзовой по-
ливой с слаборельефными округлыми /глазками/ коричневого цве-
та /рис. 13, 26/; 22/ фрагмент железного предмета /рис. 13, 27/;
23/ железное кресало /рис. 13, 28/; 24/ бусина серого цвета, покры-
тая поливой голубого цвета /рис. 13, 29/; 25/ бронзовая пронизка
/рис. 13, 30/; 26/ бронзовый бубенчик /рис. 13, 31/; 27/ стеклянная
«тройная» бусина темно-синего цвета /рис. 13, 32/; 28/ три желе-
зных колечка кольчужной сетки, склепанных «на гвоздь», но очень
маленьких размеров /рис. 13, 33/. Диаметр кольца — до 0,5 см;
29/ две пуговицы из теста серого цвета, покрытые голубой поливой
/рис. 13, 34, 36/; 30/ бронзовая пронизка /рис. 13, 35/; 31/ бронзо-
вый полый бубенчик /рис. 13, 37/; 32/ фрагмент ручки красноглиня-
ного сосуда уплощенно-овальной формы в сечении /рис. 13, 38/;
33/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда, орнаментированного
врезанными параллельными линиями, между которыми заключена
мелкая «волна» /рис. 13, 39/; 34/ пять железных разнотипных на-
конечников стрел: плоский черешковый, редкий «полулунный», че-
решковый граненый, втульчатый, с граненым острием, черешковый
с округлой в сечении боевой частью /рис. 13, 40, 41, 43, 44, 54/;
35/ костяная орнаментированная ручка /рис. 13, 42/. Орнамент в
виде врезанных концентрических окружностей с точкой в центре.
Поверх полосы окружностей и под ними — по две параллельные
врезанные линии; 36/ два железных кольца /рис. 13, 45—46/;
37/ фрагмент стенки красноглиняного сосуда, орнаментированного
«елочным» штампом, заключенным в рамку из врезанных линий
/рис. 13, 47/; 38/ железное шило или пробойник квадратной формы
в сечении, с обломанным черешком для насадки /рис. 13, 48/;
39/ фрагмент деревянного древка стрелы /рис. 13, 49—50/;
40/ фрагмент костяной накладки от лука /?/ /рис. 13, 51/; 41/ два
бронзовых бубенчика /рис. 13, 52—53/.

Таков материал из расчищенных склепов Келийского могиль-

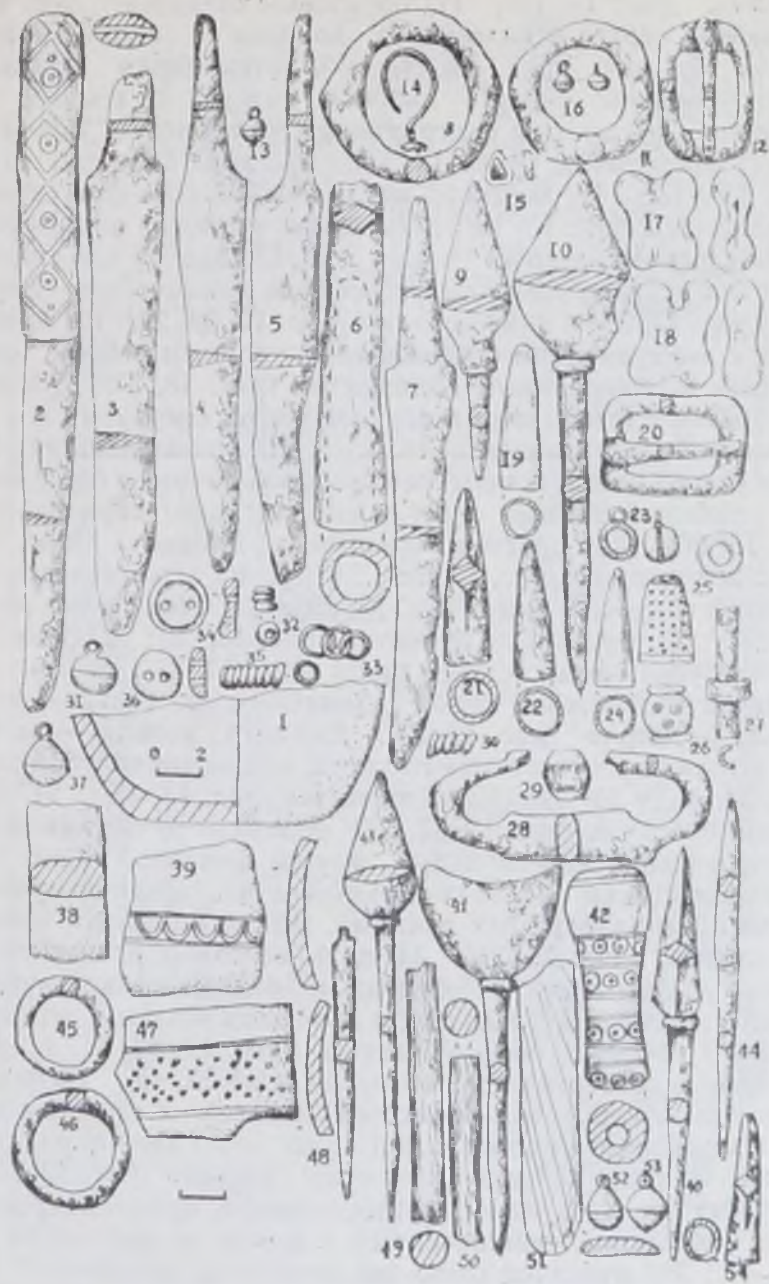

Рис. 13. Инвентарь келийского склепа № 9:
1, 38—39, 47 — глина; 2—12, 20, 21, 27, 28, 40—41, 43—44, 45—46, 48,
54 — железо; 13, 14, 16, 23, 35, 31, 37, 52—53 — бронза; 2, 17—18,
42 — кость; 15 — стекло; 49—50 — дерево.

ника. Перемешанные заполнения погребальных камер свидетельствуют об ограбленности этих памятников еще в древности. Но, тем не менее, сохранившийся инвентарь, вместе с исследованными конструкциями, является новым источником в изучении материальной культуры средневековой Ингушетии. Большинство публикуемых предметов быта, украшений, вооружения находят многочисленные аналоги в уже известных древностях горной зоны Чечено-Ингушетии золотоордынского времени. Вместе с тем, некоторые категории находок или выявлены вновь, или существенно увеличились количественно: в склепах обнаружены костяные пуговицы, хорошо знакомые по памятникам плоскостной зоны XII—XIV веков; значительно обогатилась коллекция серег в виде знака вопроса, среди которых выделяются явно «степные» экземпляры /16/; выросла и коллекция наконечников стрел XIII—XIV вв. и пр. Эти предметы не противоречат и предложенной датировке Келийского могильника в рамках XIII—XIV вв., опирающейся главным образом на монетные находки /5, с. 55—56; 6, с. 136—139; 7, с. 44—46/. Необходимо отметить также и фрагмент керамики с древнегрузинской надписью, выполненной шрифтом «асомтаври» из склепа № 1, пополняющей сводку аналогичных предметов XIII—XV вв. из Чечено-Ингушетии /10, с. 138—141/. Особый интерес вызывают фрагменты редко встречаемого железного наруча из склепа № 6. Подтверждением этому может служить факт фиксации подобных предметов лишь на территории Южной Руси, а также в погребении «монгола» на Херсонщине и в Чечено-Ингушетии /11, с. 356, табл. 142, 4; 12, с. 196; 13, с. 74—78/. Эта находка довольно хорошо «вписывается» в рамки XIV века, что может служить одной из хронологических опор для датировки могильника в целом /12, с. 196; 14/.

Келийские склепы конструктивно почти не отличаются от полуподземных, хотя последние, как правило, имеют перекрытие в виде ложного свода. Здесь же мы имеем дело с сооружениями, которые специально возводились под крупными валунами-монолитами. Внутренний интерьер келийских склепов также своеобразен, хотя преобладает подпрямоугольная /или близкая к ней/ форма погребальной камеры: те же самые полки-лежанки вдоль стен или вариант последних в виде лежанки из грубо отесанных валунов. Наличие ниш в стенах, специальное оформление фасадной части и лазов конструктивно сближают келийские склепы с шуанскими /17/. Боковая камера в склепе № 2 находит близкую аналогию со склепами того же Шуанского могильника, где в небольшой камере с остатками одного детского захоронения находился обильный погребальный инвентарь, вероятно, принадлежавший нескольким погребениям /9/. Похожую пристройку имел и склеп № 55 /17/.

Судить о погребальном обряде келийских склепов, также как и ранее опубликованных памятников горной Чечено-Ингушетии, ввиду отсутствия неповрежденных захоронений, разграбленности,

весьма трудно. Если исходить из расположения полок, то, вероятно, ориентировки погребенных в келийских склепах были различны. В качестве допустимых вариантов можно отметить направления, связанные с размещением сохранившихся полок вдоль СВ и ЮВ стенок склепов. Каким образом укладывались погребенные относительно лазов, установить не удалось. Следует также учесть возможность расположения погребенных на полу склепов, поперек длинной оси камеры, в деревянных конструкциях, следы от которых /главным образом, остатки досок различной ширины/ отмечены в нескольких других склеповых постройках Келийского могильника.

Сегодня четко обозначилась необходимость целенаправленного анализа основных форм материальной культуры горной зоны края XIII—XV вв., выявление в них традиционных типов и инноваций, специального изучения генезиса ряда категорий погребального инвентаря, происхождение которых ныне представляется неясным или спорным. Среди последних можно обозначить связанные своим происхождением с аланским и кочевническими мирами предметы, которые прочно вошли в быт горцев, со временем превратившись в традиционные предметы обихода.

Кроме того, келийские склепы обозначили и другой важный аспект. До сих пор для горной территории Чечено-Ингушетии золотоордынского времени было известно несколько типов погребальных сооружений — это каменные ящики, грунтовые захоронения, подземные и полуподземные склепы, пещерные могильники /5; 6; 15, с. 141—147/. Своеобразие келийских склепов на этом фоне закономерно ставит проблему осмысления подобной ситуации, которая должна стать предметом специального исследования, объясняющего бы причины этого многообразия.

В целом, публикуемые материалы не только открывают новые возможности в изучении склеповой архитектуры горной Чечено-Ингушетии, выработке более подробной хронологической классификации погребальных сооружений, но и совершенно определенно ставят вопрос о необходимости пересмотра сложившихся представлений об истории материальной культуры горцев в XIII—XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Л. П. Археологические и этнографические раскопки в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963.
2. Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии //Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
3. Мужухоев М. Б. Предметы традиционной материальной культуры из средневекового Келийского /Келийского/ могильника в горной Ингушетии //Традиционная материальная культура народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
4. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII—XVII вв. Грозный, 1977.

5. Нарожный Е. И. Келийский могильник XIII—XV вв. — выдающийся памятник средневековой вайнахской культуры //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. Грозный, 1989.

6. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хозяйственных работ археологической лаборатории университета //Толстовские чтения. Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1988 г. Грозный, 1989.

7. Виноградов В. Б., Нарожный Е. И. Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII—XIV вв. //Научная конференция по археологии Кавказа. /В свете археологических данных/. Тезисы докладов. Тбилиси, 1988.

8. Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей сел. Майртуп //Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

9. Чаккиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Детское погребение золотоордынского времени из горной Ингушетии //Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

10. Даутова Р. А. Некоторые археологические факты из истории вайнахско-грузинских связей в эпоху средневековья //Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношения между горными и равнинными регионами. Аннотации. Тбилиси, 1984.

11. Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение. //Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

12. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех /XI — первая половина XIV вв./ //Археология, этнография, антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

13. Чаккиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов //Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.

14. Gorelik M. Oriental Armour of the Near and Middle East from the eight to the fifteenth centuries as shown in works of art //Islamic Arms and Armour. London, 1979.

15. Мамаев Х. М., Л. П. Семенов и проблемы интерпретации каменных ящиков Джерахского ущелья //Научное наследие Л. П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

16. Нарожный Е. И., Подгорный М. П. Серьги в виде знака вопроса из раскопок Келийского могильника //Студенческие археологические открытия 1987—1988 гг. /Тезисы докладов и сообщений зональной выставки студенческих и аспирантских работ/. Грозный, 1989.

17. Даутова Р. А., Мамаев Х. М., Нарожный Е. И., Чаккиев Д. Ю. Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии /по результатам раскопок Шуанского могильника/ //Традиционная материальная культура народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

НЕКОТОРЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КПЖД В ГОРНОЙ ИНГУШЕТИИ

В последние годы изыскательская работа автора была направлена на выявление, учет, картографирование и разносторонний научный анализ многочисленных разнотипных жилищно-оборонительных, погребальных и культовых памятников прошлого высокогорной Ингушетии /Назрановский р-он/, где планировались, а затем развернулись широкомасштабные дорожно-строительные мероприятия по прокладке Кавказской перевальной железной дороги. В результате изысканий, проведенных с широким сбором материалов и привлечением фольклорных и лингвистических источников, сегодня впервые в научной практике удалось дать достаточно полную и точную количественную, качественную и типологическую характеристику местным древностям. Особо пристальное внимание было уделено весьма обильным /часто — уникальным/ средневековым археолого-архитектурным памятникам, сосредоточенным более чем в 100 местных башенных поселках. Так, в последних удалось зафиксировать в разной степени сохранности 136 боевых /в том числе со ступенчато-пирамидальным венчанием вайнахского типа — 56/, 29 полубоевых, 745 жилых башенных сооружений с разнообразными хозяйственными пристройками, 140 так называемых циклопических построек, 9 скальных убежищ, 20 отдельных каменных заградительных стен, 1160 склеповых усыпальниц /из которых наземных — 345, а остальные — подземные и полуподземные/, 35 мавзолеев, 130 святилищ и храмов. Кроме того, удалось обнаружить и подвергнуть первичному обследованию ряд других новых немаловажных объектов позднего средневековья горной Ингушетии, не подвергавшихся еще научному осмыслению: более 50 штолен — карьеров по добыче строительного и поделочного камня, кремня, места по добыче серы, селитры, охры, извести, глины и различных руд, а также благоустроенные торгово-транспортные магистрали, родники и хранилища припасов. Всего же в зоне строительства КПЖД автором открыто более 200 новых важных и разнообразных памятников истории и культуры ингушского народа /см. об этом подробнее, например: 1—9/.

Наряду с вышеотмеченными изыскательскими мероприятиями велась также кропотливая работа по сбору у населения случайных археологических находок и коллекций предметов из разрушающихся /как ранее известных, так и впервые отмеченных/ местных памятников. Несомненно, эти находки приобретают важную значимость в освещении многих еще слабо изученных вопросов материальной и духовной культуры местных жителей и их соседей, в частности, в средневековый период истории.

Ниже вводится в научный оборот только сравнительно небольшая часть выявленных памятников и собранных вещевых находок периода позднего средневековья /XIII—XVIII вв./ из высокогорной зоны Ингушетии.

Джейраховское ущелье

Харпинский наземный склеп. Жителями сел. Джейрах Ю. Льяновым и А. Цуровым были сохранены отдельные археологические предметы, найденные из полуразрушенной наземной башнеобразной /с зубцами/ коллективной склеповой усыпальницы замкового комплекса Дударовых близ башенного поселка Харпе /2, с. 159; 3, с. 24; 10, с. 22, 25 и сл./: 1/ серебряная восьмилопастная плоская подвеска с серповидной орнаментированной пластиной /рис. 1, 1/. Размеры: 5,0×5,0 см; 2/ вытянуто-шестигранная сердоликовая бусина /рис. 1, 2/; 3/ округлая бусина из фиолетового стекла /рис. 1, 3/; 4/ крупная часть черного кожного налучья с половинкой /конец с вырезом для тетивы и фрагментом плеча/ сложносоставного лука внутри /рис. 1, 4—5/. У последнего фиксируются фрагменты тетивы /из сыромятного ремешка/, сухожилий, бересты и сыромятной обмотки. Общая длина фрагмента сложносоставного лука /по дуге изгиба/ 41,8 см, расстояние между сохранившимися концами 35,0 см, ширина части плеча 4,0 см; 5/ крупный фрагмент черного кожного колчана с сохранившимся лишь деревянным основанием /рис. 1, 6/. Это основание имеет ладьевидную форму /20,5×5,2 см/.

Данный погребальный инвентарь из харпинского склепа, имеющий аналогии в других наземных гробницах края, можно отнести к XVII—XVIII вв. /2, с. 158—159; 11; 12; с. 120; 13 и др./.

Причем фиксация налучий и колчанов в позднесредневековых древностях края — очень редкое явление /10, с. 25, 27—28 и сл.; 14, с. 25; 15, с. 100—101; 16, с. 66/.

Эрзийский наземный склеп. Жители сел. Ольгеты Х. Буружев, М. Евкуров и другие передали автору вещевые находки из полуразрушенного башнеобразного /с пирамидально-ступенчатой крышей/ наземного склепа, расположенного в позднесредневековом башенном поселке Эрзи /2, с. 159; 3, с. 22—23/. Находки происходят из разрушенной части первого этажа усыпальницы. Среди них: 1/ золотая подвеска в виде незамкнутого кольца, на котором полая бусина удлиненно-сферической формы, украшенная сверху двумя колонками шариков /всего 8 экз./, а снизу — мелкой зернью /рис. 1, 7/. Высота подвески — 5,5 см; 2/ бронзовая фигурная орнаментированная бляха /рис. 1, 8/. Она массивная, литая. Размеры: 8,5×4,7 см; 3/ серебряная девятилопастная плоская подвеска с серповидной орнаментированной пластиной /рис. 1, 9/. Размеры: 5,8×5,4 см; 4/ железный черенковый однолезвийный боевой нож с

Рис. 1. Находки XVII—XVIII вв. из наземных склепов горной Ингушетии /1—6 — Харце, 7—17 — Эрзи/.

роговой рукоятью в деревянных ножнах /рис. 1, 10/. Общая длина ножа 26,0 см, длина клинка 16,0 см, ширина клинка 1,7 см, толщина спинки 0,5 см. Длина ножен 25,7 см. Ножны вырезаны из цельного куска древесины. В верхней части они имеют обмотку из кожаного ремешка для подвешивания к поясу; 5/ фрагмент бронзового литого орнаментированного браслета /рис. 1, 11/; Диаметр сохранившейся части — 4,9 см, ширина — 1,2 см, толщина — 0,4 см; 6/ бронзовая орнаментированная булавка с заостренным концом и отверстием в верхней части /рис. 1, 12/. Она литая, имеет квадратное сечение. Длина булавки — 8,3 см; 7/ часть ожерелья из многочисленного разноцветного /белого, черного, зеленого, желтого/ бисера, кусочка перламутра, двух округлых бусин из фиолетового стекла, одной уплощенно-округлой бусины из матового стекла, одной мелкой прямоугольной ребристой бусины из гагата, одной мелкой сердоликовой бусины, 12 сравнительно мелких яйцевидных бусин из синего и зеленого стекла; 8/ бронзовые наперстки фабричной работы — 2 экз. /рис. 1, 13—14/. Имеют отверстия для подвешивания. У первого наперстка сохранилась нить для этой цели; 9/ раковина каури /рис. 1, 17/; 10/ бронзовая Г-образная поясная подвеска /рис. 1, 15/. Размеры: 5,0×4,7 см; 11/ фрагмент железного замка фабричной работы /рис. 1, 16/; 12/ фрагменты деревянной основы /конец с вырезом для тетивы и часть плеча/ сложносоставного лука — 2 экз. /рис. 2, 1—2/. На части плеча и конце этого лука отмечаются многочисленные, продольно расположенные, бороздки. На плече находится треугольный вырез для соединения с концом лука. Общая длина фрагментов /по дуге изгиба/ — 43,0 см, расстояние между сохранившимися концами — 36,0 см, ширина части плеча — 3,8 см.

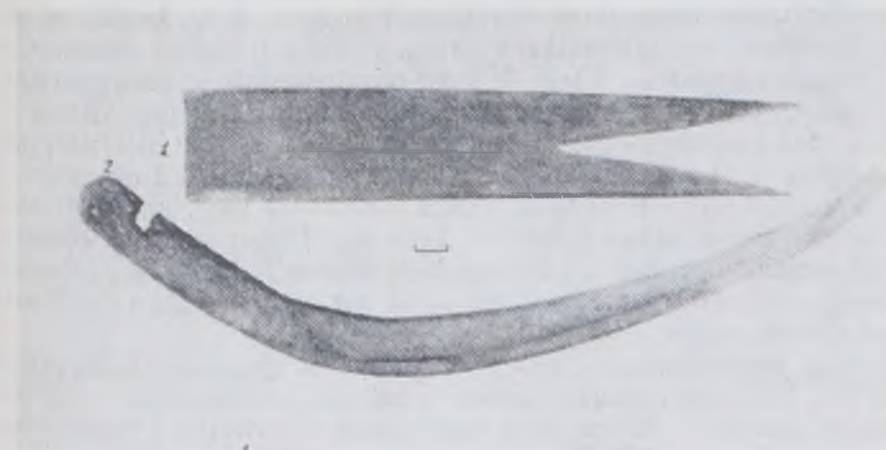

Рис. 2. Фрагменты основы сложносоставного лука из склепа в поселке Эрзи.

Вышенеречисленные находки из Эрзийского склепа с коллективным характером совершенных захоронений также можно отнести к XVII—XVIII вв., на что со всей очевидностью указывают такие весьма поздние по времени предметы, как фабричных типов наперстки и замок, а также позднейших типов подвески, боевой нож, бусы и т. д. /сравни: 2, с. 158—159; 12, с. 120; 13; 15, с. 100—101; 17, с. 89; 18, с. 108; 19, с. 64—69; 20, с. 97 и сл./ Однако обнаруженные образцы поясной бляхи и браслета пока являются единичными находками в синхронных древностях Чечено-Ингушетии.

Маготинский полуподземный склеп. Из одной практически полностью разрушенной, полуподземной склеповой усыпальницы обширного Маготинского некрополя стали известны находки, хранившиеся на местной турбазе «Салги» /3, с. 20—22/. При любезной помощи археолога Е. И. Нарожного удалось собрать большую часть этого погребального инвентаря.

Подавляющая часть обнаруженных археологических материалов — наконечники стрел /31 экз./. Все они железные, черешковые. По характеру поперечного сечения пера или острия наконечники стрел подразделяются на две группы: **граненые** /12 экз./ и **плоские** /19 экз./.

По форме пера или острия граненые наконечники подразделяются на следующие типы: 1/ трехгранный с круглой шейкой /рис. 3, 1/. Его размеры: общая длина — 77 мм, длина головки — 36 мм, длина шейки — 15 мм, ширина грани — 8 мм; 2/ вытянуто-пирамидальные, ромбовидные в сечении и с круглой шейкой — 2 экз. /рис. 3, 2—3/. Размеры: общая длина — 80—81 мм, длина головки — 45—50 мм, длина шейки — 11—15 мм, ширина грани — 6 мм; 3/ весловидный с четырехгранной головкой /рис. 3, 4/. Его размеры: длина — 78 мм, длина головки — 57 мм, ширина грани — 6 мм; 4/ короткий четырехгранный, с перехватом /рис. 3, 5/. Черешок обломан. Размеры: сохранившаяся длина — 34 мм, длина головки — 22 мм, ширина грани — 5 мм; 5/ узко-ромбовидный с четырехгранным острием и уплощенным пером /рис. 3, 6/. Размеры: длина — 61 мм, длина головки — 40 мм, ширина головки — 11 мм, ширина грани острия — 4 мм; 6/ пирамидальные, квадратные в сечении — 5 экз. /рис. 3, 7—11/. Размеры: длина — 55—70 мм, длина головки — 30—42 мм, ширина грани — 5—8 мм; 7/ вытянуто-ромбовидный с граненым острием и уплощенным пером /рис. 3, 12/. Размеры: длина — 83 мм, длина головки — 54 мм, ширина пера — 23 мм, ширина грани острия — 8 мм.

Плоские наконечники стрел представлены типами: 1/ двурогий /рис. 3, 13/. Размеры: общая длина — 100 мм, длина пера — 48 мм, ширина развилки — 38 мм; 2/ в виде узкой лопаточки с тупоугольным острием /рис. 3, 14/. Размеры: длина — 114 мм, длина пера — 70 мм, ширина пера — 23 мм; 3/ ромбические — 2 экз. /рис. 15—16/. Размеры: длина — 92—95 мм, длина пера — 42—65 мм, ши-

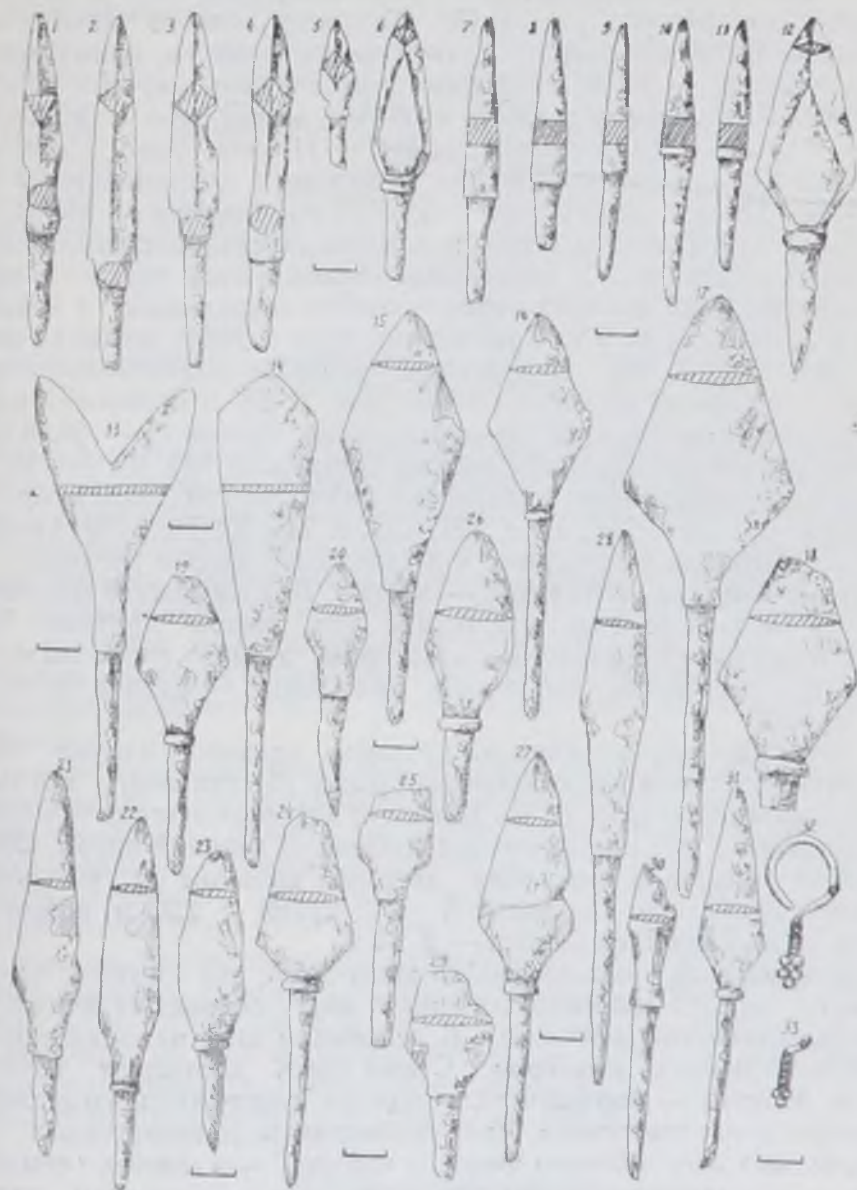

Рис. 3. Находки XIV в. из полуподземного склепа Маготинского некрополя.

рина — 24—28 мм; 4/ ромбовидные — 2 экз. /рис. 3, 17, 20/. У второго экземпляра черешок и острие обломаны. Размеры: сохранившаяся длина — 58—137 мм, длина пера — 50—70 мм, ширина — 31—38 мм; 5/ подромбический с выпуклыми ударными и вогнутыми нижними гранями /рис. 3, 18/. Острие у данного наконечника обломано. Размеры: сохранившаяся длина — 69 мм, длина пера — 35 мм, ширина — 21; 6/ с коротким ромбовидным пером и перехватом /рис. 3 19/. Размеры: длина — 60 мм, длина пера — 30 мм, ширина — 13 мм; 7/ узко-ромбовидные — 11 экз. /рис. 3, 21—31/. Часть из них сильно повреждена. Размеры: сохранившаяся длина — 47—126 мм, длина пера — 28—75 мм, ширина — 11—21 мм.

Кроме наконечников стрел, в коллекции археологических находок присутствовали: 1/ серебряная серьга в виде знака вопроса, нижний стержень которой перевит тонкой проволокой и заканчивается столбиком из 9-ти припаянных друг к другу мелких шариков зерни /рис. 3, 32/; 2/ фрагмент бронзовой аналогичной серьги, но уже с четырьмя шариками зерни /рис. 3, 33/ 3/ бронзовая цепочка с крупным кольцом на одном из концов. Длина ее — 56, 5 см.

Эти найденные предметы можно датировать XIV в., на что указывают многочисленные имеющиеся аналогии /см., например: 11; 16, с. 65—67; 21, с. 117; 22, с. 137; 23, с. 21—22; 24/. Практически все они бытовали в это время и в северокавказском регионе.

Ахкыр-Когское святилище — здание. В 2 км южнее башенного поселка Биср, в верховьях р. Армхи /ее левого притока Шон-Чож/, в местности «Ахкыр-Ког» автором в 1985 году было открыто и обследовано небольшое святилище — здание /2, с. 159; 3, с. 19—20/.

Святилище расположено на крупном скальном валуне, имеет двускатно-ступенчатую сланцевую крышу /5 ступенек/, а в плане оно прямоугольно /рис. 4—5/. Крыша и юго-восточная стена сильно повреждены. У последней имелся сводчатый дверной проем. Ориентирована культовая постройка дверным проемом на юго-восток. Размеры святилища /по линии А—А¹/: длина — 2,23 м, ширина — 1,82 м, сохранившаяся высота — 2, 15 м.

Сложена культовая постройка тщательно, из частично обработанных и хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит на известково-глинистом растворе. В основании стен находятся плиты наиболее крупных размеров. Стены здесь достигают толщины 0,60 м. Кладка — порядковая. Судя по прослеживаемым следам, снаружи стены святилища были подвергнуты дополнительно штукатурке, она желто-белого цвета, а изнутри — в местах стыковки плит — прослеживается обмазка — затирка известковым раствором.

Снаружи из северо-восточной стены постройки, на высоте 1,34 м от основания, выступает на 0,32 м сланцевая плита шириной 0,24 м. Она имеет небольшое, диаметром 5 см, отверстие.

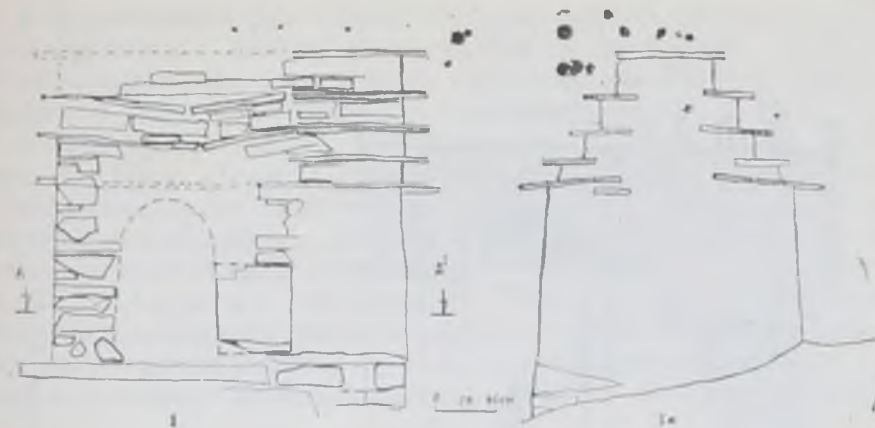

Рис. 4. Ахкыр-Когское святилище-здание /1 — юго-восточная стена, 1а — северо-западная стена/.

Внутри святилища, в центре северо-западной стены, находится поврежденная ниша — тайник /0,34×0,30×0,32 м/, из которой местными чабанами были взяты 8 бронзовых колокольчиков и железный трезубец. Только один, наиболее крупный из них, колокольчик автору передал житель сел. Ольгеты С. И. Гетагазов /рис.5, 2/. Размеры колокольчика: 12,5×7,5 см. Внутреннее основание святилища — скальное. Культурный слой полностью отсутствует. Камера постройки имеет сводчатое очертание /путем напуска плит/. Высота камеры достигает 1,40 м. В плане она трапециевидна /1,36×0,88 м/.

Данная культовая постройка располагалась у важной средневековой торгово-транспортной магистрали, ведущей через горный перевал в Грузию. По отрывочным преданиям, святилище особо почиталось /вплоть до начала XX в./ этнической группой Шонхой ингушского башенного поселка Шуан, предки которой раньше проживали в этом районе и держали под контролем данную важную торгово-транспортную дорогу. Воздвигнуто было святилище местным безымянным мастером-строителем примерно на рубеже XVII—XVIII вв. /2, с. 159; 3, с. 19—20; 25/. Более достоверных сведений об этой культовой постройке пока нет. Хронология, эволюция и генезис культовых построек края в целом еще дискуссионны и проблематичны /см., например: 26; 27/.

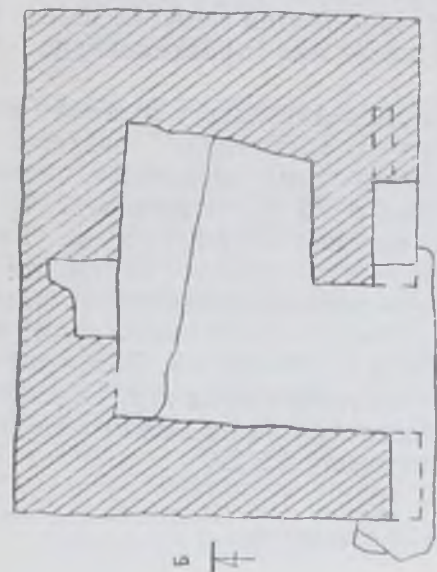
Таргимская котловина

Панейский пещерный храм-святилище. В 1985 году на труднодоступной вершине Панае горы Цей-Лам в Таргимской котловине высокогорной Ингушетии альпинистами ДСО «Труд» во главе с

по Б-Б'

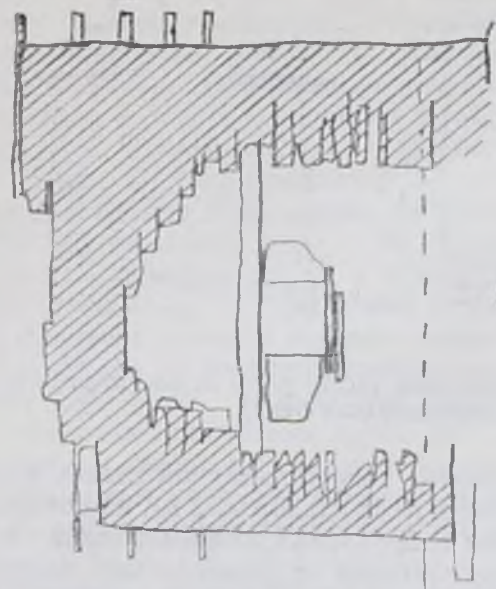
0 10 40 см

по А-А'

1в

С

1б

Рис. 5. Ахыр-Когское святилище-здание /1б — разрез по линии А-А',
1в — разрез по линии Б-Б', 2 — колокольчик/.

А. А. Курочкиным был открыт разрушающийся пещерный крупный храм-святилище. Автору была сообщена подробная информация об этом культовом сооружении, переданы масштабные рисунки и предметы, обнаруженные здесь альпинистами /28, с. 68 и сл./.

Пещера расположена на обрывистом склоне у самой скальной вершины Пана. Некогда к ней вела узкая тропа, искусно выбитая в скальном склоне, но к настоящему времени уже большей частью рухнувшая в пропасть. Пещера имеет сводчатое очертание и фасадной открытой частью ориентирована на юг. Ее размеры: длина — 20 м, ширина — 10 м, высота — 15 м. В ее основании, посредством использования частично обработанных и хорошо подогнанных друг к другу камней на известково-глинистом растворе, тщательно возведена ровная площадка /рис. 6/. Ее размеры: длина —

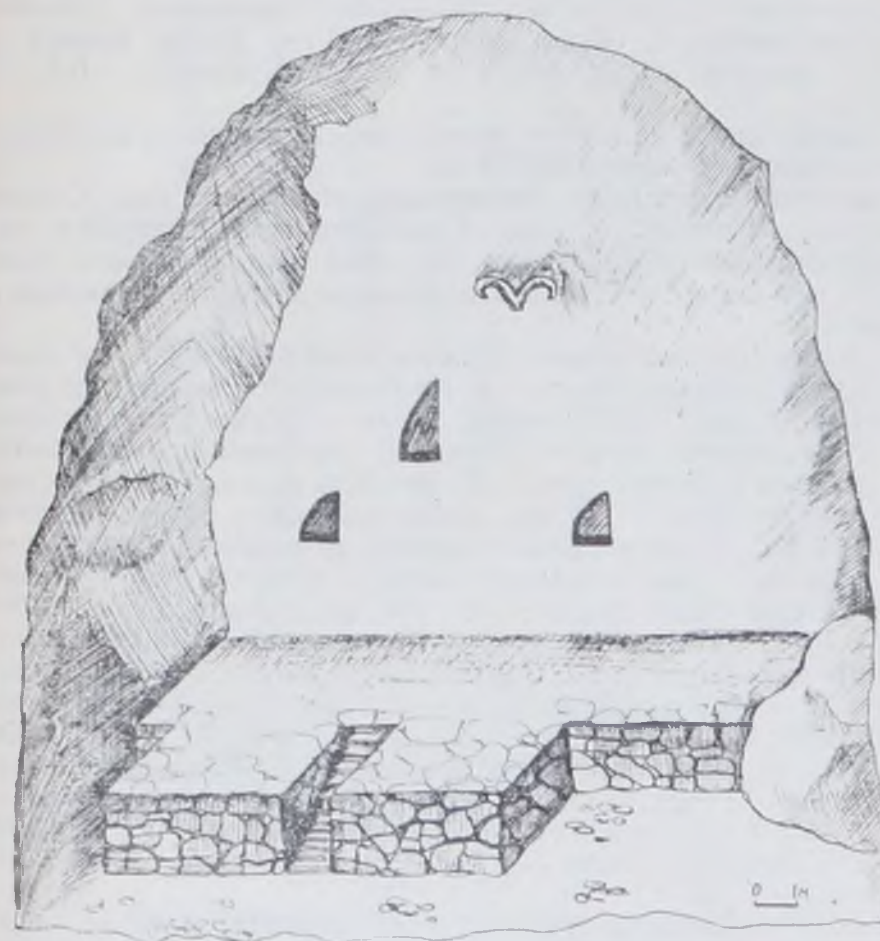

Рис. 6. Панейский храм-святилище.

— 14 м, ширина — 10 м, высота — 2 м. С прилегавшей к пещере тропы на площадку можно было подняться по выложенным каменным ступенькам. В центральной части скальной северной стены пещеры /на высоте 8 м от уровня площадки/ можно видеть вбитые крупные рога горного козла. Рядом же находятся три крупные сводчатые ниши.

По информации альпинистов, по всей площади возведенной площадки были разбросаны рога не менее, чем 100 жертвенных козлов. Здесь же были обнаружены следующие предметы:

1/ железный черенковый боевой нож-пила с волнистыми спинкой и лезвием, с мелкими зубьями у последнего. Спинка полностью сливается с широким черенком, от которого лезвие отделено ярко выраженным уступом. Всего на лезвии 57 зубьев, расположенных по прямой линии. На черенке находятся три отверстия и выступы на конце — для крепления несохранившейся составной рукояти. Размеры экземпляра: общая длина — 26,3 см, длина клинка — 15,5 см, ширина клинка — 3,2 см, толщина спинки — 0,4 см /рис. 7, 1/.

2/ поврежденное железное перекрестье сабли /рис. 7, 2/. Размеры сохранившейся части: 8,5×2,3 см;

3/ железные черешковые наконечники стрел — 52 экз. Сильно повреждены /видимо, от ударов об скальную стену пещеры/ и частью представлены фрагментами. По характеру поперечного сечения пера или острия они подразделяются на 2 группы: **граненые** и **плоские**.

По форме пера или острия граненые наконечники /21 экз/ представлены следующими типами: 1/ ромбовидный с вытянутым ромбом в сечении /рис. 7, 3/. Размеры: длина — 105 мм, длина головки — 75 мм, ширина грани — 11 мм; 2/ узко-ромбовидный с вытянутым ромбом в сечении /рис. 7, 4/. Размеры поврежденного экземпляра: общая длина — 64 мм, длина головки — 53 мм, ширина грани — 7 мм; 3/ килевидные с вытянутым ромбом в сечении — 14 экз. /рис. 7, 5—18/. Четыре наконечника представлены фрагментами. Размеры: общая длина — 58—100 мм, длина головки — 35—65 мм, ширина грани — 5—10 мм; 4/ узко-ромбический с вытянутым ромбом в сечении /рис. 7, 19/. Размеры: длина — 95 мм, длина головки — 55 мм, ширина грани — 10 мм; 5/ весловидные с четырехгранной головкой и с шейкой — 3 экз. /рис. 7, 20—22/. От двух образцов сохранились только фрагменты. Размеры наконечника: длина — 85 мм, длина головки — 56 мм, ширина грани — 5 мм; 6/ узко-кинжаловидный ромбического сечения и с шейкой /рис. 7, 23/. Размеры: длина — 94 мм, длина головки — 66 мм, ширина грани — 5 мм.

Плоские наконечники стрел /31 экз./ подразделяются на типы: 1/ в виде лопаточки с плоской ударной гранью /рис. 7, 24/. Размеры: общая длина — 79 мм, длина пера — 44 мм, ширина пера —

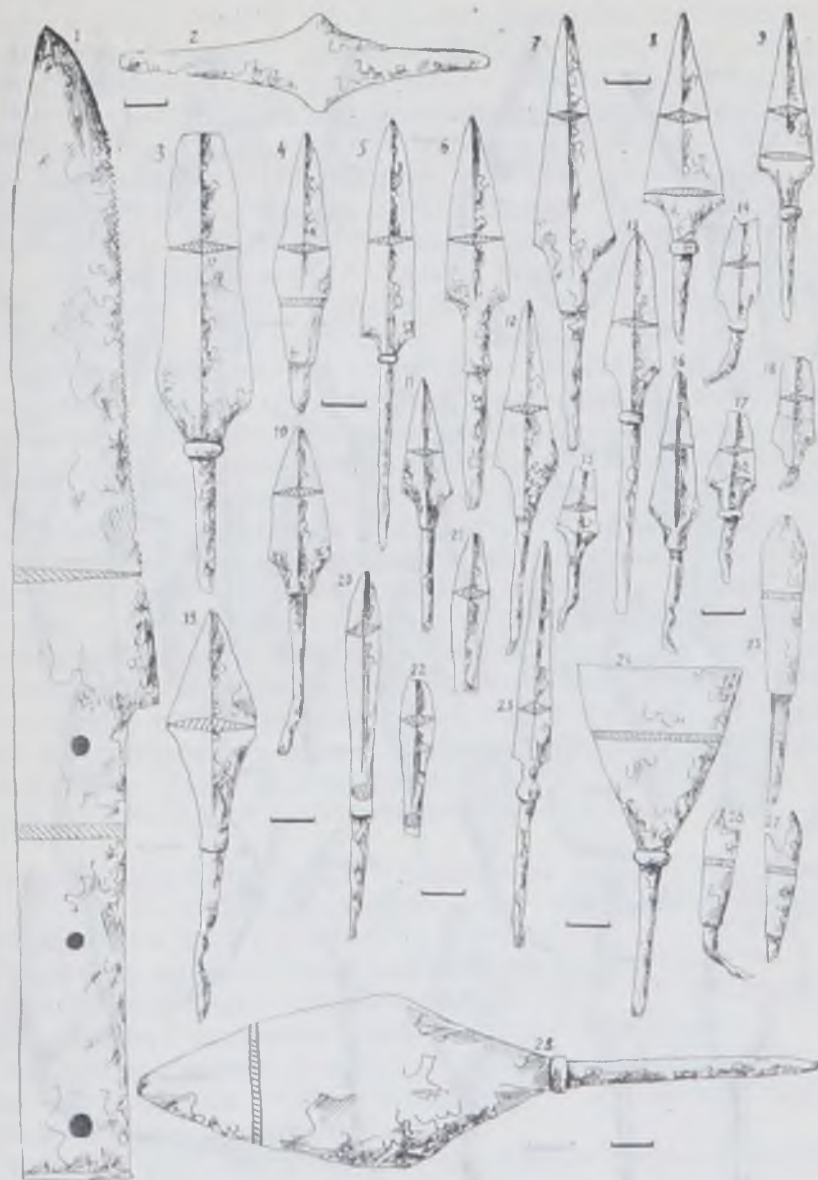

Рис. 7. Инвентарь XIV в. из Папейского храма-святилища.

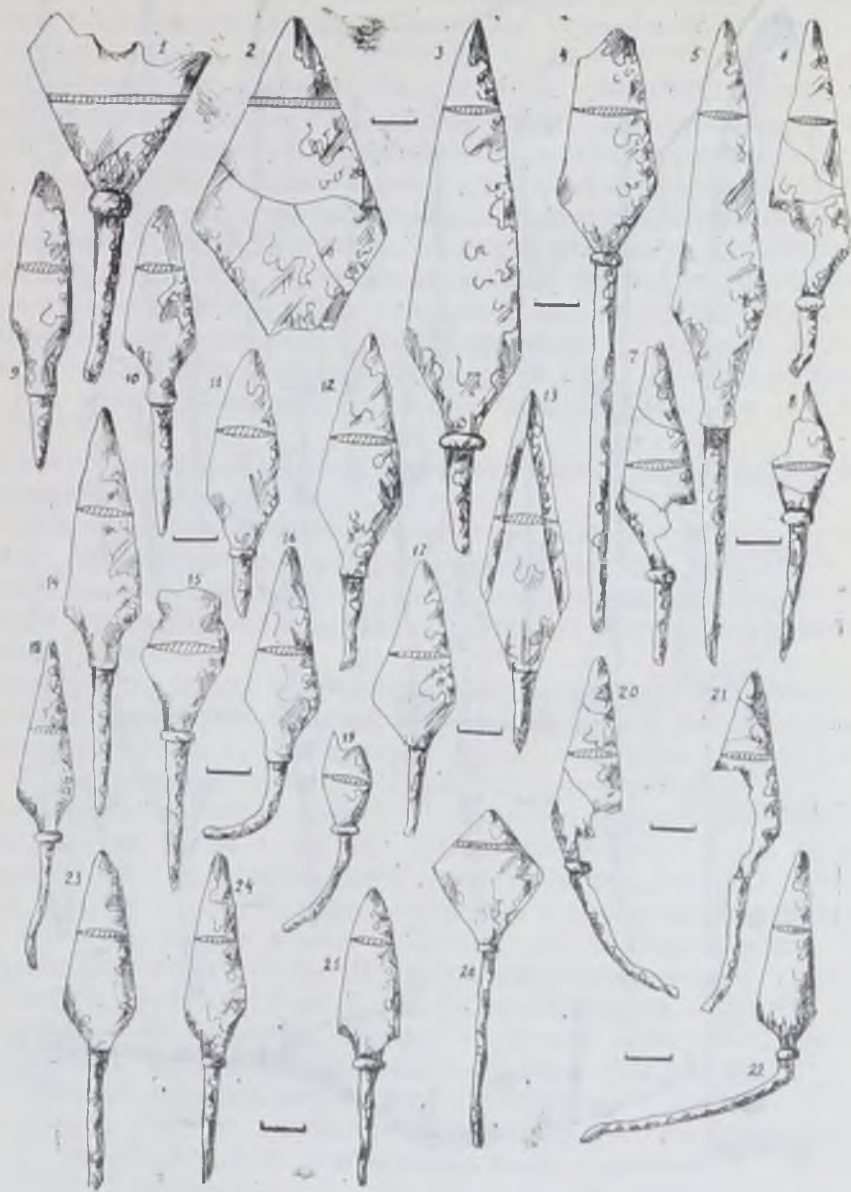

Рис. 8. Наконечники стрел из Панейского пещерного храма-святилища.

37 мм; 2/ в виде вытянутой лопаточки с закругленной ударной гранью 3 экз. /рис. 7, 25—27/. Размеры: общая длина — 66—69 мм, длина пера — 40—44 мм, ширина — 10—12 мм; 3/ ромбовидные крупные — 3 экз. /рис. 7, 28; 8, 1—2/. Два образца представлены фрагментами. Размеры сохранившегося экземпляра: длина — 155 мм, длина пера — 100 мм, ширина — 40 мм; 4/ ромбовидные — 6 экз. /рис. 8, 3—8/. Три из них в мелких фрагментах. Размеры: длина — 120—145 мм, длина пера — 56—89 мм, ширина — 20—25 мм; 5/ узко-ромбовидные — 15 экз. /рис. 8, 9—24/. Четыре из них — фрагменты. Размеры: длина — 61—92 мм, длина пера — 43—68 мм, ширина — 13—20 мм; 6/ килевидный /рис. 8, 25/. Размеры: длина — 66 мм, длина пера — 40 мм, ширина — 13 мм; 7/ узко-ромбический /рис. 8, 26/. Сильно поврежден. Размеры: длина — 75 мм, длина пера — 30 мм, ширина — 25 мм;

4/ железные втульчатые наконечники копий — 6 экз. Сильно повреждены — частью представлены фрагментами. Книзу втулки наконечников, округлые в сечении, заметно расширялись. Все находки граненые и подразделяются по форме пера или острия на типы: 1/ узкотреугольный с вытянутым ромбом в сечении острия и ребром жесткости посередине пера /рис. 9, 1/. Часть острия обломана, а втулка повреждена. Размеры экземпляра: общая длина сохранившейся части — 17,5 см, длина части пера — 14,2 см, ширина грани пера — 1,5 см. Вес — 165 г.; 2/ шиловидные квадратного и ромбического сечения — 5 экз. /рис. 9, 2—6/. Три наконечника представлены фрагментами. На сохранившихся втулках фиксируется по одному отверстию для крепления с помощью заклепок-гвоздей наконечников к дереву. Размеры сохранившихся находок: общая длина — 24,5—28,5 см, длина пера — 12,5—23,5 см, ширина грани — 0,8—1,1 см, диаметр втулки — 2,3 см. Вес — 120—160 г.;

5/ серебряный и бронзовые нательные небольшие кресты — 3 экз. /рис. 9, 7—9/. Сильно повреждены. Их размеры соответственно 4,0×4,7 см, 3,4×2,3 см и 3,9×2,9 см;

6/ фрагмент крупного железного креста /рис. 9, 10/;

7/ деревянный бокал токарной работы /рис. 10, 1/. Сильно поврежден. Высота сохранившейся части — 13,8 см;

8/ деревянная ножка /округлая в сечении/ от небольшого столика /рис. 10, 3/. Длина — 35,5 см, диаметр — 4,5 см. Изготовлен на токарном станке и тщательно отделан;

9/ крупный рог горного козла с явно отпиленным концом рис. 10, 2/. Длина его — 17,5 см.

Анализ вышеперечисленных находок позволяет отнести данное крупное культовое сооружение ко второй половине XIV в. На это указывают прежде всего встреченные типы наконечников стрел, копий, боевого ножа-пилы, перекрестья сабли и нательные кресты, имеющие четко датируемые аналоги в древностях края и региона

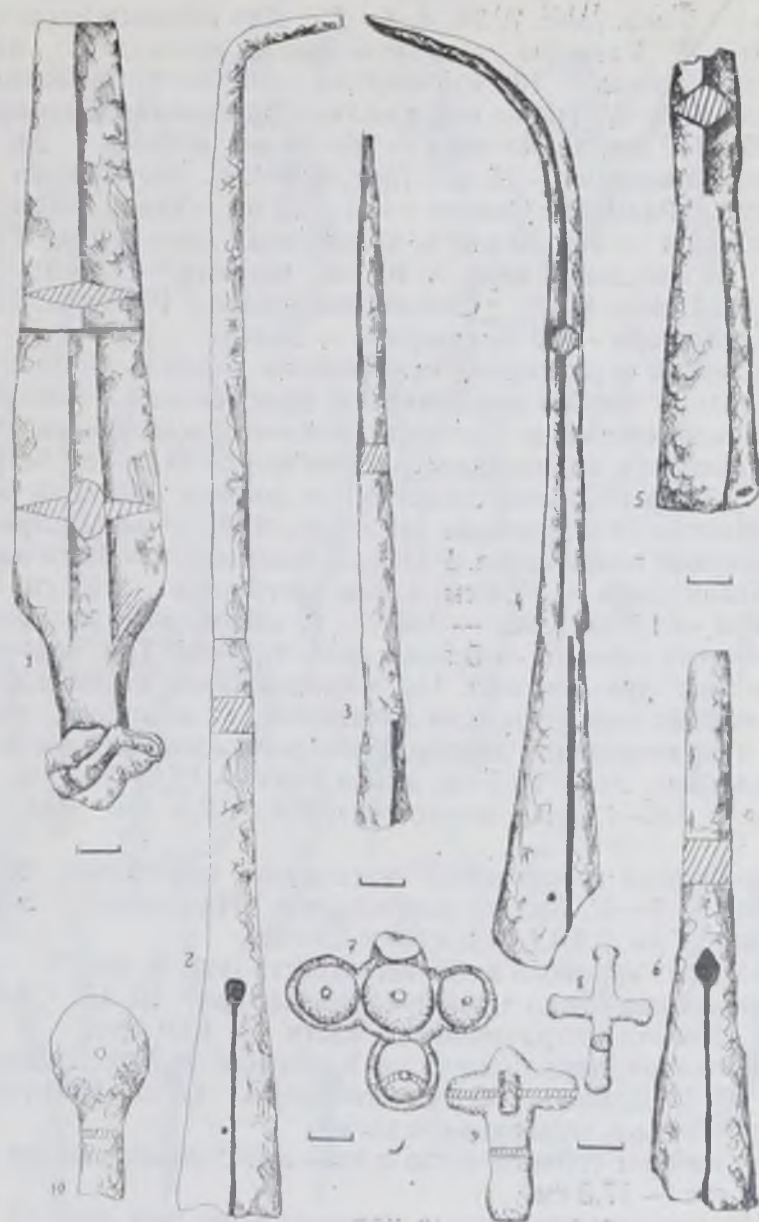

Рис. 9. Находки из Панейского храма-святилища.

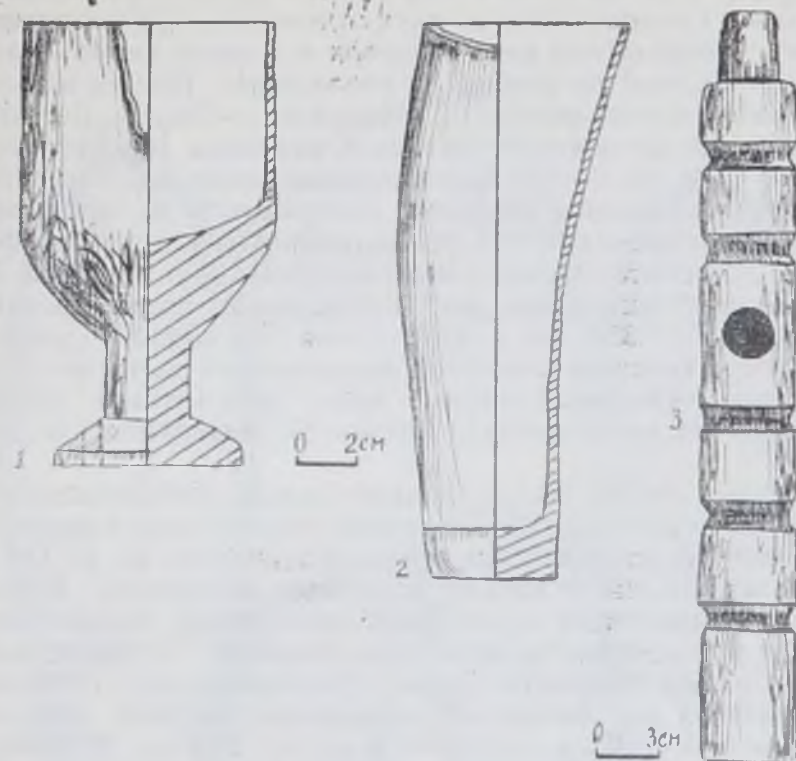

Рис. 10. Инвентарь из Панейского храма-святилища.

/сравни, например: 10; 11, с. 61—67; 16, с. 62—67; 21, с. 137; 24; 28, с. 67—68; 29, с. 154—155; 30, с. 239; 31, с. 41; 32, и др./.

Повидимому, это культовое сооружение использовалось христианизованным местным населением вплоть до конца XIV в. /27; 32/.

Верхнеоздский склеповый могильник. В 0,5 км юго-западнее башенного поселка Верхний Оздик в Таргимской котловине, на высоком правом берегу речки, расположен крупный склеповый могильник, состоящий из более, чем 15 коллективных полуподземных усыпальниц позднего средневековья. Последние большей частью уже полуразрушены. Этот новый крупный могильник был открыт при помощи и содействии местных жителей Р. Куркнева, М. Евкурова и других, которыми были переданы автору очень редкие и важные отдельные случайные находки из двух практически полностью разрушенных склеповых гробниц /4, с. 6; 10, с. 120/. Так, из первого полуподземного склепа, находящегося в центральной части могильника, происходят: 1/ железный шлем сфероконической формы с козырьком и отверстием для флажка-яловца на на-

вершины /рис. 11, 1/. Он сильно поврежден и представлен крупными фрагментами. Склепан шлем из двух отдельных, горизонтально соединенных /посредством ряда заклепок и горячейковки/ частей. Кольчатой бармицей он вообще не располагал. Высота шлема — 20 см, диаметр его основания /с козырьком/ — 22 см. Вес находки — 820 г.; 2/ два полных комплекта железных двухчастных налокотников /рис. 11, 2—3/. Представлены также крупными фрагментами. Налокотники шарнирные, застегивались на две массивные пряжки с ремешками. По форме, размерам и деталям оформления они отличаются /правда, незначительно/ друг от друга. Длина больших массивных вогнутых пластин налокотников равна соответственно 36,5×35,5 см, а наибольшая их ширина достигает 11,8 и 11,0 см. Толщина пластинок налокотников достигает 2,4 мм. Судя по прослеживаемым следам, снизу налокотники подбивались цветной мягкой и плотной /стеганой?/ матерчатой подкладкой.

Среди руин второго полуподземного склепа, расположенного в западной части могильника, обнаружен сильно поврежденный железный шлем сфероконической конфигурации /рис. 11, 4/. Он полностью цельнокованый с низким железным навершием. На венце располагается железный обруч с многочисленными мелкими отверстиями для крепления кольчатой сетки-бармицы. От последней сохранилась только небольшая часть. Изнутри шлема отмечаются остатки плотной /простеганной?/ матерчатой цветной подкладки или подшлемника. Шлем достигает в высоту 19,0 см. Диаметр его основания — 19,5 см. Вес поврежденного боевого убора — 780 г. Рядом с данным шлемом присутствовали фрагмент наконечника стрелы в виде вытянутой лопаточки /срезень/ и крупная часть железной сабли /4, с. 6; 10, с. 120/. К сожалению, последняя была затем утеряна.

По своим характерным чертам встреченные в полуподземных склепах у поселка Верхний Оздик весьма интересные образцы оружия несомненно имеют золотоордынское происхождение /или, вернее всего, они изготовлены искусными вайнахскими мастерами-оружейниками по известным в это время и широко популярным высококачественным изделиям Золотой Орды/, что убедительно подчеркивают ныне известные разнотипные /в том числе и археологические /источники /см., например: 11, 16, 24; 33, с. 257—259 и сл.; 34, с. 187—196; 35, с. 357—359; 36, с. 74—77; и др./.. По крайней мере, до чингизидского нашествия на Северный Кавказ в XIII веке, подобного типа вооружения в регионе не фиксируется. Обнаруженные образцы вооружения можно датировать концом XIII—XIV в., а склеповый могильник в целом — второй половиной XIII—XV вв.

В заключение следует перечислить некоторые наиболее важные погребальные и культовые памятники позднего средневековья, от-

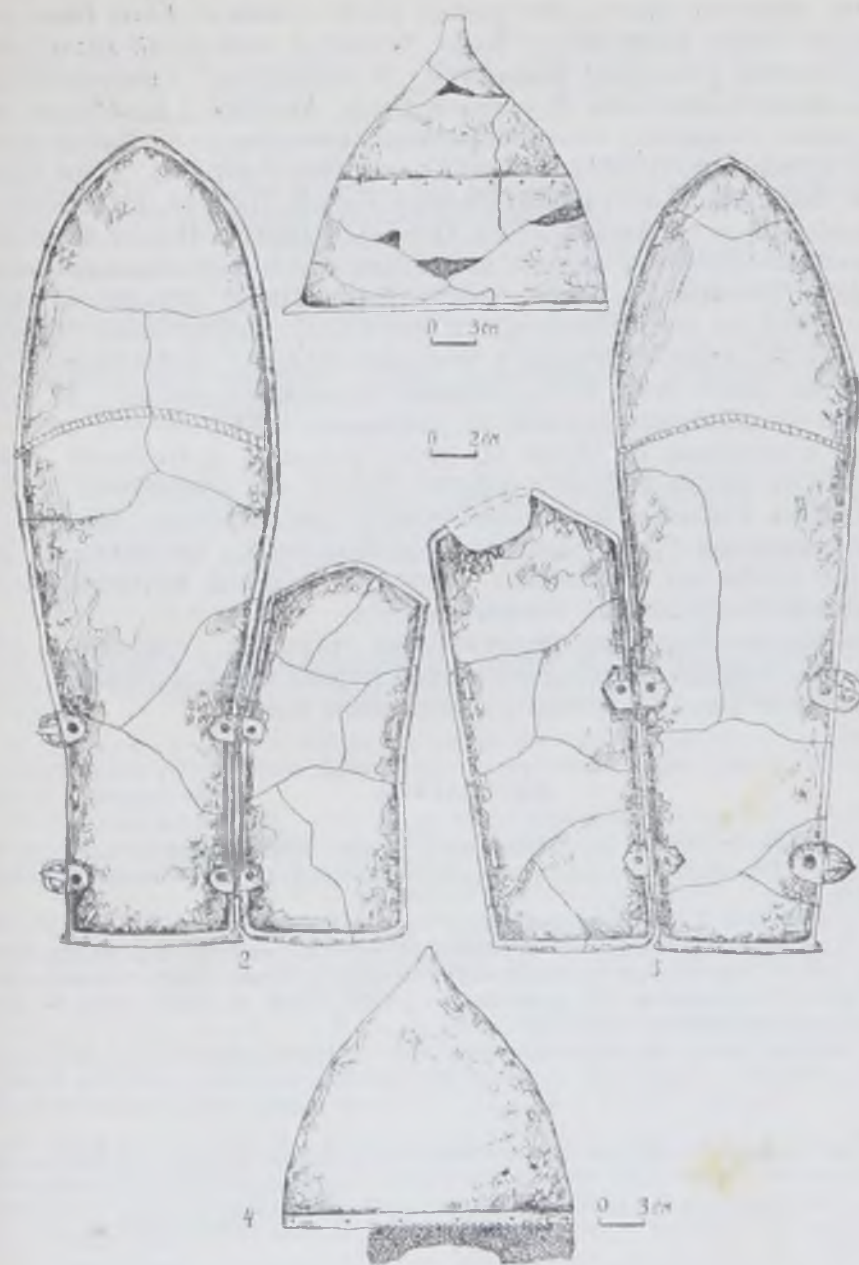

Рис. 11. Защитное вооружение из полуподземных склепов Верхнеоздического могильника.

крытые автором в рассматриваемом микрорайоне края. Так, например, крупные храмы-святилища расположены близ башенных поселков Гоуст, Биср, Цоли, Кяхк, большой пещерный храм-святилище отмечен у поселка Божгорты, а небольшие святилища-здания — вблизи поселков Дугагишт, Биср, Аккабос. Наиболее многочисленны открытые столпообразные святилища — вблизи поселков В. Озми, Гоуст, Эбан, Мецхал, Горак, Биср, В. Хули, Бишт, Салги, Ханикал, Кязи, Цоли, Старый Евлой, Пялинг, Ний, Кашети, Вици, Пуй /2 экз./, Аршауг, Гул, Нивель и других. Новые обширные могильники XIII—XV вв. из каменных ящиков обнаружены около поселков Нижний Джейрах, Армхи, Карт, Пуй, Эгикал и Салги. Могильники из полуподземных и подземных склеповых гробниц XIII—XV вв. зафиксированы у поселков Лежги, Дошхакле, Карт, Гадаборш, Кели, Кий, Ког, Верхний и Нижний Лейми, Н. Хули, Ерши, а из наземных склеповых усыпальниц XVI—XVIII вв. — на окраинах поселков Н. Озми, Н. Хули, Нижний и Верхний Лейми, Карт, Хани, Ерши, Цизды и других /см. о них подробнее: 3; 4; 5/. Безусловно, введение в научный оборот этих многочисленных по- вых памятников будет реально способствовать освещению мно- гих еще слабо исследованных вопросов прошлой истории населе- ния Чечено-Ингушетии и его соседей.

Таковы некоторые археологические открытия, сделанные авто- ром в зоне строительства Кавказской перевальной железной доро- ги в высокогорной Ингушетии в последние годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Историко-архитектурные объ- екты 102-го Всесоюзного горно-пешеходного маршрута по Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
2. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии //АО—1985. М., 1987.
3. Чахкиев Д. Ю. Отчет об охранных полевых работах в Джейрахском ущелье горной Ингушетии археологического отряда Чечено-Ингушского институ- та истории, социологии и филологии /ЧИИИСФ/ в 1985 году. — Архив ЧИНИИИЭСФ, Грозный, 1988, рф.
4. Чахкиев Д. Ю. Археологическая карта Чечено-Ингушской АССР. Па- мятники позднего средневековья горной Ингушетии /зона строительства автоотрас- сы Бишт — станция Таргим и КПЖД/. — Архив ЧИНИИИЭСФ, Грозный, 1987, рф.
5. Чахкиев Д. Ю. Археологическая карта Чечено-Ингушской АССР. Позд- несредневековые памятники Чечено-Ингушетии /жилищно-оборонительные, погребаль- ные и культовые постройки/, /зона строительства автоотрассы Чми-Хули в Джейрахском ущелье горной Ингушетии/. — Архив ЧИНИИИЭСФ, Грозный, 1988, рф.
6. Чахкиев Д. Ю. Археологическая карта Чечено-Ингушской АССР. Па- мятники позднего средневековья Чечено-Ингушетии /Назрановский район/. — Архив ЧИНИИИЭСФ, 1989, рф.
7. Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Таргимская котловина и Джей- раховское ущелье — историко-культурные святыни Северного Кавказа //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кав-

казской перевальной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. Грозный, 1989.

8. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Археологические исследования ЧИНИИИЭСФ в зоне строительства КПЖД /некоторые итоги и проблемы/ //Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строитель- ством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингуш- ского комплексного заповедника. Грозный, 1989.

9. Чахкиев Д. Ю. Новые материалы о горном промысле горцев Ингуше- тии /конец XVIII — первая половина XIX в./ //Чечено-Ингушетия в составе Рос- сии в конце XVIII — середине XIX века. Грозный, 1989.

10. Чахкиев Д. Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредне- вековых вайнахов /XIII—XVIII вв./ /археолого-этнографическое исследование/. — Дис. ...канд. ист. наук. Грозный, 1986. — Архив научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987, д. № 555.

11. Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов //Новые археологические материалы по средне- вековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

12. Чахкиев Д. Ю. Исследования в горной Ингушетии //АО—1980. М., 1981.

13. Даутова Р. А., Чахкиев Д. Ю. Некоторые новые материалы по мавзолеям горной Ингушетии //Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

14. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии //МАК, вып. 1. М., 1888.

15. Виноградов В. Б. Работы в горной Ингушетии //АО—1979. М., 1980.

16. Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми /горная Ингушетия/ //Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Гроз- ный, 1985.

17. Даутова Р. А. К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Че- чено-Ингушетии //Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ин- гушетии. Грозный, 1986.

18. Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ин- гушетии /по материалам 1966 года/ //Памятники эпохи раннего железа и средне- вековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.

19. Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневе- ковых погребальных комплексов Северного Кавказа //Изв. СКНЦВШ, 1977, № 1.

20. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

21. Даутова Р. А. Раскопки в горной Ингушетии //АО—1982. М., 1984.

22. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Нарож- ный Е. И., Савенко С. Н., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хозяй- ственных работ археологической лаборатории Университета //Толстовские чтения /Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской ра- боты за 1988 год/. Грозный, 1989.

23. Нарожный Е. И., Подгорный М. П. Серьги в виде знака вопроса из раскопок Келийского могильника //Студенческие археологические открытия 1987—1988 годов. Грозный, 1989.

24. Медведев А. Ф. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе //СА, 1966, № 2.

25. Информация получена от 114-летнего старожилы сел. Ольгеты Гетагазо- ва Исропа Шанхоевича.

26. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ин- гушетии /XIII—XVII вв./ Грозный, 1977.

27. Бараниченко Н. Н. Донсламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов. — Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1985.

28. Чахкиев Д. Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987.

29. Стрельченко М. Л. Вооружение адыгейских племен в X—XV вв. // По материалам Урбинского могильника // Наш край, вып. 1, Краснодар, 1960.

30. Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов / черкесов // Тр. ЧНИИ, вып. 2, Черкесск, 1954.

31. Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // Тр. ЧНИИ, вып. 3, Черкесск, 1959.

32. Бараниченко Н. Н., Чахкиев Д. Ю. Проникновение христианства в Чечено-Ингушетию. Грозный, 1984.

33. Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

34. Горелик М. В. Ранний монгольский доспех / IX — первая половина XIV в. // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

35. Чахкиев Д. Ю. О некоторых видах защитного вооружения позднесредневековых вайнахов // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985.

36. Чахкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.

НОВОСТРОЕЧНЫЕ РАСКОПКИ — ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ И ПЕРВООЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА АРХЕОЛОГОВ

(заключение к сборнику)

Итак, новый сборник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, экономики, социологии и филологии при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР прочитан (или просмотрен) до конца. Какие мысли вызывает он кроме тех сугубо научных версий и наблюдений, которые навеяны знакомством с его интересным фактическим содержанием? Не ошибусь, если предположу, что каждый профессионал (археолог и историк) заметит в нем очевидную диспропорцию между собственно публикацией вновь добытых данных и их историко-культурной интерпретацией, которая в преобладающем числе случаев крайне бегла и предварительна.

Вряд ли это следствие только оперативного введения в научный оборот новостроечных материалов. Следует считаться и с весьма скромным, строго лимитированным объемом сборника и с обычной надеждой специалистов на подготовку и издание в скором будущем обстоятельных, исчерпывающе полных и всеохватывающих трудов. Такие надежды не беспочвенны: они отчасти питаются опытом соседей из Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, опубликовавших в минувшем десятилетии впечатляющие сериалы изданий, базирующихся на анализе и публикации новостроечных материалов.

Если даже отвлечься от долгой предыстории сегодняшних широких полевых изысканий в связи со стройками народного хозяйства, то следует заметить: в нынешнем сборнике показана лишь крайне небольшая и отнюдь не самая выразительная часть результатов, которые оказались обеспечены небывалым ранее выходом археологов республики в сферу строительных и иных землеустроительных работ, неизбежно и весьма опасно угрожающих самому существованию и сбережению в будущем историко-культурной среды в нашем крае. Названные работы плотно сомкнулись с насущными археологическими интересами в середине 80-х годов, и завершающаяся пятилетка ознаменовалась зримыми успехами на попри-

ще выполнения буквы и духа Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 г. и одноименного Закона РСФСР (от 15 декабря 1978 г.).

В итоге можно назвать несколько зон прямого и длительного приложения сил археологов республики на хоздоговорных и госбюджетных основах в русле проведения планомерных и достаточно объемных новостроечных изысканий. Кроме района строительства Кавказской перевальной железной дороги (наиболее представленного в нынешнем сборнике), охватывающего, практически, всю горную Ингушетию, фронтальные работы велись (и продолжаются) в широкой зоне реконструкции второй очереди Ассиновской оросительной системы в Ачхой-Мартановском и Сунженском районах (курганные и иные могильники, разнообразные бытовые объекты); в связи с мелиоративными работами в Наурском районе (курганные некрополи и другие виды памятников) и расширением карьера по добыче глины Шалинским кирпичным заводом (окрестности богатого древностями села Сержень-Юрт); в сфере изыскательских работ по сооружению каскада гидроэлектростанций в Аргунском ущелье горной Чечни (разновременные археологические и архитектурные памятники вплоть до позднего средневековья); на участке строительства очистных сооружений Гудермесского биохимзавода (крупное средневековое поселение городского типа).

Такова в самых общих чертах панорама новостроечных работ с участием археологов НИИ и университета, в числе которых доктор исторических наук В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев, кандидаты исторических наук С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, С. Н. Савенко, Д. Ю. Чахкиев, научные сотрудники Р. А. Даутова, Е. И. Нарожный, С. Б. Бурков, Б. М. Хашегульгов, Г. Н. Вольная, С. Х. Бекмурзаев, Е. В. Ростунов, Л. Ю. Мухамедова и др.

В итоге этих напряженных работ добыт поистине огромный, труднообозримый материал, охватывающий, практически, все периоды местной археологии (за исключением каменного века). Самое обобщенное впечатление о научном и культурологическом значении его дают публикации соответствующих авторов в таких изданиях как «Археологические открытия» (М. 1985—1988), «Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством Кавказской перевальной железной дороги и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. Научно-практическая конференция. Январь 1989 г. Тезисы докладов» (Грозный. 1989); «Толстовские чтения. Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1988 год» (Грозный. 1989), «Археология и краеведение — вузу и школе. Тезисы докладов и сообщений Третьей региональной научно-практической конференции» (Грозный. 1989); «Памятники истории и культуры народов Северного Кавказа как фактор идейно-нравственного воспитания. Программа спецкурса» (Грозный. 1989) и др. Обширные и вы-

разительные данные используются при подготовке ряда кандидатских и докторских диссертаций, тематических сборников, учебных пособий и монографий. Они звучат в докладах на научных конференциях различных уровней и масштабов.

Заключаемый этими строками сборник — первый, специально посвященный тематике новостроечных раскопок в Чечено-Ингушской АССР. Он, как нельзя лучше показывает перспективность избранного археологами направления, соответствующего требованиям времени и образовательно-культурным запросам наших современников, без помощи которых проведение подобных археологических изысканий просто невозможно себе представить.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии
КПЖД	— Кавказская перевальная железная дорога
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	— Материалы по истории Ставропольского края
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
ЧИННИИЭСФ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии
ЧИГУ	— Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого
ЧИРКМ	— Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей
ЧНИИ	— Черкесский научно-исследовательский институт

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Даутова Резеда Абдулмуслимовна — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии ЧИННИИЭСФ.

Дударев Сергей Леонидович — кандидат исторических наук, доцент межвузовской кафедры истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

Мамаев Хамид Магомедович — кандидат исторических наук, ученый секретарь ЧИННИИЭСФ.

Нарожный Евгений Иванович — научный сотрудник археологической лаборатории при межвузовской кафедре истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого, соискатель по той же кафедре.

Хашегульгов Башир Мухарбекович — лектор Чечено-Ингушского обкома КПСС, аспирант-заочник межвузовской кафедры истории народов Северного Кавказа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого.

Чахкиев Джабраил Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЧИННИИЭСФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
С. Л. Дударев, Б. М. Хашегульгов. Материалы эпохи бронзы из Калиновских курганов (ЧИАССР)	7
Х. М. Мамаев. Раскопки кургана в г. Грозном в 1929 году (к истории новостроечных археологических исследований в Чечено-Ингушетии)	17
Р. А. Даутова. Новые данные о средневековых памятниках горной Ингушетии	28
Е. И. Нарожный, Х. М. Мамаев, Д. Ю. Чахкиев, Р. А. Даутова. Полу-подземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии)	49
Д. Ю. Чахкиев. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии	80
Новостроечные раскопки — требование времени и первоочередная задача археологов (заключение к сборнику)	101
Список использованных сокращений	104
Краткие сведения об авторах	105

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Редактор С. С. Бессонов
Художник В. Н. Калинин
Технический редактор А. П. Демидова
Корректоры Н. П. Арустамова, В. И. Чебоксарова

Сдано в набор 10.05. 1990 г. Подписано к печати 12.09. 1990 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага писчая № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 6,34. Уч.-изд. л: 6,52.
Тираж 700. Заказ № 5320. Цена 65 к.

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Государственного комитета Чечено-Ингушской АССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.
361907, Грозный, ул. Субботников, 35.